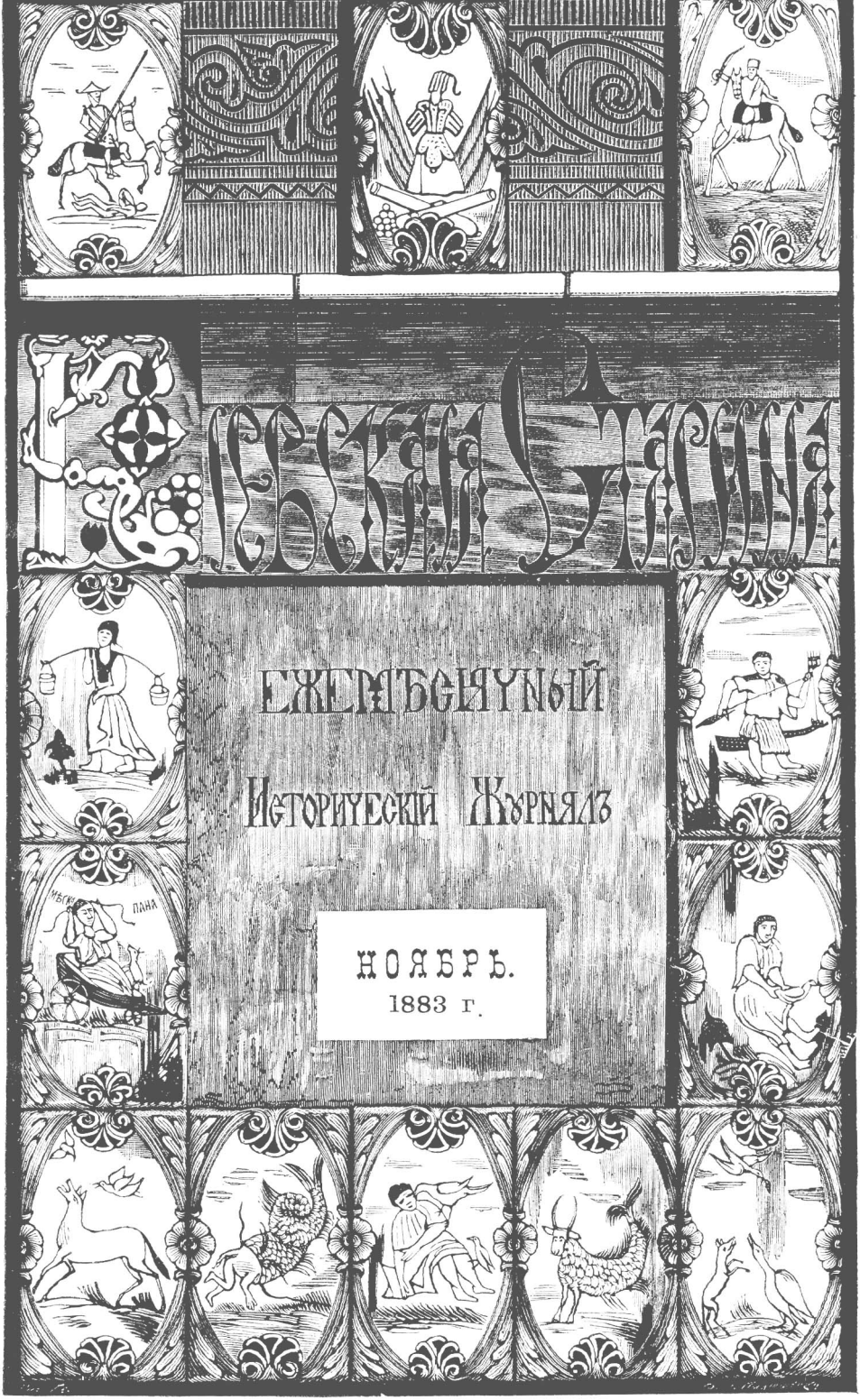

Кіевъ. Въ типографіи Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ноябрь, 1883 г.

стр.

I. АННА-АЛОИЗА, КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ. **Ореста Левицкаго** . . . 329

II. СУДЪ НАДЪ ВѢДЬМАМИ. **П. Ефименка.** 374

III. ГЕНЕРАЛЬНАЯ ОПИСЬ МАЛОРОССІИ. (Эпизодъ изъ дѣятельности перваго правителя Малороссіи, гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго). **Димитрія Багалѣя** 402

IV. ЗАПИСКИ КАРЛА ХОЕЦКАГО. (1768—1776 г.). (*Продолженіе*) . 433

V. ГАЛАГАНОВСКІЙ ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВЪ. Съ предисловіемъ **А. Лазаревскаго.** 450

VI. УСТАВЪ КІЕВСКАГО ЦИРЮЛЬНИЧЕСКАГО ЦЕХА 1767 ГОДА . . 472

VII. ПИСЬМО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА ОСТРОЖСКАГО, ВОЕВОДЫ КІЕВСКАГО, КЪ СЫНУ ЕГО ЯНУШУ, КАШТЕЛЯНУ КРАКОВСКОМУ. 477

VIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Русская историческая библіотека, издаваемая археографическою коммисіею. Т. VII. Памятники полемической литературы въ западной Руси. Кн. 2-я. Спб. 1882 г.—*Ив. Новицкаго.*—б) Малорусскія изданія 1882 года.—в) Ал. Андріевскій—Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ V. Кіевъ. 1883 года.—*В. А.*—г) Мѣстечко Курисово-Покровское (Балай тожъ). Статистическое описаніе поселенія, составленное статистическимъ отдѣломъ при херсонской губернской земской управѣ. Одесса 1883 г.—*В. А.* 481

IX. ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Жизнь запорожскихъ козаковъ по разсказу современника-очевидца.—*Д. Эварницкаго.*—б) Къ исторіи южнорусскихъ свадебныхъ обычаевъ.—*Н. Сумцова.*—в) Изъ народныхъ повѣрій о чортѣ.—*Александра Ом—скаго.*—г) Письмо въ редакцію.—*А. Гатцука.*—д) Судьба наслѣдства полковника Искры, казненнаго Мазепою.—Сообщ. **А. Лазаревскій**—е) Пѣсня о панщинѣ.—*Notus.*—ж) Запорожская пѣсня.—з) Къ портрету кн. Константина Острожскаго 497

ПРИЛОЖЕНІЕ: портретъ кн. Константина Острожскаго.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1883 г. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Софійская площадь, д. Севастьяновой, противъ памятника Хмельницкаго. Оставшееся незначительное число экземпляровъ журнала за 1882 г. высылается по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

КНИЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО
BOOK SPACE

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ТОМЪ VII.

НОЯБРЬ.

1883 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 28-го октября 1883 года.

ПОДПИСКА

на ежемѣсячный историческій

журналъ

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА,“

ИЗДАВАЕМЫЙ ВЪ КІЕВѢ.

1884 й ГОДЪ.

(Третій годъ изданія).

Журналъ „Кіевская Старина“, посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, будетъ издаваться и въ слѣдующемъ 1884 году, ежемѣсячно, 1-го числа, книжками въ 12 листовъ, въ 3-хъ томахъ, по той-же программѣ, при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ и подъ тою-же редакціею.

Не даемъ иного обѣщанія, кромѣ заботы поддержать и улучшить изданіе, на сколько позволитъ сочувствіе публики. Не перечисляемъ готовыхъ и обѣщаемыхъ статей и матеріаловъ, не желая быть потомъ не точными. Не помѣщенное въ этомъ году явится въ слѣдующемъ.

Подписная цѣна за 12 книжекъ, съ приложеніями, пересылкою и доставкою на домъ 10 руб., на мѣстѣ 8 р. 50 к. На заграничную пересылку прибавляется 1 р.

Гг. иногородные обращаются исключительно въ *редакцію* „Кіевской Старины“, *Кіевъ, Софійская площадь, д. № 11-й.* Тамъ-же и контора редакціи.

Оставшіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры журнала за 1882 и 1883 г. высылаются редакціею по той-же цѣнѣ.

Фот. Гравюра Шерер, Набгольцъ и К°въ. Москвѣ.

Князь Василій—Константинъ Острожскій.

1526—1608 г.

АННА-АЛОИЗА, КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ.

Своеобразныя условія бытовой, семейной и общественно-политической жизни въ древней Малороссіи, представлявшей, какъ извѣстно, много свободы и достаточно широкій просторъ для женской самодѣятельности, создали въ ея исторіи рядъ самыхъ разнообразныхъ женскихъ типовъ, запечатлѣнныхъ чертами несомнѣнной оригинальности. Играя вполнѣ активную роль въ тогдашней общественной жизни, украинская женщина столь-же воспріимчиво, какъ и мущина, отзывалась на всѣ вѣянія своего вѣка, страстно проникалась его интересами и полнѣе отражала въ своей жизни и дѣятельности какъ хорошія, такъ и дурныя черты времени. Каждая общественная идея и направленіе, каждая господствовавшая въ данную эпоху добродѣтель или порокъ находили въ украинской женщинѣ не менѣе полное и страстное выраженіе, какъ и въ представителяхъ грубаго пола. Такъ, наприм., когда съ половины XVI в. въ Малороссіи началось увлеченіе протестантскими идеями, оно не замедлило найти для себя жаркихъ поборницъ въ средѣ украинскихъ женщинъ, изъ коихъ иныя, подобно, наприм., умной и образованной волынской княгинѣ Аннѣ Корецкой, по нѣсколько разъ перемѣняли вѣру, пробовали всѣхъ существовавшихъ тогда протестантскихъ сектъ и толковъ и нерѣдко оканчивали тѣмъ, что снова возвращались къ отцовской вѣрѣ; укажемъ сверхъ того на цѣлый рядъ усердныхъ соцініанокъ изъ фамилій Чапличъ-Шпановскихъ, Сенютъ, Немиричей, Войнаровскихъ и другихъ. Съ другой стороны, когда, подъ вліяніемъ борьбы съ уніей, въ малорусскомъ обществѣ возникло религіозно-просвѣтительное движеніе, появилось не мало достойнѣйшихъ женщинъ, дѣятельно подвизавшихся на пользу церкви, просвѣщенія и благотворительности; онѣ записывались

въ члены церковныхъ братствъ, основывали монастыри, школы, богадѣльни, сами становились инокинями. Таковы, наприм., были: Елена Горностаева, урожденная княжна Чарторыйская, фундаторка пересопницкаго монастыря на Волыни (въ 1596 г.), сама составившая для него превосходный общежительный уставъ и устроившая при немъ „шпиталь для убогихъ и недужныхъ и школу для науки дѣтей"; столь извѣстная въ исторіи кіево-братской школы Галшка Гулевичъ, а равно основательницы монастырей: почаевскаго—Ганна Гойская и загаецкаго—Раина Ярмолинская, и многія другія. Были, конечно, между тогдашними украинскими женщинами и такія личности, которыя совмѣщали въ себѣ высшія типическія черты семейныхъ добродѣтелей; другія славились какъ образцовыя хозяйки, лично управлявшія громадными имѣніями и съ успѣхомъ замѣнявшія своихъ мужей въ ихъ „господарскихъ" обязанностяхъ; послѣднихъ тогда было особенно много. Но, вообще говоря, въ тѣ грубыя времена въ малорусскомъ обществѣ пороковъ было больше, нежели добродѣтелей, и потому отрицательные типы украинскихъ женщинъ XVI—XVII в.в. отличаются особеннымъ богатствомъ и разнообразіемъ. Вотъ предъ нами типъ украинской Іезавели конца XVI в. въ лицѣ волынской земянки Ганны Монтолтовны, которая вела открыто развратную жизнь и не гнушалась прибѣгать къ тайнымъ средствамъ отравы, когда хотѣла отдѣлаться отъ нелюбимаго человѣка. Будучи замужемъ за паномъ Згличинскимъ, она отправилась однажды на ярмарку въ м. Сокаль, сошлась тамъ съ какимъ-то жолнеромъ Ковнацкимъ и бѣжала съ нимъ; когда-же мужъ, при посредствѣ королевской грамоты, истребовалъ ее отъ похитителя, она вступила въ преступную связь съ слугою своимъ Андрюшкой Менькомъ и бѣжала съ нимъ изъ дому, забравъ имущество мужа. Въ другой разъ она покушалась отравить послѣдняго и за ужиномъ подала ему леща, приправленнаго ядомъ, который былъ приготовленъ изъ черной ящерицы [1]). Впрочемъ, личности, подобныя Аннѣ Монтолтовой, и въ тѣ времена были въ малорусскомъ обществѣ явленіемъ исключительнымъ; за то въ немъ широко распространенъ былъ типъ женщины, выросшей и воспитанной среди безграничнаго своеволія шляхетской среды того времени, не сдер-

[1]) Жизнь князя Курбскаго, т. I, стр. 182.

живаемаго ни извнѣ—властью и закономъ, ни извнутри—прочными нравственными принципами и сознаніемъ гражданскаго долга. Читатели „Кіевской Старины“ еще недавно имѣли случай на страницахъ этого-же изданія познакомиться съ біографіей одной изъ такихъ энергичныхъ женщинъ—Анны Борзобогатой-Красенской, которая съумѣла подчинить своему вліянію и слабохарактернаго мужа, и престарѣлаго тестя-владыку, управляла самопроизвольно имѣніями и казною луцкой епископіи, вела многочисленныя тяжбы, предпринимала безпрестанные наѣзды на имѣнія сосѣдей, отказывалась исполнять требованія властей, даже распоряженія самого короля, и когда однажды, по королевскому приказанію, поднято было противъ нея поголовное ополченіе дворянъ цѣлаго воеводства волынскаго, то эта неустрашимая женщина, одѣтая въ панцырь и предводительствуя гайдуками и артиллеріей, мужественно отразила ополчившихся дворянъ и нанесла имъ рѣшительное пораженіе. Такихъ воинственныхъ украинокъ было очень много въ XVI-XVII столѣтіяхъ, и мы, минуя другихъ, назовемъ лишь одну изъ нихъ—волынскую княгиню Софью Ружинскую, которая въ 1609 г., лично предводительствуя отрядомъ въ 6,000 человѣкъ пѣхоты и конницы, съ развѣвающимися знаменами и музыкою, взяла приступомъ замокъ князей Корецкихъ въ м. Черемошнѣ, при чемъ было убито множество жителей мѣстечка и разграблено ихъ имущество [1]). Картинную галлерею украинскихъ амазонокъ можно-бы до безконечности продолжить портретами украинокъ-адвокатовъ, т. е. такихъ женщинъ, которыя всю жизнь проводили въ тяжбахъ, постигали всѣ тонкости судебной казуистики и съ замѣчательнымъ искусствомъ лично вели самые сложные процессы.

При всей грубости, необузданности, мелочности и другихъ отрицательныхъ качествахъ женщинъ двухъ послѣднихъ типовъ, въ ихъ характерѣ замѣчается, однако, нѣчто какъ-бы невольно располагающее въ ихъ пользу: это именно—цѣлостность натуры, необыкновенная энергія, настойчивость, мужество,—однимъ словомъ, такія качества характера, которыя, будучи направлены въ хорошую сторону, создали-бы изъ этихъ женщинъ если не героинь, то во

---

[1]) Актовая книга кіевскаго центр. архива—гродская житомирская 1609 г. № 11, л. 39.

всякомъ случаѣ полезныхъ общественныхъ дѣятельницъ. Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ на изслѣдователя выдвинутый изъ мрака вѣковъ скорбный образъ княжны Анны-Алоизы Острожской, внучки знаменитаго князя Константина Константиновича Острожскаго, послѣдней отрасли этого нѣкогда достославнаго волынско-украинскаго рода. Одаренная отъ природы несомнѣнно добрымъ сердцемъ, но лишенная всякихъ признаковъ самостоятельности характера, эта несчастная княжна съ полнымъ самоотреченіемъ, беззавѣтно отдала себя во власть пришельцевъ-іезуитовъ, которые не замедлили сдѣлать изъ нея жалкое орудіе своихъ партійныхъ цѣлей, искалѣчили ея личную жизнь, лишили ее всѣхъ людскихъ утѣхъ и радостей, могильнымъ холодомъ охладили въ ней лучшія человѣческія чувства и заживо превратили ее въ ходячаго мертвеца, въ живую праведницу. Они порвали въ ней живыя связи съ окружавшимъ ее міромъ, отрѣшили ее отъ всѣхъ преданій ея славнаго рода и ея же руками истребили до основанія всѣ благія учрежденія на пользу южно-русской церкви и народности, какія были основаны и заботливо поддерживаемы ея предками и преимущественно знаменитымъ ея дѣдомъ, княземъ Константиномъ. Обидно становится за человѣка, когда читаешь, какими недостойными средствами сыны Лойолы достигли столь полной власти надъ представительницей того рода, заслугами котораго еще незадолго предъ тѣмъ гордилась и утѣшалась вся южная и западная Русь; какою густою сѣтью лжи, интригъ, коварства и обмана опутали они это слабое и добродушное созданіе; къ какимъ грубымъ, по истинѣ театральнымъ пріемамъ и эффектамъ прибѣгали они для того, чтобы совсѣмъ одурачить свою жертву! За то они еще при жизни провозгласили ее праведницей, „предназначенной къ высокой хвалѣ на небѣ“, окружили ея память ореоломъ святости и, спустя 44 года послѣ ея смерти, въ память и поученіе грядущимъ поколѣніямъ, издали нарочитое жизнеописаніе своей покровительницы, изъ котораго можно извлечь любопытныя подробности для характеристики личности и дѣятельности этого болѣзненнаго выродка нѣкогда славнаго южно-русскаго рода [1]).

---

[1]) Жизнеописаніе это носитъ слѣдующее заглавіе: Życie ku podziwieniu chwalebne jasnieoswieconej xiężny Ostrogskiey Anny-Alojzyi Chodkiewiczo-

Печальны были послѣдніе годы престарѣлаго воеводы кіевскаго, князя Константина Константиновича Острожскаго. Словно рука гнѣва Божія тяготѣла надъ его домомъ, разрушала его прежнюю славу и вела его къ быстрому угасанію. Изъ трехъ сыновей Константина, старшій, Янушъ, каштелянъ краковскій, давно уже сталъ отступникомъ отеческой вѣры и въ то время занимался перестройкой основанной его прадѣдомъ, во второй половинѣ XV в., православной троицкой церкви въ Межирѣчьи-Острожскомъ на кляшторъ для францисканцевъ; самый младшій, Константинъ, крайчій литовскій и староста владимірскій, также не избѣгъ сѣтей іезуитскихъ и умеръ въ 1595 г. Всѣ надежды стараго князя были сосредоточены на среднемъ, самомъ любимомъ его сынѣ, Александрѣ, воеводѣ волынскомъ, который одинъ устоялъ противъ соблазновъ іезуитской пропаганды и обѣщалъ стать, по смерти отца, опорою для православныхъ. Но въ 1603 г. князь Александръ неожиданно умеръ. Разсказывали, будто онъ былъ отравленъ своимъ слугою; другіе говорили, что его отравила жена его экономa, поднесши кубокъ съ виномъ, смѣшаннымъ съ какимъ-то любовнымъ зѣльемъ. Какое сильное впечатлѣніе на всю Русь произвела его неожиданная кончина, объ этомъ можно отчасти судить по слѣдующей современной замѣткѣ, напечатанной въ октоихѣ дерманскаго монастыря: „в лѣто 1603-е, декабрія 2-го дня, преставися благочестивый князь Александеръ, воевода волынскій, сынъ благовѣрного князя Костентина; велій плачъ и жалость отцу-же и чадомъ остави, найпаче-же христіаномъ: вси бо бяху чающе помощь тѣмъ получити въ бѣдахъ и

---

wej, wojewodziny wilenskiey, hetmanowej W. X. Litewskiego, od kollegium Societatis Iezu Iarosławskiego, od niejże po Ostrogskim kollegium w polu u najsw. Panny fundowanego, na wzór wysokiej cnoty wydane. Roku Panskiego 1698, po jej swiętobliwym zejsciu 44, ex superiorum permissu, w Krakowie. Экземпляръ этой книжицы, составляющей нынѣ величайшую библіографическую рѣдкость, имѣется въ университетской библіотекѣ. Изъ новыхъ сочиненій мы имѣли подъ рукою статью объ Аннѣ-Алоизѣ Острожской, принадлежащую перу почтеннаго изслѣдователя мѣстной старины Василія Пероговскаго и помѣщенную въ Волынскихъ Губ. Вѣдомостяхъ за 1868 годъ. Сверхъ того мы пользовались и другими сочиненіями, относящимися къ данному предмету, изъ польской и русской исторической литературы, а также рукописными матеріалами, добытыми преимущественно въ кіев. центральномъ архивѣ.

гоненіяхъ, одержащихъ Христову церковь“ [1]). Князь Александръ былъ похороненъ въ г. Острогѣ, въ замковой каменной церкви Богоявленія, построенной его предками—по мнѣнію однихъ, въ половинѣ XV, а по другимъ—въ началѣ XVI в. Надъ его могилой поставленъ былъ великолѣпный памятникъ изъ чернаго мрамора. Князь Константинъ не долго оплакивалъ потерю любимаго сына: спустя четыре года онъ также сошелъ въ могилу (13 февр. 1608 г.) и былъ положенъ рядомъ съ гробницей сына, въ той-же богоявленской церкви.

Князь Александръ Острожскій оставилъ послѣ себя двухъ сыновей—Константина и Ивана, и трехъ дочерей—Софью, Катерину и Анну-Алоизу. Сыновья его имѣли быть единственными продолжателями рода Острожскихъ, такъ какъ у старшаго Александрова брата, Януша, не было дѣтей мужескаго пола, а младшій, Константинъ, умеръ бездѣтнымъ; поэтому были приложены всѣ старанія, чтобы дать имъ надлежащее воспитаніе. Вопреки настояніямъ ихъ матери, ярой католички, дѣти Александра были воспитываемы въ православной вѣрѣ. Домашнимъ учителемъ и воспитателемъ ихъ былъ знаменитый тогда между православными ученый и проповѣдникъ Лаврентій Зизаній-Тустановскій, который еще въ 1596 г. въ виленскомъ братствѣ издалъ свою „Грамматику Словенску“ и нѣкоторыя другія книжки. Такъ было при жизни князя Александра и такъ продолжалось нѣкоторое время и послѣ его смерти; но лишь только скончался престарѣлый глава дома, князь Константинъ, его невѣстка-вдова не замедлила удалить отъ своихъ дѣтей православнаго воспитателя и замѣнила его іезуитомъ. Впрочемъ, сыновья Александра не долго оставались въ живыхъ: вскорѣ послѣ того, какъ они воротились изъ путешествія по чужимъ краямъ, предпринятаго для довершенія своего образованія, оба они въ молодыхъ годахъ померли въ Люблинѣ: Константинъ умеръ въ 1618 г., а черезъ годъ, въ тотъ-же день и часъ, скончался и его младшій братъ, Иванъ. Еще черезъ годъ умеръ и дядя ихъ, Янушъ Константиновичъ, послѣдній мужской представитель рода князей Острожскихъ.

---

[1]) Памятники Кіевской коммисіи для разбора др. актовъ, т. IV, отд. I, стр. 106.

Изъ трехъ дочерей князя Александра, старшая, Софья, была въ замужествѣ за княземъ Станиславомъ Любомірскимъ, воеводою краковскимъ, побѣдителемъ турокъ подъ Хотиномъ; средняя, Катерина, за Ѳомой Замойскимъ, великимъ канцлеромъ коронным; а младшая, Анна-Алоиза, хотя также была въ кратковременномъ замужествѣ за гетманомъ литовскимъ, Яномъ-Карломъ Ходкевичемъ, но не покидала родового гнѣзда—г. Острога и была признаваема главною наслѣдницею богатствъ и имени своихъ предковъ.

Анна-Алоиза родилась 15 марта 1600 года. Ей было всего три года, когда умеръ ея отецъ, и она осталась исключительно на попеченіи матери, княгини Анны, привившей ей тѣ сѣмена крайняго ханжества и изувѣрства, которыя впослѣдствіи разцвѣли въ ней пышнымъ цвѣтомъ и дали іезуитамъ обильную жатву. Объ этой женщинѣ стоитъ сказать нѣсколько словъ. Мать Анны-Алоизы, княгиня Анна, была дочерью Яна Костки, воеводы сандомирскаго. Въ 1592 г. семнадцатилѣтнею красавицею вышла она замужъ за князя Александра Острожскаго и принесла ему въ приданое большія имѣнія, въ томъ числѣ и г. Ярославъ въ Галиціи, по имени котораго ее обыкновенно называли „княгинею Ярославскою“. Въ домѣ отца ея, Костки, іезуиты давно уже свили теплое для себя гнѣздо, а въ Ярославѣ они имѣли собственный костелъ и при немъ коллегіумъ, въ которомъ будто-бы учился нѣкоторое время и будущій разоритель его, Богданъ Хмельницкій. Благодаря вліянію іезуитовъ, Анна Костчанка выросла ревностною католичкою, пропитанною духомъ фанатической исключительности и нетерпимости къ другимъ исповѣданіямъ. Въ собственноручныхъ запискахъ кіевскаго митрополита Петра Могилы имѣется сказаніе о томъ, какъ она, по смерти мужа, „отъ православнои церкви (въ Ярославѣ) іерея православнаго изгнати повели, и отступнику вручивше церковь, различно принуждаше правовѣрныя отступству совокупитися, въ темницу ихъ заключая, и пѣнежныя вины отъ нихъ взимая, и иными бѣдами казни ихъ; се-жъ творяше наущенна отъ своихъ іерей, глаголемыхъ іезуити“ [1]); а въ 1625 г. эта-же княгиня выдала г. Ярославу осо-

[1]) Любопытныя Записки эти, давно уже извѣстныя любителямъ мѣстной старины, послѣ болѣе нежели 250-тилѣтняго скрыванія ихъ подъ спудомъ, нынѣ печатаются, наконецъ, и въ близкомъ будущемъ выйдутъ въ свѣтъ въ изданіяхъ кіевск. археографич. коммисіи.

бую привилегію, которою строжайше воспретила, чтобы подданные ея, мѣщане ярославскіе, не смѣли принимать въ свою среду ни одного еврея, еретика и отщепенца, хотя-бы онъ былъ самый лучшій ремесленникъ или найбогатѣйшій купецъ. Только особенная знатность и богатства дома князей Острожскихъ (да еще убѣжденія іезуитовъ, имѣвшихъ при этомъ свои виды) заставили набожную панну согласиться отдать свою руку схизматику. Впрочемъ, она никогда не теряла надежды со временемъ отвести своего мужа отъ схизмы греческой и привести къ единству съ костеломъ правовѣрнымъ. Но Александръ былъ непреклоненъ, тѣмъ болѣе, что за нимъ зоркимъ окомъ глядѣлъ старый его отецъ, у котораго и безъ того два сына были уже отступниками отцовской вѣры. Скрѣпя сердце, богобойная Анна должна была терпѣть въ своемъ домѣ схизматическаго богослова Тустановскаго, учившаго ея сыновей догматамъ греческой вѣры и бывшаго вмѣстѣ съ тѣмъ священникомъ при ярославской церкви. Потерявъ мужа, она еще съ большимъ пыломъ отдалась подвигамъ набожности и благочестія: окружила себя іезуитами, еженедѣльно исповѣдывалась и пріобщалась, носила власяницу, спала на голыхъ доскахъ и часто бичевала себя до крови колючими плетьми. Она построила въ Ярославѣ великолѣпный монастырь для бенедиктинокъ и записала тамошнему іезуитскому коллегіуму нѣсколько селъ и деревень. Слава о ея благочестіи достигла до самой столицы католическаго міра, и папа Климентъ VIII почтилъ ее письмомъ, въ коемъ похвалилъ ея усердіе къ католической вѣрѣ и поставилъ ей въ особенную заслугу то, что она при всякомъ удобномъ случаѣ изгоняла изъ своихъ имѣній схизматическихъ поповъ и на ихъ мѣста ставила католическихъ священниковъ. По смерти мужа, княгиня Анна не захотѣла вступить во вторичный бракъ, прожила еще 32 года во вдовствѣ и умерла въ 1635 г. въ Ярославѣ, гдѣ и была похоронена въ тамошнемъ іезуитскомъ костелѣ св. Яна.

Такова была мать княжны Анны-Алоизы; въ такомъ же духѣ и направленіи она старалась воспитать, при помощи іезуитовъ, и своихъ дѣтей, тѣмъ болѣе, что самъ папа, тотчасъ по смерти князя Александра, прислалъ ей, тоскующей вдовѣ, утѣшительное письмо, въ которомъ поручалъ ей заняться тщательно воспитаніемъ достойнаго потомства. По мѣрѣ силъ своихъ она старалась исполнить

волю св. отца и преимущественныя материнскія свои заботы и попеченія направила на самую младшую дочь, Анну-Алоизу, оставшуюся по смерти отца малолѣтнимъ ребенкомъ и совершенно чистую отъ малѣйшихъ схизматическихъ вліяній. И какую же за то благодарную почву для воспитательныхъ дѣйствій княгини Анны и ея пособниковъ-іезуитовъ представляло непорочное сердце молодой княжны! Біографы ея съ умиленіемъ повѣствуютъ, что эта необыкновенная дѣвочка „по истинѣ раньше стала познавать Бога, нежели научилась узнавать свою мать. Едва выйдя изъ пеленокъ, она набожно складала ручки свои и, глядя на небо, не звѣзды замѣчала въ немъ, а усматривала Творца ихъ, и показывая пальчикомъ на Его резиденцію, обращала къ Нему мысли тѣхъ, которые на рукахъ ее носили. Они ее, ставя на ножки, по землѣ ходить учили, и она ихъ къ мысленному возношенію въ небо пріучала. Когда же достигла она первыхъ лѣтъ сознательнаго возраста, то обратилась къ Богу съ такимъ горячимъ обѣтомъ: „Мой Творецъ! Будь моимъ Паномъ и моимъ Богомъ, а я буду нижайшей слугой Твоей и обѣщаюсь всю мою жизнь посвятить на службу Тебѣ“. Весь молодой вѣкъ княжны-праведницы проведенъ былъ ею въ подвигахъ добродѣтели: съ особенною любовью читала она священныя книги и житія святыхъ, охотно слушала и сама вела духовныя бесѣды, постоянно и тщательно испытывала свою совѣсть, поступки и самые помыслы и любила часто исповѣдываться и пріобщаться св. таинъ. Мать часто твердила ей о суетѣ и грѣховности мірской жизни, отвращала ее отъ мысли о замужествѣ и явно готовила ее къ принятію монашескихъ обѣтовъ. И молодая праведница внимала рѣчамъ матери и сама видимо склонялась къ мысли о принятіи монашества. Но вдругъ нежданно въ ней совершилась рѣзкая перемѣна. Ей было тогда 18—19 лѣтъ. Она увидѣла, что она молода и красива, и перестала, какъ бывало прежде, стыдиться своей красоты, а захотѣла жить, какъ жили другія панны ея возраста. Съ видимымъ равнодушіемъ стала она относиться къ прежнимъ благочестивымъ занятіямъ, скучала во время бесѣдъ духовныхъ, перестала совсѣмъ и думать о монастырѣ, начала заботиться о своей наружности и костюмѣ, вздыхала объ удовольствіяхъ свѣтской жизни и видимо тяготилась полумонастырской обстановкой въ домѣ ея матери. Тогда мать и ея руководители поняли, что

приходится подумать о замужествѣ ихъ воспитанницы, и стали высматривать подходящаго для нея жениха. Много являлось ясневельможныхъ пановъ и именитыхъ князей, желавшихъ сложить свои сердца у ногъ родовитой наслѣдницы дома князей Острожскихъ, но всѣ они получали вѣжливый отказъ, ибо, при всѣхъ несомнѣнныхъ своихъ достоинствахъ, не обладали въ должной мѣрѣ главнымъ качествомъ, необходимымъ для обладанія рукою столь благочестивой княжны, именно—благочестіемъ. Наконецъ, нашелся счастливый искатель, признанный достойнымъ стать мужемъ прекрасной и добронравной Анны-Алоизы: то былъ знаменитый рыцарь Янъ-Карлъ Ходкевичъ, графъ на Шкловѣ и Быховѣ, воевода виленскій, великій гетманъ литовскій, губернаторъ земель инфлянтскихъ, староста дерптскій, любошанскій, вѣлюнскій и проч. и проч. Онъ былъ богатъ и знатенъ, а его храбрость и военныя заслуги опытнаго полководца гремѣли славою не въ одной Польшѣ, но и въ чужихъ краяхъ. Правда, онъ былъ вдовъ и немного старъ: ему было въ то время 60 лѣтъ отъ роду; но за то онъ былъ несомнѣнно набоженъ и благочестивъ. Каждый день онъ слушалъ обѣдню, а передъ каждою битвою постился и молился цѣлый день, пролеживалъ *крыжемъ* (крестомъ) на землѣ по цѣлымъ часамъ и бичевалъ себя до крови. Среди своихъ солдатъ онъ строго преслѣдовалъ развратъ, изгонялъ изъ обоза торговавшихъ собою женщинъ, а однажды велѣлъ всѣхъ ихъ потопить въ рѣкѣ. Наконецъ, онъ строилъ монастыри и, по настоянію своей невѣсты, основалъ въ одномъ изъ своихъ жмудскихъ имѣній, с. Крозахъ, іезуитскій коллегіумъ. За такимъ мужемъ нечего было опасаться относительно дальнѣйшаго преуспѣянія въ добродѣтеляхъ благочестивой княжны, тѣмъ болѣе, что (какъ объ этомъ ходили слухи между іезуитами) женихъ и невѣста втайнѣ дали другъ другу клятву предъ Богомъ во-вѣки не вступать въ пользованіе супружескими правами „и подъ благопристойною наружною формою супружества сохранить себя въ чистотѣ и дѣвственной непорочности“ [1]).

24 ноября 1620 г. въ Ярославѣ торжественно отпразднована была свадьба Анны-Алоизы съ Ходкевичемъ; но имъ не долго

---

[1]) Niesiecki, Herbarz Polski, 1841 г., т. VII, стр. 190.

пришлось наслаждаться семейными радостями. Черезъ нѣсколько дней новобрачный гетманъ уже спѣшилъ въ Варшаву на сеймъ, гдѣ изъ рукъ самого короля получилъ гетманскую булаву вмѣстѣ съ назначеніемъ быть главнокомандующимъ въ предстоявшей тогда войнѣ съ турками. Изъ Варшавы онъ на короткое время понавѣдался въ Острогъ, къ молодой женѣ, но скоро снова простился съ нею—на этотъ разъ уже навсегда: ибо, отправившись подъ Хотинъ для начальствованія надъ польскою арміею, онъ опасно занемогъ и однажды, объѣзжая полки и воодушевляя ихъ къ предстоявшей битвѣ, вдругъ склонился съ лошади и умеръ на рукахъ поддерживавшихъ его солдатъ—24 сентября 1621 года, ровно десять мѣсяцевъ спустя послѣ своей свадьбы. Тѣло его было положено въ Каменцѣ, но черезъ годъ, по желанію Анны-Алоизы, было перевезено въ Острогъ и здѣсь съ большою пышностью похоронено въ приходскомъ костелѣ, хотя какъ увидимъ ниже, этимъ далеко еще не окончились его странствованія.

Горе двадцатилѣтней вдовы было безутѣшно. Не столько она убивалась о старомъ мужѣ, сколько оплакивала свои не сбывшіяся надежды, разбитыя мечты. Стоило-ли, въ самомъ дѣлѣ, выходить замужъ лишь для того, чтобы черезъ десять мѣсяцевъ остаться вдовою, поживъ съ мужемъ лишь нѣсколько недѣль! Правда, она была молода и богата: къ тому времени оконченъ былъ раздѣлъ Острожскихъ имѣній между всѣми наслѣдниками ея по истинѣ владѣтельнаго дѣда, и Аннѣ-Алоизѣ достались значительныя имѣнія: Острожскія и Звягельскія на Волыни, Туровскія и Свидинскія въ Литвѣ и материнскія—г. Ярославъ и др. мѣстечка и села въ Червоной-Руси; сверхъ того, послѣ смерти мужа, она получила огромныя денежныя суммы и разныя драгоцѣнности. Молодыя и богатыя вдовы въ то время считались самыми интересными невѣстами, и не успѣла еще Анна-Алоиза вдоволь оплакать мужа, какъ къ ней стали наѣзжать знатнѣйшіе паны изъ Руси, изъ Литвы и Польши съ намѣреніемъ склонить ее ко второму браку; говорятъ, будто самъ королевичъ Владиславъ искалъ руки ея. Но старая княгиня Ярославская находилась безотлучно при своей тоскующей дочери и всѣ мѣры употребляла къ тому, чтобы отогнать отъ нея самую мысль о замужествѣ и расположить ее къ поступленію въ монастырь; духовникъ Анны-Алоизы, іезуитъ, также отговаривалъ ее отъ

супружества и напоминалъ ея давній обѣтъ—всю жизнь свою посвятить на служеніе одному Богу. Слабая молодая женщина не смѣла пойти на перекоръ внушеніямъ матери и духовника, но и не находила въ себѣ достаточно отваги, чтобы навсегда отказаться отъ всѣхъ утѣхъ и радостей въ жизни и удалиться отъ свѣта. Она колебалась и долго не знала, на что рѣшиться. Въ ней боролись молодыя силы, жажда жизни и смутное стремленіе къ неизвѣданному счастью. Нуженъ былъ какой-нибудь чрезвычайный толчекъ, чтобы дать рѣшительное направленіе ея слабой волѣ. И вотъ однажды, когда она, полная тоски и тревоги, жарко молилась предъ распятіемъ, ей послышалось, будто изъ устъ распятаго Христа раздались обращенныя къ ней слова: „Pogardź światem!“ (т. е. отвергнись міра). Этого было слишкомъ достаточно: она тотчасъ-же сняла съ себя дорогое платье и всѣ драгоцѣнныя украшенія, повергла все это къ подножію распятія и торжественно поклялась посвятить себя всегдашнему дѣвству и служенію Богу. Она перестала показываться гостямъ, надѣла на себя полумонашескую одежду и стала готовиться къ поступленію въ монастырь. Хитрые іезуиты спохватились, что они зашли слишкомъ далеко. Поступленіе княжны въ монастырь совсѣмъ не было въ ихъ интересахъ, такъ какъ она, безъ сомнѣнія, унесла-бы съ собою и всѣ свои богатства, которыя такимъ образомъ были-бы навсегда потеряны для ихъ ордена. Іезуиты стремились къ тому, чтобы самимъ овладѣть ея умомъ и волею и водить это слабое, легковѣрное созданіе такъ, какъ имъ было нужно. И вотъ они, сначала чрезъ духовника, а затѣмъ понемногу и сами приближаясь и окружая Анну-Алоизу, вознамѣрились всѣми средствами отклонить ее отъ поступленія въ монастырь и навсегда удержать ее въ состояніи вдовства. Они представляли ей всѣ невыгоды монастырской жизни и выхваляли высоту вдовьяго подвига [1]); увѣряли, что состояніе вдовства есть самое дѣйствительное средство для избѣжанія чистилищныхъ мукъ и къ пріобрѣтенію вѣчнаго спасенія; указывали ей на примѣры св. Павлы, Евстафіи и другихъ праведныхъ вдовъ, заслуги которыхъ будтобы въ

[1]) При этомъ іезуиты цитировали афоризмъ св. Бернарда: «większa rzecz jest bydź wdową, niż krolową» (важнѣе быть вдовою, чѣмъ королевою).

томъ именно и состояли, что онѣ съ своими добродѣтелями не скрывались подъ спудомъ монастырской жизни, а оставались въ мірѣ для назиданія ближнихъ и для спасенія другихъ душъ; рекомендовали ей, живя по примѣру оныхъ евангельскихъ вдовъ, оказывать щедрыя благотворенія Христу въ лицѣ Его общниковъ (sociorum Jesu—такъ называли іезуиты членовъ своего ордена). Добродушная Анна-Алоиза скоро поддалась этимъ увѣщаніямъ и отказалась отъ мысли о монастырѣ, рѣшившись навсегда остаться вдовой; она находила извѣстное удобство также и въ томъ, что могла пріобрѣсти душевное спасеніе, не разставаясь съ роскошнымъ предковскимъ замкомъ въ Острогѣ, къ которому она привыкла съ дѣтства, и не отрекаясь отъ громкихъ титуловъ княжны и воеводиной виленской. А для того, чтобы удобнѣе было укрываться отъ искушеній свѣта и посѣщеній лицъ, искавшихъ ея руки, Анна-Алоиза, по совѣту духовника, устроила въ замкѣ особую молельню, гдѣ и проводила время въ молитвѣ, благочестивыхъ размышленіяхъ и другихъ духовныхъ упражненіяхъ. Сверхъ того патеры совѣтовали и выхваляли ей частое употребленіе покаянія, въ которомъ она открывала самые задушевные свои помыслы и желанія, и лишь только замѣчали въ ней малѣйшіе порывы къ жизни и къ міру, тотчасъ охлаждали ихъ напоминаніемъ о смерти, объ умершемъ ея мужѣ, совѣтовали ходить молиться на его могилу, справлять по его душѣ частыя поминки и ежегодно перемѣнять на его тѣлѣ въ гробѣ шитое золотомъ дорогое одѣяніе.

Такъ прошло два съ лишнимъ года. Анна-Алоиза достаточно уже навыкла въ подражаніи жизни и добродѣтелямъ евангельскихъ вдовъ и всецѣло подчинилась вліянію своихъ руководителей, такъ что жила и дѣйствовала, какъ имъ хотѣлось, и съ завязанными глазами шла туда, куда они вели ее. Наступила пора, когда столь совершенная добродѣтель долженствовала перейти изъ потенціальнаго состоянія въ активное, выразиться какою-нибудь дѣятельностью, направленною ad majorem gloriam католической церкви, и принести ожидаемые плоды на пользу тѣхъ, подъ чьимъ водительствомъ добродѣтель эта возрасла и укрѣпилась. Вотъ какъ повѣствуютъ объ этомъ обнаруженіи біографы Анны-Алоизы, ярославскіе іезуиты.

„Анна-Алоиза, княжна Острожская, начала однажды раздумывать о томъ, что въ Острогѣ въ это время было много упор-

ныхъ и противныхъ римской церкви схизматиковъ. Она видѣла, что въ этомъ городѣ невѣрное жидовство очень размножилось и почти новый Іерусалимъ заложило для себя: тамъ оно главные суды свои отправляло, въ острожскій трибуналъ жидовство съ своими тяжбами стекалось со всей Украйны, Волыни, Подлѣсья и изъ околичной Руси, тамъ-же былъ и жидовскій банкъ [1]). Особенно она обратила вниманіе на то, что тамъ было поселено много поганцевъ изъ татаръ, нѣкогда взятыхъ предками ея въ плѣнъ, а послѣ обдаренныхъ свободою; эти татары публично отправляли свои безбожные обряды и имѣли магометанскія мечети въ предмѣстьяхъ Острога. При видѣ всего этого сердце набожной пани разрывалось и болѣло при мысли, что въ одномъ только городѣ изъ ея владѣній находилось такъ много душъ, искупленныхъ кровью Спасителя, живущихъ на вѣчную пагубу; она оплакивала вѣчную погибель многихъ тысячъ душъ, жившихъ и въ другихъ ея имѣніяхъ. Она желала спасать отъ гибели души человѣческія и, сколько могла, заботилась о томъ, чтобы какъ найболѣе можно было посылать душъ къ Богу. Она была-бы совершенно очистила имѣнія свои отъ магометанской заразы, отъ жидовскаго богохульства и схизматическаго квасу, еслибы военныя бури (т. е. возстаніе Хмельницкаго) не помѣшали ей въ этихъ высокихъ замыслахъ ея. Она употребляла разные къ тому способы и дѣйствительныя средства; между ними и тотъ былъ не послѣдній, чтобы учредить въ Острогѣ орденъ Societatis Jesu, который-бы, посредствомъ костельной и школьной институцій, ввелъ единство вѣры, любовь къ святой добродѣтели и всѣ добрые обычаи. Поэтому она обращала отважно всѣ свои мысли на то, чтобы основать въ Острогѣ *коллегіумъ іезуитскій*, и что она задумала, то и привела въ исполненіе“.

Мысль о водвореніи въ Острогѣ іезуитовъ и открытіи здѣсь іезуитскихъ школъ была задумана впервые не теперь, а

---

[1]) Въ Острогѣ и по настоящее время существуетъ каменная еврейская синагога, замѣчательная своею древнею архитектурою. По увѣренію острожскихъ евреевъ, эта школа—нѣкогда Бетъ-Эшива или училище раввиновъ—существуетъ уже около четырехъ столѣтій. При ней жилъ извѣстный въ еврейскомъ ученомъ мірѣ комментаторъ Маршуе, умершій въ 1629 году. А на еврейскомъ кладбищѣ въ Острогѣ и до-нынѣ уцѣлѣли древнѣйшіе памятники, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ говорятъ, восходятъ до XIV вѣка.

очень давно, когда Анны-Алоизы не было еще и на свѣтѣ. Со времени перваго появленія своего въ южнорусскихъ предѣлахъ іезуиты постоянно обращали жадные взоры свои именно на Острогъ, бывшій въ послѣдней четверти XVI в. главнымъ духовно-просвѣтительнымъ центромъ для всей Малой Руси, когда въ немъ процвѣтало основанное княземъ Константиномъ высшее православное училище, издавалась первая печатная славянская библія и многія другія учительныя и полемическія православныя книги. Но пока былъ живъ старый князь Острожскій, всѣ усилія іезуитовъ проникнуть въ Острогъ не имѣли успѣха. Много надеждъ возлагали они на князя Януша Константиновича, въ одно время серьезно замышлявшаго объ основаніи въ м. Межиричѣ, въ самомъ почти предмѣстьи Острога, іезуитскаго коллегіума; но и Янушъ почему-то перемѣнилъ свое намѣреніе и вмѣсто того воздвигъ въ Межиричѣ великолѣпный монастырь для францисканцевъ. Тѣмъ временемъ іезуиты успѣли въ 1612 г. открыть свой коллегіумъ въ самой столицѣ Волыни — въ Луцкѣ, но не теряли изъ виду и Острога, въ которомъ и послѣ смерти князя Константина основанная имъ школа все еще продолжала существовать[1]).

Что задумывалъ, но не исполнялъ князь Янушъ Константиновичъ, то привела въ исполненіе набожная племянница его. 27 іюля 1624 г. Анна-Алоиза лично прибыла въ луцкій гродскій урядъ и предъявила для внесенія въ актовыя книги двѣ фундаціонныя записи на основаніе и построеніе въ Острогѣ іезуитскаго костела и

[1]) Существуетъ предположеніе, будто острожское училище и типографія пришли въ упадокъ и были закрыты скоро послѣ смерти ихъ основателя. Но въ одной старинной рукописи мы нашли прямое указаніе, что оба эти учрежденія еще въ 1620 году существовали несомнѣнно. Рукопись эта—*Инвентарь имѣній князей Острожскихъ*, составленный въ 1620 году, по случаю раздѣла ихъ между тремя дочерьми князя Александра Острожскаго, и переданный намъ извѣстнымъ историческимъ писателемъ польскимъ, которомъ Антоніемъ I. Среди подробнаго описанія замка острожскаго и всѣхъ находившихся въ немъ построекъ, въ инвентарѣ говорится: «Tamże *akademia*, *szkoły*, *drukarnia i ynsze budowania kollegiacke* polske i *ruske* spolnej collatiey z panom Krakowskim» (т. е. княземъ Янушемъ). Въ другомъ мѣстѣ упоминается «porochownia i *papernia*», т. е. фабрика бумажная, существовавшая очевидно для нуждъ мѣстной типографіи. См. объ этомъ еще у Максимовича, т. I, стр. 189.

при немъ коллегіума. Въ одной изъ этихъ записей она такъ изъясняла внутреннія побужденія, руководившія его въ данномъ случаѣ: „Слѣдуя примѣру моихъ славныхъ предковъ, которые, заботясь объ умноженіи хвалы всемогущаго Бога, основывали въ своихъ имѣніяхъ костелы, монастыри, коллегіи и обезпечивали ихъ достаточными доходами, и стремясь съ своей стороны къ такому-же умноженію славы Божіей, чтобы вѣра католическая ширилась науками и просвѣщеніемъ молодыхъ людей и проповѣданіемъ слова Божія, а также желая, чтобы возносились постоянныя молитвы за душу ясневельможнаго его милости покойнаго мужа моего, который при жизни обнаруживалъ всегда большую склонность и „прихильность“ къ предмету настоящей фундаціи, а равно и за души иныхъ предковъ моихъ, князей Острожскихъ, я Анна-Алоиза, по совѣту ясневельможной княгини Анны Острожской, воеводиной волынской, матери и благодѣтельницы моей, а также по своей доброй волѣ и зрѣло обдуманному рѣшенію, фундую на вѣчныя времена въ родовой моей маетности, въ г. Острогѣ, коллегіумъ Societatis Jesu и при немъ костелъ, который имѣетъ быть во имя святыхъ: Игнатія Лойолы и Франциска-Ксаверія, отцевъ іезуитскаго ордена. Для этого я дарю на вѣчныя времена плацъ въ томъ-же г. Острогѣ между улицами: такъ называемою „Згнилою“ и „Звягельскою“ или „Водяною“ (слѣдуетъ опредѣленіе границъ этого плаца); а на построеніе (zmurowanje) означеннаго коллегіума и костела я особымъ актомъ записала велебному ксендзу ректору острожскаго коллегіума Яну Боршинскому и его преемникамъ 30,000 золотыхъ польскихъ [1]), обезпечивъ эту сумму всѣмъ движимымъ и недвижимымъ моимъ имуществомъ. Теперь-же, желая, чтобы отцы коллегіума имѣли для себя достаточное содержаніе и чтобы скорѣе могли быть открыты для образованія молодыхъ людей школы, чрезъ которыя умножилась-бы хвала Божья, я на вѣчныя времена дарю и записываю имъ родовую маетность свою, а именно: дворъ, фольваркъ и с. Княгининъ, с. Мартыновщину, с. Бѣлоберегъ, с. Зарудье, с. Островъ и Вьездъ, с. Спасовъ съ фольваркомъ, сс. Бо-

---

[1]) Цѣнность тогдашняго золотого польскаго равнялась приблизительно теперешнимъ 75 коп. сер.

даки, Нараевъ, Шаварки, Замлынъ и с. Волицу—со всѣми принадлежностями, строеніями, угодьями и доходами, со всѣми подданными: тяглыми, боярами панцырными и путными, огородниками и подсосѣдками, съ *церквами русскими* и правомъ подаванья къ нимъ духовныхъ, съ мельницами... (слѣдуетъ подробнѣйшій перечень цѣлаго ключа княгининскаго). Сверхъ того для огорода при коллегіумѣ дарю оо. іезуитамъ плацъ въ г. Острогѣ, надъ ставомъ, между Новымъ-містомъ и пасѣкою, такъ называемою „Наливайковскою". Въ заключеніе своей записи, въ видахъ большаго обезпеченія ея ненарушимости, Анна-Алоиза прибавила: „А защитникомъ настоящей моей фундаціи я назначаю и униженно упрашиваю найяснѣйшаго короля Жигмонта III и имѣющихъ быть по немъ королей польскихъ" [1]). Впослѣдствіи, именно въ 1630 г., Анна-Алоиза, сверхъ поименованныхъ имѣній, записала іезуитамъ еще слѣдующія: сс. Курняки, Могиляны, Мисковцы и Волосковцы.

Въ томъ-же 1624 г. въ Острогѣ торжественно совершена была закладка громаднѣйшаго зданія іезуитскаго коллегіума. Когда положенъ былъ первый камень, сама фундаторша бросила туда горсть золота и въ умиленіи сказала: „о еслибъ я могла построить Богу храмъ изъ чистаго золота и такой большой, чтобы онъ покрылъ собою всю землю!" На это одинъ изъ ксендзовъ отвѣтилъ: „вѣрь, ясновельможная пани, что малое человѣческое сердце есть найлучшій храмъ для Бога". Планъ зданія былъ составленъ ученымъ архитекторомъ, бенедиктинцемъ Молли, нарочно приглашеннымъ изъ Рима для руководства строительною частью, а для производства самыхъ работъ было назначено нѣсколько сотъ крестьянъ изъ ближайшихъ къ Острогу селъ и деревень. Когда начались работы, въ окрестностяхъ м. Межирича и с. Кунева неожиданно открылся годный для постройки камень, о существованіи котораго никто не зналъ до того времени. Въ этомъ іезуиты увидѣли знакъ особенной милости Божіей и увѣрили набожную Анну-Алоизу, что дѣло, предпринятое ею, угодно и пріятно Богу, а она поспѣшила новооткрытыя каменоломни записать въ ихъ распоряженіе.

---

[1]) Объ записи Анны-Алоизы находятся въ гродской луцкой книгѣ 1624 г., № 2134, на листахъ 686 и 688, а прибавочная—въ книгѣ № 2458, л. 507.

Водворивъ въ Острогѣ іезуитовъ, Анна-Алоиза предоставила имъ однимъ право содержанія школъ и воспитанія юношества. Тогда-то, надо думать, и были окончательно закрыты острожская академія и другія православныя школы, которыя несомнѣнно существовали еще въ 1620-хъ годахъ. Взамѣнъ ихъ іезуиты, не ожидая окончанія предположеннаго для нихъ великолѣпнаго зданія, открыли свои публичныя школы, въ которыя тотчасъ стали во множествѣ поступать шляхетскія дѣти со всей Волыни, Подоліи, Полѣсья и даже изъ заднѣпровской Украйны. Анна-Алоиза сердечно радовалась этому и, желая дать бѣдной шляхтѣ, особенно дѣтямъ воеводства волынскаго, приличное содержаніе, сдѣлала новую фундацію на устройство шляхетскаго конвикта (общежитія), для котораго она на свой счетъ построила отличное каменное зданіе, а сосѣднюю православную церковь велѣла передѣлать на домовую каплицу и приспособить для отправленія въ ней домашнихъ богослуженій для юныхъ питомцевъ.

Не удивительно, что, при такой усердной заботливости и постоянныхъ вспомоществованіяхъ щедрой меценатки, острожскій коллегіумъ въ короткое время достигъ цвѣтущаго состоянія, а черезъ 12 лѣтъ послѣ его основанія оказалось возможнымъ расширить его курсъ посредствомъ открытія двухъ новыхъ классовъ—философскаго и богословскаго и учредить семинарію. „Ясневельможная фундаторша (повѣтствуютъ ея біографы), заботясь о дальнѣйшемъ умноженіи славы Божіей, сильно желала того, чтобы не только въ Острогѣ и окрестностяхъ его, но и во всей Польшѣ не было недостатка въ дѣлателяхъ, трудящихся въ виноградникѣ Христовомъ и служащихъ душамъ человѣческимъ. Для этого она задумала перенести изъ Краковскаго новиціата молодыя лѣторасли ордена іезуитскаго въ свой коллегіумъ острожскій для того, чтобы онѣ, пересаженныя на волынскую землю, оживленныя науками и обезпеченныя заботливостью фундаторши, росли во славу Божію.“ Новоучрежденный философскій классъ, а еще болѣе іезуитская семинарія, стали предметомъ особенной заботливости со стороны Анны-Алоизы. Она увеличила фундушъ на эти заведенія, сама лично смотрѣла за тѣмъ, чтобы ученики ни въ чемъ не нуждались, и часто посѣщала ихъ. „Пріятно было набожной фундаторшѣ смотрѣть на духовныхъ сыновъ своихъ, сидящихъ вокругъ стола, за-

ставленнаго яствами, по материнской ея милости; но еще болѣе любила она смотрѣть на нихъ въ праздники, когда они съ благоговѣніемъ приступали къ трапезѣ Господней. Она не могла насмотрѣться на ихъ скромность и вѣжливость и усматривала въ этихъ молодыхъ юношахъ истинный образъ скромности и набожности ея патрона Алоизія Гонзаго. Когда она однажды пришла въ коллегіумъ и, посѣщая камеры учениковъ, вошла и въ камеры учениковъ философіи и увидѣла тамъ твердыя и бѣдныя постели, то заплакала надъ такою бѣдностью и съ сожалѣніемъ стала выговаривать ксендзу-ректору, что онъ строго воспитываетъ и нищенски держитъ учениковъ. Когда-же о. ректоръ возразилъ ей, что такъ прилично бѣднымъ монахамъ, чтобы они съ молодыхъ лѣтъ привыкали къ лишеніямъ и жизни апостольской, то Анна-Алоиза отвѣтила ему на это, что монашеская нищета согласна съ приличною выгодою: пусть все будетъ не роскошно, но пусть будетъ прилично. И какъ только она возвратилась изъ коллегіума въ свой палацъ, тотчасъ послала оттуда въ коллегіумъ все, что нашла у себя приличнаго и способнаго къ употребленію монашескому; а для того, чтобы на будущее время ученики не имѣли недостатка въ необходимомъ, она отложила въ сторону всѣ принадлежности алтарныя, которыя она, для украшенія костела, своими руками дѣлала, и начала сама рѣзать полотно и шить изъ него бѣлье для учениковъ". Такъ повѣствуютъ іезуиты ярославскіе.

Чтобы историческій образъ внучки Константина Острожскаго полнѣе и рельефнѣе представился предъ умственнымъ взоромъ читателя, считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о домашней обстановкѣ и образѣ жизни Анны-Алоизы, о ея духовныхъ наслажденіяхъ, умерщвленіи плоти и другихъ добродѣтельныхъ ея подвигахъ и занятіяхъ.

Острожскій замокъ, или вѣрнѣе самый дѣдинецъ, въ которомъ проживала Анна-Алоиза, былъ расположенъ на довольно высокомъ холмѣ, извѣстномъ въ настоящее время подъ названіемъ „Судовой горы", съ которой открывается восхитительный видъ на р. Вилію, м. Межиричъ и на широкую низменность р. Горыни. Съ трехъ сторонъ холмъ этотъ обрывался круто, почти отвѣсно, а съ сѣвер-

ной стороны онъ былъ отдѣленъ отъ города глубокимъ рвомъ, черезъ который у главныхъ воротъ былъ перекинутъ подъемный мостъ. По краямъ холма тянулись каменныя крѣпостныя стѣны, а по угламъ стояли высокія каменныя башни, изъ которыхъ одна, полукруглая и увѣнчанная зубчатою короною, хорошо сохранилась и до настоящаго времени. При въѣздѣ въ дѣдинецъ, надъ главными воротами, также возвышалась крытая гонтою башня, на которой устроены были желѣзные часы съ „цымбаломъ“. Замокъ постоянно охранялся надворною милиціей, а изъ амбразуръ его башенъ грозно глядѣли дула гаковницъ, мущирей и гарматъ. Въ самомъ дѣдинцѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ съ Богоявленскою церковью, стоялъ старинный княжескій палацъ о 13-ти верхахъ, построенный одновременно съ замкомъ, еще въ половинѣ XV ст., княземъ Василіемъ Острожскимъ, носившимъ прозваніе „Краснаго“. Не смотря на послѣдующія передѣлки, внутреннее убранство этого палаца въ то время сохраняло еще нѣкоторыя черты старинной простоты: такъ въ немъ, на ряду съ роскошнѣйшими апартаментами, украшенными дорогими обоями, шелковыми занавѣсами и т. под., сохранялись еще старинныя столовыя избы, съ кафельными печами, „мурованными коминами“, дверьми „малёваными“ и расположенными вокругъ подъ стѣнами дубовыми „лавами [1])“.

Не смотря на отшельническій образъ жизни Анны-Алоизы, дворъ ея содержался въ прежнемъ, истинно княжескомъ великолѣпіи. Іезуиты разсказываютъ, что когда ихъ визитаторъ польской провинціи Фабриціусъ (какая-то важная особа) былъ первый разъ въ гостяхъ у Анны-Алоизы, то, проходя черезъ рядъ роскошно убранныхъ комнатъ, обитыхъ дорогими обоями, и видя богато одѣтыхъ и важныхъ слугъ ея, думалъ, что то были сенаторы,—и оставался въ этомъ убѣжденіи до тѣхъ поръ, пока не замѣтилъ, что эти лица составляютъ свиту княжны, что они подмѣчаютъ ея взглядъ, ея движенія и съ низкимъ поклономъ исполняютъ ея приказанія. По обычаю всѣхъ тогдашнихъ магнатовъ, Анна-Алоиза содержала многочисленнѣйшій штатъ слугъ, большая половина которыхъ не имѣла опредѣленныхъ занятій, а жила для того, чтобы придать боль-

[1]) Заимствуемъ эти подробности изъ упомянутаго въ одномъ изъ предыдущихъ примѣчаній *Инвентаря* острожскихъ имѣній, составленнаго въ 1620 году.

шую пышность двору или для развлеченія владѣлицы; къ послѣдней категоріи, надо думать, принадлежали два карла и двѣ карлицы, которыхъ мы находимъ въ числѣ дворни княжны Острожской. Благочестивая Анна-Алоиза строго наблюдала за нравственностью своихъ слугъ; мужчинъ она содержала въ одномъ дворѣ, а женщинъ въ другомъ; требовала, чтобы всѣ ея слуги были честны, скромны, набожны, вполнѣ знали ученіе католической вѣры, строго соблюдали ея уставы и обряды и, служа своей пани, не переставали заботиться и о своемъ спасеніи. „Дворъ ея, по словамъ іезуитовъ, былъ похожъ на монастырь женскій: въ немъ всегда господствовала тишина, скромность, воздержность, согласіе и всякое приличіе. При этомъ панскомъ дворѣ всегда находилось очень много женщинъ: тамъ были и шляхетно урожденныя и хорошо воспитанныя всякаго рода служебницы; тамъ были и сироты, взятыя на воспитаніе; тамъ были дѣти: жидовскія, московскія, турецкія и татарскія, принятыя въ дворъ княжны для того, чтобы научить ихъ догматамъ и правиламъ св. вѣры. Для всѣхъ этихъ лицъ были занятія. Послѣ молитвы и выслушанія св. мши, однѣ шили, другія пряли, дѣлали ковры, вышивали золотомъ, занимались другими женскими рукодѣльями. Въ числѣ ихъ были и такія, которыя для работавшихъ читали житія святыхъ и книги духовныя, а въ другое время приготовляли новообращенныхъ дѣтей къ принятію св. таинъ, и также поочередно посѣщали больныхъ и имъ услуживали“.

Заботясь о душевномъ спасеніи своихъ слугъ, Анна-Алоиза не менѣе заботилась и о тѣлесныхъ ихъ нуждахъ, особенную же заботливость прилагала она о больныхъ. „Иные паны (говорятъ ея біографы) болѣе заботятся иногда о своей собакѣ, нежели о больной прислугѣ. Вѣрная слуга потеряетъ здоровье на службѣ панской, а не имѣетъ утѣшенія въ немощи своей. Подорвется отъ тяжести рабочій человѣкъ—и уже большою милостью считается и то, если ей-мосць вышлетъ ему чашку воды или водки съ солью. Не такъ легко смотрѣла на здоровье своихъ слугъ эта заботливая пани. Какъ только она узнавала, что кто-нибудь изъ дворовыхъ ея заболѣвалъ, сейчасъ приставляла къ нему прислужника, велѣла давать ему соотвѣтственную пищу и, по совѣту всегда находившагося при ней медика, велѣла отпускать изъ своей аптеки лѣкарства. Если кто заболѣвалъ сильно, то она поручала душу его попеченію ду-

ховника, сама посѣщала больного и другихъ посылала узнавать о его здоровьи. Если-же кто, при усилившейся болѣзни, былъ близокъ къ смерти, хотя-бы то былъ самый низшій служитель, возница или гайдукъ, то она сама приходила тогда услуживать ему: обтирала потъ съ его чела, поправляла его постель, своими руками кормила его, ласково уговаривала его къ терпѣнію и подчиненію волѣ Божьей, утѣшала его надеждою блаженной вѣчности; когда-же больной начиналъ умирать, то она давала ему въ руки освященную свѣчу и приготовляла его удивительно возвышенными актами къ хорошей смерти. Пріятно было слушать, когда такая могущественная пани, унижаясь до своихъ слугъ, богословскіе акты съ ними отправляла, припоминала умиравшимъ молитвы и стихи изъ псалмовъ, дѣйствія любви Божіей; при послѣднемъ-же издыханіи она набожно повторяла: „Іисусъ, Іисусъ! Марія!“ и всѣхъ побуждала къ плачу. Когда же священникъ находился при умиравшемъ, то она не вдавалась въ эту духовную услугу, а предоставляла это ему. Какіе она похороны для своихъ слугъ справляла, какъ много св. мшей за души ихъ заказывала—это всѣмъ было извѣстно, кто служилъ на ея княжескомъ дворѣ. Они всѣ хотѣли жить, служить и умирать у нея“.

Столь-же милосерда и заботлива была (по сказанію ея біографовъ) Анна-Алоиза и въ отношеніи къ крестьянамъ ея многочисленныхъ имѣній. „Изъ пяти польскихъ грѣховъ, самые обыкновенные—угнетеніе подданныхъ и проѣздъ по дорогамъ съ явнымъ вредомъ для людей. Грѣхи эти не пали на эту набожную пани. Подданные ея были въ такой охранѣ, что она не дозволяла дѣлать имъ никакой обиды; старостамъ и подстаростамъ она строго приказывала, чтобы они не налагали на крестьянъ никакихъ новыхъ тягостей. Во время путешествій своихъ, когда она изъ кареты замѣчала, что ея придворные топтали лошадьми чужой хлѣбъ, росшій при дорогѣ, она посылала сказать, чтобы они не дѣлали этого“. Она не была горда, а была доступна всѣмъ, очень ласкова и ко всѣмъ справедлива. Для спасенія душъ своихъ подданныхъ, Анна-Алоиза построила, кромѣ іезуитскаго костела въ Острогѣ, еще пять костеловъ въ своихъ обширныхъ имѣніяхъ, именно: въ Звяглѣ, Хлапотынѣ, Березцовѣ, Острожкѣ и Туровѣ, и при нихъ основала „шпитали“ или богодѣльни, обезпечивъ ихъ десятинами, ординаріями и денежными суммами. Въ эти богодѣльни она приказывала помѣ-

щать всѣхъ калѣкъ и нищихъ изъ ея крестьянъ и не терпѣла, чтобы нищіе въ ея владѣніяхъ оставались безъ призрѣнія и бродили по улицамъ. Часто она лично посѣщала „шпитали“, присматривалась къ тому, какъ содержались убогіе, и раздавала имъ щедрую милостыню. Въ голодные годы, особенно въ 1638 г., когда люди повсемѣстно умирали съ голоду, она въ имѣніяхъ своихъ велѣла ежедневно раздавать хлѣбъ не только своимъ подданнымъ, но и вообще всѣмъ нуждавшимся. Часто она платила долги несостоятельныхъ должниковъ и жертвовала деньги на выкупъ плѣнныхъ изъ татарской неволи.

Въ своемъ домашнемъ быту Анна-Алоиза жила строгой подвижницей, и единственнымъ наслажденіемъ для нея было—проводить дни и годы въ духовныхъ утѣхахъ. Пустыхъ и свѣтскихъ разговоровъ она не сносила, и когда случалось, что, сидя за столомъ, кто-нибудь изъ ея гостей заводилъ рѣчь въ этомъ духѣ, то набожная хозяйка порывалась встать изъ-за стола, или-же просила своихъ духовныхъ завести разговоръ о чемъ-нибудь божественномъ. Каждый день она слушала мшу и посвящала цѣлый часъ на молитву; каждый мѣсяцъ она посвящала три дня на духовныя размышленія, и разъ въ годъ она посвящала на это десять дней. Въ эти дни она размышляла только о Богѣ и отправляла духовныя упражненія, сочиненныя основателемъ іезуитскаго ордена. Она часто говѣла и при этомъ каждый разъ клала на олтарь не менѣе пяти червонцевъ, а въ день своего рожденія клала ихъ столько, сколько ей было лѣтъ. Вмѣстѣ съ отцами іезуитами, она каждый мѣсяцъ участвовала въ вынутіи по жребію для себя патрона изъ числа мѣсячныхъ святыхъ и чтила его день особеннымъ образомъ: служила этому святому обѣдню, исповѣдывалась и пріобщалась, со вниманіемъ читала его житіе и старалась подражать ему. Для умерщвленія плоти, Анна-Алоиза часто бичевала себя до крови острыми плетками, или желѣзными гребнями, и всегда носила на тѣлѣ своемъ пояски изъ проволоки, а на рукахъ желѣзные нарукавники. Въ дни страстей Христовыхъ Анна-Алоиза изнуряла себя до послѣдней степени. Въ великій четвергъ она созывала нищихъ, торжественно омывала не водою только, но и слезами своими ихъ ноги, послѣ чего угощала ихъ обѣдомъ и сама лично служила имъ съ такимъ усердіемъ, какъ если-бы самого Христа имѣла своимъ

гостемъ; послѣ этого подвига она всю ночь не ложилась спать. Въ страстную пятницу она цѣлый день проводила въ молитвахъ, босая обходила гробы Господни, подолгу лежала крыжемъ на молитвѣ и обливала слезами помосты костельные. За свои добродѣтели Анна-Алоиза, по словамъ біографовъ, удостоивалась нерѣдко дивныхъ знаменій и видѣній чудесныхъ: такъ однажды, зайдя въ садъ одного честнаго острожскаго армянина, она обратила вниманіе на одно дерево съ висѣвшими на немъ яблоками, которыя почему-то показались ей не совсѣмъ обыкновенными; и дѣйствительно—когда стали разрѣзывать эти яблоки, то въ каждомъ изъ нихъ, ко всеобщему изумленію, найдены были искусно сдѣланныя распятія [1]).

Таковъ былъ личный характеръ и образъ жизни и дѣятельности княжны Анны-Алоизы, или, вѣрнѣе сказать, такими чертами изображаютъ ее біографы-іезуиты, на безпристрастіе которыхъ, конечно, нельзя много полагаться. Можно, однако, повѣрить всему, что говорится ими о сердечной добротѣ набожной княжны, о ея человѣколюбіи, справедливости и щедрости, о христіанской заботливости ея и попеченіи о больныхъ и несчастныхъ и т. под. добродѣтеляхъ; но не надо забывать того, что всѣ эти прекрасныя качества ея души имѣли слишкомъ тѣсный кругъ примѣненія, будучи запечатлѣны характеромъ вѣроисповѣдной исключительности и прозелитизма. Весьма вѣроятно, что Анна-Алоиза была и добра, и справедлива — относительно своихъ единовѣрцевъ католиковъ, да еще, пожалуй, тѣхъ изъ иновѣрцевъ, которые изъявляли готовность перейти въ одну съ нею вѣру; но такова-ли она была и по отношенію къ лицамъ другихъ вѣроисповѣданій, въ особенности-же—по отношенію къ массѣ подчиненнаго ей православнаго населенія? Можно смѣло поручиться въ томъ, что еслибы кто изъ православныхъ писателей того времени составилъ въ поученіе потомству жизнеописаніе Анны-Алоизы, то въ немъ образъ іезуитской праведницы былъ-бы начертанъ совсѣмъ другими красками. Къ сожалѣнію, въ южно-русской письменности XVII в. не имѣется ничего подобнаго такому труду; но за то въ актовыхъ книгахъ тогдашнихъ судебныхъ мѣстъ сохранилось нѣсколько документовъ, по

---

[1]) Niesiecki, Herbarz Polski, t. VII, pag. 194.

которымъ можно составить нѣкоторое понятіе о томъ, каковы были отношенія Анны-Алоизы къ послѣдователямъ той вѣры, которую не задолго еще предъ тѣмъ исповѣдывали и твердо отстаивали ея предки.

Нужно замѣтить, что ближайшіе потомки князя Константина Острожскаго, хотя сами лично принадлежали уже къ другой вѣрѣ, но, вѣроятно, изъ уваженія къ его славной памяти, ни въ чемъ не нарушали давнихъ правъ и свободы вѣры и церкви православной и обнаруживали по отношенію къ ней полную терпимость, а въ иныхъ случахъ даже покровительство. Такъ мы видимъ, что напечатанный въ острожской типографіи въ 1612 г. Часословъ былъ изданъ „повелѣніемъ“ князя Януша Острожскаго, который, хотя былъ самъ католикомъ, но, ради славы своего отца, поддерживалъ всѣ его просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія: школы, церкви, монастыри, „шпитали“ и т. под. [1]). Такъ-же, очевидно, поступалъ и его племянникъ, молодой князь Янушъ Александровичъ, родной братъ Анны-Алоизы, о которомъ православные, жалуясь на его сестру, отзывались, что онъ, „светое памети яснеосвецоное кнежа, ничого правъ и фундушей продковъ своихъ не нарушалъ и кривдъ добрамъ церковнымъ не чинилъ“. Даже сама Анна-Алоиза, вступивъ въ 1621 году во владѣніе „княжствомъ острозскимъ“, первоначально также „остерегалась“ чинить подобныя „кривды“, только не долго: такъ, мы упомянули уже, что, водворивъ въ Острогѣ іезуитовъ и предоставивъ имъ исключительное право на открытіе и содержаніе здѣсь публичныхъ школъ, она этимъ положила конецъ существованію знаменитой острожской академіи и другихъ православныхъ школъ, заведенныхъ славнымъ ея дѣдомъ. Существовала еще въ то время въ г. Острогѣ каменная церковь св. Тройцы, а при ней большой „шпиталь“, въ которомъ находили

---

[1]) Достойно замѣчанія, что, спустя годъ по смерти князя Януша Острожскаго, знаменитый составитель «Палинодіи», кіево-печерскій инокъ Захарія Копыстенскій, въ своей книгѣ почтилъ память его настоящимъ диѳирамбомъ за то, что князь этотъ, несмотря на свое вѣроотступничество, «народъ свой росскій любилъ, православную вѣру отцевъ своихъ величалъ и побожне поважалъ; монаховъ святогорцевъ религіи греческое почестне пріймовалъ и прикладомъ отца своего ялмужну давалъ» и пр. (Русск. Историч. Библіотека, т. IV, стр. 1139).

призрѣніе много „уломныхъ, хорыхъ и убогихъ розного стану и кондиціи“. Оба эти учрежденія въ давнія времена также основаны были предками Анны-Алоизы и щедро обезпечены большими имѣніями: м. Суражемъ (что нынѣ село въ кременецк. у. волынск. губ.) и с. Андрушовкою, съ которыхъ поступало ежегодно дохода болѣе 3,000 золотыхъ польскихъ. Имѣнія эти княжна-праведница въ непродолжительномъ времени отняла и вмѣстѣ съ церковью отдала іезуитамъ „шпиталь“ „опустила“, а вмѣсто того основала въ Острогѣ латинскій шпиталь св. Франциска-Ксаверія и на содержаніе его записала ежегодный доходъ съ бумажной фабрики острожской. Сверхъ того православные жаловались, что Анна-Алоиза почти совсѣмъ обобрала каѳедральную богоявленскую церковь, въ которой находились гробницы ея отца и дѣда, и „барзо вельми зъ нее охендожствъ и аппаратовъ церковныхъ, лихтаровъ и иншихъ речей побрала“ и, надо полагать, на костельный „пожитокъ обернула“. Затѣмъ, когда, по смерти короля-фанатика Сигизмунда III, была возстановлена, ко всеобщей радости православныхъ, высшая церковная іерархія, при чемъ волынцы единогласно избрали на епископскую каѳедру въ Луцкъ князя Александра (въ монашествѣ Аѳанасія) Пузыну, то, наущенная іезуитами, внучка князя Острожскаго не мало омрачила эту радость тѣмъ, что не допустила новоизбраннаго епископа обревизовать православныя церкви въ ея имѣніяхъ, запретила своимъ подданнымъ, мірянамъ и духовенству, признавать его законнымъ своимъ пастыремъ и оказывать ему надлежащее послушаніе, такъ что когда епископъ Пузына прибылъ въ Острогъ, то „зъ жалемъ сердечнымъ“ узналъ, что замковая каѳедральная церковь была, по приказу княжны, опечатана шестью печатями, а самый замокъ занятъ многочисленною стражею и приведенъ въ оборонительное положеніе; попробовалъ епископъ отправиться въ другія городскія церкви, но повсюду встрѣтилъ опечатанныя двери и грозную стражу [1]).

Но всѣ эти притѣсненія были ничто сравнительно съ тою по истинѣ ужасною трегедіею, какая, по винѣ Анны-Алоизы, разы-

[1]) По этому поводу было занесено епископомъ нѣсколько жалобъ на княжну Острожскую, не имѣвшихъ, разумѣется, никакихъ послѣдствій. Жалобы эти находятся въ луцкихъ земскихъ книгахъ—за 1633 г., л. 536, за 1634, л. 556 на обор. и за 1641 г., л. 80.

гралась въ Острогѣ въ 1636 г. и стоила православнымъ много крови. Собственно говоря, Анна-Алоиза сыграла въ этой трагедіи, какъ и въ другихъ случаяхъ, лишь жалкую роль слѣпого орудія въ рукахъ скрывавшихся за нею іезуитовъ, въ пользу которыхъ была задумана и сыграна самая трагедія. Дѣло въ томъ, что іезуиты все еще не были довольны образомъ дѣйствій своей покровительницы въ принятой ею на себя миссіи—спасанія отъ вѣчной гибели душъ человѣческихъ. Они находили, что она принимаетъ слишкомъ недостаточныя мѣры къ искорененію „схизматическаго квасу“ въ ея имѣніяхъ, позволяетъ схизматикамъ имѣть свои церкви и даже въ самомъ замкѣ своемъ оставляетъ въ ихъ рукахъ величественный каменный храмъ Богоявленія, горделиво высящійся надъ цѣлымъ городомъ и затмѣвающій собою великолѣпіе католическихъ костеловъ. Имъ не нравилось также, что набожная княжна иногда лично посѣщала этотъ храмъ, въ которомъ находились гробницы ея предковъ и между ними великолѣпный мраморный памятникъ, стоявшій надъ прахомъ отца ея, князя Александра Острожскаго. Давно уже они увѣряли ее, что князь этотъ, хотя и жилъ въ схизмѣ, но, подъ вліяніемъ своей благочестивой супруги, при самомъ концѣ своей жизни соединился съ святымъ костеломъ римскимъ и умеръ въ истинной вѣрѣ; что, по тщательному ходатайству отцевъ ихъ ордена, онъ даже принятъ былъ папою Климентомъ VIII къ участію въ молитвахъ о немъ римскаго костела, и что только благодаря неслыханному упорству схизматиковъ онъ былъ похороненъ въ ихъ церкви. Анна-Алоиза, глубоко чтившая память своего отца, съ отрадою внимала этимъ увѣреніямъ и еще чаще ходила молиться надъ его гробницей; но наконецъ въ умѣ ея зародилась страшная мысль, повлекшая за собою непредвидѣнныя для нея самой и плачевныя для другихъ послѣдствія. Такъ совершилась завязка острожской трагедіи 1636 года, о которой предоставимъ разсказывать самимъ творцамъ ея—іезуитамъ.

„Сердце дочери (повѣствуютъ біографы Анны-Алоизы) сильно болѣло отъ того, что кости отца ея покрывала земля, проклятая римскимъ костеломъ, и она раздумывала день и ночь о томъ, какимъ-бы образомъ отобрать этотъ дорогой депозитъ и перенести его въ католическій костелъ. Однажды она открылась въ этомъ отважномъ замыслѣ передъ своими избранными и вѣрными слугами. Они,

принявъ къ себѣ, для исполненія этого замысла, ловкихъ и отважныхъ рыцарей и разставивъ незамѣтно по сторонамъ вооруженную пѣхоту, забрались въ церковь, открыли гробъ и взяли его вмѣстѣ съ тѣломъ Александра, и возвратили этотъ депозитъ, долго находившійся въ узахъ, своей панiи, отдали отца дочери, и положили его на святой землѣ—въ католическомъ костелѣ. Изъ этого поднялось большое возмущеніе. Схизматическая русь, подстрекаемая своими попами, ревнующими будто-бы за поруганіе дома Божія, подняла тревогу, начала сбѣгаться отовсюду и вооружаться. Чернь до того озлобилась, что бросилась на свою пани-дѣдичку, и сія послѣдняя была-бы не ушла отъ ужасныхъ рукъ разъяренной черни, если-бы не защитила ее дворская кавалерія, пѣхота и рыцарская отвага благородныхъ студентовъ коллегіума. Злость схизматическая была ужасна. Предводители бунта шли прямо на сабли, шли въ огонь, готовые погибнуть и тѣломъ и душею, только-бы добраться до своей пани и отомстить ей. Между тѣмъ старосты ближайшихъ селеній прибыли въ городъ съ свѣжими подкрѣпленіями и усмирили возстаніе: однихъ изъ бунтовщиковъ они убивали на мѣстѣ, другихъ заковывали въ кандалы и затаскивали ихъ въ темницы; когда-же не стало оковъ и цѣпей и не было уже мѣста въ темницахъ, то держали преступниковъ въ частныхъ домахъ".

„Дѣло это разбиралось въ трибуналѣ. Тамъ этихъ преступниковъ судили—и осудили: схизматическихъ поповъ выгнать изъ Острога; бунтовщики, находившіеся подъ стражею, осуждены на смерть—мечемъ; предводители мятежа и главные дѣятели осуждены на смерть—четвертованіемъ, отсѣченіемъ рукъ, сожженіемъ въ смолѣ, ломаніемъ костей, колесованіемъ, содраніемъ заживо кожи. Домы же бунтовщиковъ велѣно было сравнять съ землей и мѣста, гдѣ они стояли, посыпать солью".

„Когда въ Острогѣ узнали объ этомъ рѣшеніи трибунала, то плачъ и рыданіе поднялись по всему городу. Богатые мѣщане предлагали по нѣскольку тысячъ гривенъ за освобожденіе отъ этого наказанія. Бунтовщиковъ, закованныхъ, повели въ замокъ для объявленія имъ рѣшенія; но тамъ они услышали милостивый декретъ своей пани: она велѣла расковать ихъ, и вмѣсто того, чтобы вести на мѣсто казни, велѣла завести ихъ въ столовую, простила имъ ихъ вину и, угостивши, отпустила ихъ домой. Плачъ обратился

въ веселіе; всѣ восхваляли милосердіе своей пани, и этою ласковостью ея многіе заохочивались къ св. уніи, но другіе остались при своей пустой вѣрѣ. Ясневельможная пани имѣла то утѣшеніе, что, послѣ изгнанія, на основаніи трибунальскаго декрета, 46-ти схизматическихъ поповъ изъ острогскихъ имѣній, вѣра католическая начала разширяться, а схизматическое упрямство начало понемногу уступать, такъ что съ теченіемъ времени и простой народъ и даже самые попы присоединялись къ уніи; а для того, чтобы твердость ихъ въ уніи была явна и всѣмъ видима, богобоязненная пани постановила, дабы всѣ попы со всѣхъ ея имѣній пріѣзжали въ ризахъ въ Острогъ на праздникъ Божія Тѣла для участія въ процессіи и читали на славянскомъ языкѣ евангеліе на нарочито устроенныхъ алтаряхъ. Обычай этотъ въ главныхъ городахъ ея продолжается и донынѣ“ (говорится въ 1698 г.).

Такъ повѣствуютъ объ этомъ происшествіи біографы Анны-Алоизы, іезуиты ярославскіе. Другіе польскіе писатели, передавая этотъ эпизодъ въ общихъ чертахъ сходно съ іезуитами, прибавляютъ къ нему нѣкоторыя любопытныя подробности. Такъ, по свѣдѣніямъ, заключающимся въ сочиненіяхъ: „Genealogia XX. Ostrogskich“ и „Korona Polska“, похищеніе тѣла князя Александра изъ богоявленской церкви было совершено ночью наканунѣ праздника Пасхи. Народъ, во множествѣ наполнявшій внутренность храма, слушая пасхальную утреню, и еще въ большемъ числѣ окружавшій наружныя стѣны церкви, громко порицалъ кощунственный поступокъ своей дѣдички, но не предпринималъ еще никакихъ враждебныхъ противъ нея дѣйствій и терпѣливо ожидалъ освященія принесенныхъ имъ пасокъ и другихъ пасхальныхъ яствъ. Въ это время возвращалась изъ іезуитскаго костела сама Анна-Алоиза, въ каретѣ, съ длиннымъ цугомъ и окруженная своими гайдуками. Ей нужно было проѣхать черезъ мостъ, ведущій въ замокъ, почти у самой паперти богоявленской церкви; но здѣсь стояли толпы народа, съ пасхами, и на приказаніе очистить княжнѣ дорогу отвѣчали явнымъ ослушаніемъ. Раздраженная Анна-Алоиза приказала кучеру и слугамъ ѣхать прямо на толпу, по пасхальнымъ хлѣбамъ. Этотъ легкомысленный поступокъ ея и вызвалъ тотъ взрывъ народнаго возмущенія, о которомъ сказано выше. Въ страшномъ негодованіи народъ окружилъ поѣздъ княжны, въ одно мгновеніе за-

кидалъ ее крашенными яйцами и хотѣлъ сбросить ее съ моста въ глубокій оврагъ. Бывшая на-готовѣ надворная милиція какимъ-то чудомъ успѣла спасти княжну отъ разъяренныхъ мѣщанъ, которые вломились было за нею въ самый палацъ, и только ружейные выстрѣлы заставили ихъ податься назадъ [1]).

Слухъ объ острожской трагедіи быстро распространился по всей южной Руси и наполнилъ сердца православныхъ глубокою скорбью, а неизвѣстный составитель львовской лѣтописи, на память будущимъ родамъ, записалъ въ свою хронику слѣдующее: „въ томъ-же (1636) року, на свята великодныи, зъ недѣли на понедѣлокъ, у Острогу, пани воеводиная, дочка княжны ярославской, пошедши до замку, казала собѣ гробъ отворити, и добывши склепу, где лежало тѣло отца ея, и казала его взяти, которое южъ было згнило, только кости; которыи взявши, казала ихъ помыти и посвятити езуитамъ и отвезти до Ярославля, до матки своей. И казала провадити изъ церкви, кгды Русь звыкла, на память звитязства Христа Спасителя нашого, с крестами, съ корогвами тріумфъ коло церкви отправовати,—абы съ того напасть на Русь чинити. И такъ *учинили много злого христіанству*“. Такъ думали православные; а слабодушная Анна-Алоиза, напротивъ, думала, что она совершила доброе и богоугодное дѣло тѣмъ, что, во-первыхъ, оказала помощь своему покойному отцу, перенеся его тѣло изъ „проклятой земли“ на землю „святую“; во-вторыхъ—очистила свои владѣнія отъ „схизматическаго еретичества“; и въ третьихъ—спасла отъ вѣчной гибели и пріобрѣла Богу множество душъ схизматическихъ, присоединивъ ихъ къ уніи или даже прямо къ римскому костелу. Такъ-же, безъ сомнѣнія, смотрѣли на все случившееся и руководители Анны-Алоизы, іезуиты; а ея біографы, окончивъ повѣсть о вышеписанномъ, начинаютъ новую затѣмъ главу слѣдующими словами: „по окончаніи такимъ неожиданнымъ способомъ вышерасказанной трагедіи, ясновельможная фундаторша начала думать *о дальнѣйшемъ размноженіи славы Божьей*“. Это дальнѣйшее размноженіе состояло въ новыхъ щедротахъ Анны-Алоизы по отно-

---

[1]) Genealogia XX. Ostrogskich, 139—142. Korona Polska, 111, 522. Цитируемъ по ссылкѣ В. Домбровскаго въ его статьѣ «Острожская Старина», помѣщенной въ «Кіевлянинѣ» Максимовича, за 1840 годъ.

шенію къ ея дѣтищу—коллегіуму іезуитскому и въ передачѣ іезуитамъ всѣхъ имѣній, которыми такъ щедро были надѣлены отъ предковъ ея православные церкви и монастыри въ предѣлахъ владѣній острогскихъ.

Такъ прошло еще 12 лѣтъ. Не смотря на свои далеко еще не старые годы (ей было тогда подъ 50 лѣтъ), Анна-Алоиза выглядѣла настоящей старухой, часто болѣла и безпрестанно готовилась къ смерти. Каждый день она отправляла особую литанію о томъ, чтобы Богъ послалъ ей добрую смерть, и каждую болѣзнь свою считала смертельною. Ей казалось, что она до конца совершила земное свое назначеніе, преуспѣла во всѣхъ добродѣтеляхъ, и захотѣлось ей предпринять еще одинъ, послѣдній подвигъ: посѣтить святыя мѣста и затѣмъ гробъ основателя іезуитскаго ордена св. Игнатія Лойолы, и тамъ, при ногахъ его, сложить свои праведныя кости. Но судьба неожиданно приготовила ей другое странствованіе. Въ 1648 г. въ Украйнѣ вспыхнуло возстаніе Хмельницкаго, быстро охватившее всѣ южно-русскія земли. На Волыни, какъ и въ другихъ мѣстахъ, началось всеобщее бѣгство въ Польшу ксендзовъ, пановъ и евреевъ, справедливо опасавшихся попасться въ руки возмутившагося народа. Острожскіе іезуиты, какъ кажется, оказались въ числѣ первыхъ, „накивавшихъ козакамъ пятами“. Анна-Алоиза также вынуждена была оставить на произволъ судьбы свои богатства и пуститься въ далекій путь. А по пятамъ ея въ Острогъ нагрянули козаки, вырѣзали здѣсь до четырехъ-сотъ евреевъ и уніатовъ и дымомъ пустили къ небу недостроенный еще въ то время іезуитскій коллегіумъ и католическіе костелы. Когда Анна-Алоиза прибыла изгнанницей въ польскіе предѣлы, то, по словамъ іезуитовъ, Малая и Великая Польша съ удивленіемъ смотрѣла на большой и пышный поѣздъ *одной* русской пани: такъ много было въ ея обозѣ каретъ, каруцъ, рыдвановъ и возовъ, запряженныхъ по четыре и по шести лошадей и нагруженныхъ всякими богатствами. Весь многочисленный штатъ ея дворцовыхъ слугъ сопутствовалъ своей госпожѣ, готовясь дѣлить съ нею бѣдствія изгнанія, а въ числѣ самыхъ дорогихъ своихъ сокровищъ она везла за собою гробъ своего мужа Ходкевича, справедливо опасаясь, чтобы козаки не наругались надъ прахомъ знаменитаго рыцаря. Прахъ этотъ она похоронила временно въ краковскомъ іезуитскомъ костелѣ, разсчитывая

снова возвратить его въ Острогъ по „успокоеніи отчизны“. Когда въ августѣ 1649 года былъ заключенъ съ козаками зборовскій миръ, многіе думали, что вслѣдъ затѣмъ должна наступить эпоха столь желаннаго успокоенія, и стали возвращаться въ покинутыя имѣнія на Украйнѣ. Въ числѣ другихъ шляхетныхъ изгнанниковъ вернулась и Анна-Алоиза въ свой Острогъ, оплакала слѣды козацкаго разоренія и немедленно приступила къ поправкѣ того, что еще могло быть поправлено. Но не прошло и года, какъ война съ козаками возобновилась, и несчастная внучка князя Константина Острожскаго вынуждена была снова поспѣшно бросать—на этотъ разъ уже навсегда—свои города и замки, свои обширныя владѣнія и несмѣтныя богатства, и бѣжать въ чужую землю, скитаться по чужимъ угламъ. А козацкіе загоны снова посѣтили Острогъ и вторично предали огню все, что напоминало здѣсь о католичествѣ и іезуитахъ. Впрочемъ, ясневельможная изгнанница нашла въ Польшѣ радушный пріютъ у людей, которыхъ она никогда не считала чужими: сначала она поселилась въ калишскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ, а потомъ проживала въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ коллегіуму познанскому. И сбылось, замѣчаютъ ея біографы, давнее предчувствіе этой Анны-пророкини, которое она не разъ высказывала въ Острогѣ отцамъ іезуитамъ, осыпая ихъ щедрыми милостями: „будетъ время, когда я прійду въ убожество и у васъ, мои отцы, буду просить хлѣба и пристанища“. „Впрочемъ, говорятъ они далѣе, не такъ по нуждѣ, какъ по особенной своей милости ясневельможная княжна благоволила жить въ домѣ слугъ своихъ и ѣсть ихъ хлѣбъ; ибо она и въ это время за оказанное ей одолженіе болѣе сдѣлала намъ щедрыхъ пожертвованій, чѣмъ сколько стоило содержаніе ея панскаго двора“. Дѣйствительно, объ Аннѣ-Алоизѣ никакъ нельзя было сказать іезуитамъ, что она даромъ ѣла ихъ хлѣбъ, ибо въ это самое время она сдѣлала въ ихъ пользу новое пожертвованіе, по щедрости едвали не превосходившее всѣ прежнія благодѣянія. Получивъ извѣстіе о вторичномъ разореніи острожскаго коллегіума и потерявъ увѣренность въ возможности возобновленія его въ ближайшемъ будущемъ, Анна-Алоиза предприняла намѣреніе возстановить изъ развалинъ другой іезуитскій коллегіумъ, также разрушенный козаками, именно въ г. Ярославѣ, составлявшемъ ея материнскій удѣлъ, которымъ она имѣла право располагать

какъ своею личною, а не родовою собственностью. Въ этомъ смыслѣ она составила въ 1653 г. фундаціонную запись и немедленно внесла ее въ познанскія земскія книги, записавъ въ собственность будущаго коллегіума ближайшія къ г. Ярославу имѣнія на *вѣчныя* времена.

Въ послѣдній годъ своей жизни Анна-Алоиза почему-то оставила своихъ друзей-іезуитовъ и проживала въ имѣніяхъ разныхъ великопольскихъ пановъ: въ Ковалѣ, Коморжѣ, Гнинѣ и наконецъ въ Рацацѣ. Политическія тревоги послѣднихъ лѣтъ, двукратное бѣгство изъ родины, горести и лишенія бездомной, скитальческой жизни, наконецъ страшныя бѣдствія отечества, раздираемаго и безпрестанно опустошаемаго вторженіями непріятельскихъ войскъ: козацкихъ, московскихъ, шведскихъ, венгерскихъ, и обреченнаго, казалось, на неминуемую гибель, — все это быстро разрушило истощенный, болѣзненный организмъ Анны-Алоизы и преждевременно свело ее въ могилу. Она скончалась 27 генваря 1654 года, въ г. Рацацѣ, въ домѣ какой-то пани Гнинской. Признательные отцы-іезуиты безотлучно окружали смертную постель своей благодѣтельницы и ихъ дружеская рука закрыла на вѣки ея глаза. Впослѣдствіи они составили подробное и умилительное повѣствованіе о послѣднихъ минутахъ ея жизни, изъ котораго можно видѣть, къ какимъ поистинѣ театральнымъ церемоніямъ не гнушались прибѣгать отцы-іезуиты даже въ такой важный и серьезный моментъ, какъ разлученіе съ тѣломъ души человѣческой. Весь эффектъ этой неумѣстной церемоніи состоялъ въ томъ, что при помощи искусныхъ бесѣдъ о наслажденіяхъ загробной жизни и затѣмъ цѣлаго ряда торжественно произносимыхъ вопросовъ и потрясающихъ воззваній, умирающая была приведена въ крайнюю степень экзальтаціи и выражала страстное желаніе поскорѣе вкусить смерть и воспрянуть на небо. Достойно вниманія замѣчаніе біографовъ Анны-Алоизы, что, не взирая на несомнѣнное благочестіе ея и набожность, праведница эта по смерти своей „не ушла языковъ людскихъ“ и подверглась разнымъ пересудамъ, хотя, прибавляютъ они, гораздо болѣе было такихъ, которые и по смерти признавали ее добродѣтельною женщиною.

Анна-Алоиза оставила весьма подробное духовное завѣщаніе, составленное ею еще въ 1651 г. и впослѣдствіи нѣсколько разъ

дополняемое. Этотъ интересный документъ чрезвычайно живо рисуетъ предъ нами духовный образъ его составительницы, всѣ задушевные помыслы ея и симпатіи, предсмертныя думы, заботы и опасенія. Завѣщаніе Анны-Алоизы начинается обычнымъ исповѣданіемъ принадлежности ея къ католической церкви и молитвой къ Богу о милосердіи и снисхожденіи къ ея грѣхамъ; послѣ чего слѣдуютъ распоряженія относительно похоронъ. „Я прошу, завѣщала она, чтобы тѣло мое грѣшное было положено въ костелѣ отцевъ іезуитовъ въ Острогѣ; тамъ я, вмѣстѣ съ мужемъ моимъ, хочу ожидать послѣдней трубы воскресенія мертвыхъ. Я прошу, чтобы меня похоронили безъ всякой пышности, которая не идетъ ко мнѣ, живущей сиротой и почти заживо умершей. Я смиренно прошу, чтобы меня несли въ костелъ отцы іезуиты своими руками... Я увѣрена, что превелебные отцы іезуиты будутъ такъ добры, что всѣ они, сколько можно будетъ собрать ихъ въ скоромъ времени, соберутся для поданія помощи душѣ моей; объ этомъ я униженно прошу ихъ“. Другихъ монаховъ, кромѣ іезуитовъ, она не велитъ приглашать къ ея погребенію и вмѣняетъ въ обязанность слугамъ особенно заботиться, чтобы отцы іезуиты, которые будутъ находиться при тѣлѣ ея, имѣли „всякія выгоды“, а на покрытіе дорожныхъ издержекъ для пріѣзжихъ іезуитовъ она ассигнуетъ 3000 золотыхъ польскихъ и велитъ раздѣлить между ними эту сумму. На отправленіе мшей въ день ея похоронъ въ 12-ти ближайшихъ къ Острогу кляшторахъ и для раздачи нищимъ милостыни было ассигновано 2000 золотыхъ. Далѣе слѣдуютъ щедрыя пожертвованія въ пользу острожскихъ іезуитовъ и на возстановленіе и украшеніе въ Острогѣ ихъ коллегіума; и видно по всему, что этотъ пунктъ составлялъ главный предметъ предсмертныхъ думъ и заботъ Анны-Алоизы: приступая къ нему, она и молитъ, и заклинаетъ своихъ наслѣдниковъ въ точности исполнить ея распоряженія, въ противномъ-же случаѣ она призываетъ гнѣвъ Божій на души и тѣла тѣхъ, кто осмѣлился-бы учинить малѣйшее нарушеніе послѣдней воли ея. Костелу іезуитскому въ Острогѣ Анна-Алоиза назначаетъ 20,000 золотыхъ и сверхъ того все золото, жемчугъ, камни драгоцѣнные, столовое серебро, подсвѣчники, чаши, кубки—словомъ, все до малѣйшей вещи, что только останется послѣ нея въ серебрѣ бѣломъ или позолоченномъ. Іезуиты должны были получить всю домашнюю

утварь ея: иконы, часы, книги, шкатулки, обои и опоны, ковры, полотна, шелковыя ткани, кареты и лошадей; имъ-же доставались стада воловъ, быковъ, овецъ, свиней, въ фольваркахъ острожскихъ, звягельскихъ и бересдовскихъ; все оружіе, вывезенное изъ замка острожскаго, пушки, ружья, гаковницы, мушкеты, порохъ и пули—также поступало іезуитамъ. На постройку и возобновленіе разрушеннаго козаками острожскаго коллегіума и при немъ костела Анна-Алоиза записала іезуитамъ имѣніе с. Кривинъ съ фольваркомъ Котумлемъ и всѣ тѣ мѣста въ ея имѣніяхъ, гдѣ добывался камень, выдѣлывался кирпичъ и гдѣ брали известь и глину. Когда костелъ будетъ построенъ, наслѣдники Анны-Алоизы обязывались выдать новые 20,000 золотыхъ на содержаніе большаго алтаря въ немъ и еще 20,000 на содержаніе алтаря надъ гробомъ ея мужа, гетмана Ходкевича; сверхъ того—30,000 зол. на покрытіе костела мѣдью и 20,000 на уплату долговъ острожскихъ іезуитовъ другимъ коллегіумамъ, а 2,000—для бурсы бѣдныхъ учениковъ при коллегіумѣ острожскомъ. Не забыла Анна-Алоиза и другихъ іезуитовъ, находившихся въ Краковѣ, Сандомірѣ, Ярославѣ, Луцкѣ, Перемышлѣ, Винницѣ, Барѣ,—всѣмъ имъ она записала по нѣскольку тысячъ золотыхъ польскихъ. Всѣ основанные ею въ острожскихъ имѣніяхъ костелы и богодѣльни она также обезпечила десятинами и разными доходами и обдарила большими денежными суммами. Не менѣе щедро вознаградила Анна-Алоиза служившую при ея дворѣ шляхту: 25-ти лицамъ она записала въ пожизненное пользованіе 36 деревень, другимъ назначила денежныя суммы и платья. Не забыла и простыхъ своихъ подданныхъ: „невозможно предположить, писала она, чтобы мои крестьяне не терпѣли угнетеній, за которыя прійдется дать отвѣтъ предъ Богомъ; поэтому я прошу, чтобы, въ вознагражденіе ихъ за это, во всѣхъ моихъ волостяхъ: острогскихъ, звягельскихъ, туровскихъ, свидинскихъ и ярославскихъ были подарены имъ на три года чинши и фуры“.

Распредѣливъ столь щедро значительную часть своего состоянія на дѣла богоугодныя, Анна-Алоиза не была увѣрена въ томъ, что ея родственники, къ которымъ послѣ ея смерти должны были перейти отцовскія имѣнія ея, въ точности исполнятъ ея послѣднюю волю. Эти опасенія болѣе всего озабочивали благочестивую княжну и не давали спокойно умереть ей. Въ самомъ завѣщаніи она много-

кратно молитъ и заклинаетъ наслѣдниковъ не нарушать ея распоряженій, а чтобы еще вѣрнѣе удержать ихъ отъ этого, она назначаетъ самого Бога и пресвятую Матерь Его вотчинниками той части ея состоянія, которая была предназначена на предметы религіи и дѣла милосердія. А въ протекторы своего завѣщанія она избираетъ короля Яна-Казиміра и униженно проситъ его, „дабы онъ, какъ мудрый и набожный монархъ, унаслѣдовавшій отъ богобойныхъ предковъ своихъ желаніе умножать славу Господню въ своихъ владѣніяхъ и привыкшій быть всегда опекуномъ и защитникомъ сиротъ и убогихъ, благоволилъ принять послѣднюю волю ея подъ свою особенную опеку и милостивую протекцію и не допустилъ, чтобы ея пожертвованія и фундаціи, предназначенныя ею на честь и хвалу Божію и на избавленіе душъ бѣднаго народа, живущаго въ этихъ отдаленныхъ странахъ (т. е. на Руси) и зараженнаго отступничествомъ отъ вселенскаго римскаго костела, были нарушены людскою алчностью".

Незадолго до своей смерти Анна-Алоиза прибавила къ своему завѣщанію слѣдующее распоряженіе относительно своихъ похоронъ: „Такъ какъ наказаніе Божіе (т. е. козацкія войны) не прекращается, и мнѣ, вслѣдствіе продолжающихся нестроеній въ отчизнѣ, приходится скитаться по чужимъ угламъ и не въ своемъ предковскомъ домѣ жизнь кончить, то я прошу экзекуторовъ моего завѣщанія, чтобы они меня какъ найскорѣе по смерти моей, гдѣ-бы я ни умерла, отправили въ Краковъ и тамъ въ костелѣ св. Мацѣя, при новиціатѣ отцевъ іезуитовъ, положили-бы меня вмѣстѣ съ блаженной памяти моимъ мужемъ, который уже тамъ—не похороненъ, а лучше сказать положенъ мною при началѣ несчастія, постигшаго отчизну. При этомъ должна быть объявлена обычная протестація (т. е. формальное заявленіе предъ урядомъ), что, по успокоеніи отчизны, я непремѣнно должна быть перенесена, вмѣстѣ съ покойнымъ мужемъ моимъ, изъ означеннаго костела св. Мацѣя въ Острогъ и тамъ погребена въ костелѣ превелебныхъ отцевъ іезуитовъ. Я увѣрена, что ихъ милости (т. е. іезуиты) не пожалѣютъ дать для этого перенесенія ни повозки, ни лошадей и въ точности исполнятъ эту послѣднюю волю мою, а я, поелику не могу уже болѣе отслужить ихъ милостямъ за ихъ послѣднюю услугу,

не забуду ихъ предъ престоломъ Божіимъ. Однако я прошу и обязываю пановъ наслѣдниковъ моихъ дать ихъ милостямъ на это перенесеніе 1000 золотыхъ польскихъ“ [1]).

Опасенія Анны-Азоизы относительно нарушенія предсмертныхъ ея распоряженій сбылись раньше, чѣмъ она могла предполагать. Съѣхались съ разныхъ концевъ знатные и именитые ея родственники и, не взирая на завѣщаніе, рѣшили похоронить ее съ княжескою пышностью и великолѣпіемъ, и не тамъ, гдѣ она назначила, а въ ярославскомъ приходскомъ костелѣ. На приготовленія къ этимъ похоронамъ потребовалось около девяти мѣсяцевъ. Этимъ промедленіемъ воспользовались іезуиты и затѣяли съ наслѣдниками формальный процессъ, предъявивъ свои права на „дорогой имъ депозитъ“. Родственники умершей княжны не уступали. Дѣло грозило затянуться на неопредѣленное время; но за іезуитовъ вступился папскій нунцій и, благодаря его вмѣшательству, тѣло княжны формальнымъ образомъ было присуждено ордену іезуитовъ.. Мгновенно похоронная пышность, устроенная вопреки волѣ умершей, исчезла, и гробъ ея публично внесенъ былъ на раменахъ самыхъ важныхъ отцевъ Societatis Iesu въ принадлежавшій имъ костелъ св. Яна въ Ярославѣ и положенъ въ гробницѣ княгини ея матери— 17 февраля 1655 г., т. е. спустя годъ и нѣсколько недѣль послѣ ея смерти. „Но не долго (замѣчаютъ біографы) покоилась тамъ Анна-Алоиза. Какъ при жизни своей военною бурею она загнана была въ далекій край и много странствовала, такъ и по смерти постояннаго успокоенія не имѣла: во время бывшихъ въ томъ-же году нашествій войскъ: шведскихъ, московскихъ, татарскихъ, венгерскихъ и козацкихъ, она, по ходатайству отцевъ Societatis Iesu, перенесена была изъ Ярослава въ Краковъ и положена въ костелѣ св. Мацѣя, въ ожиданіи торжественнаго перенесенія, по наступленіи покоя, до своей фундаціи, въ Острогъ“. Этого послѣдняго перенесенія Аннѣ-Алоизѣ пришлось ждать довольно долго, ибо и самая „фундація“ея, т. е. острожскій коллегіумъ, по причинѣ все

[1]) Подлинное завѣщаніе Анны-Алоизы немедленно послѣ ея смерти было предъявлено острожскими іезуитами и внесено въ акты познанскаго суда и вмѣстѣ въ акты королевской канцеляріи въ Варшавѣ, а 9 марта 1697 года оно было перенесено ими-же въ актовыя книги луцкаго гродскаго суда.

тѣхъ-же политическихъ нестроеній въ краѣ, полъ-вѣка еще послѣ того продолжалъ лежать въ развалинахъ. Только въ первой четверти XVIII ст., послѣ того, какъ поляки, по силѣ Прутскаго договора 1712 года, снова „запановали“ въ правобережной Малороссіи, была возстановлена въ Острогѣ іезуитская твердыня, и тогда—именно въ 1723 г., тѣло Анны-Алоизы и мужа ея было перевезено іезуитами въ Острогъ и погребено въ іезуитскомъ костелѣ, вблизи главнаго олтаря. Надъ могилою гетмана Ходкевича сдѣланъ былъ мраморный барельефъ, съ изображеніемъ рыцаря; другой памятникъ изъ чорнаго мрамора обозначалъ мѣсто, подъ которымъ были положены смертные останки Анны-Алоизы.

Минуло еще полъ-вѣка, въ теченіе котораго населеніе западной Малороссіи болѣе изнемогало подъ тяжестью новаго „лядскаго ига“, чѣмъ то было во дни Хмельницкаго. Словно дикіе, кровожадные звѣри, расхаживали по краю, изъ села въ село, католическіе и уніатскіе миссіонеры, въ сопровожденіи военныхъ отрядовъ, и не словомъ проповѣди и убѣжденія, а муками и висѣлицами обращали народъ къ соединенію съ правовѣрнымъ костеломъ римскимъ. А для острожскихъ іезуитовъ это была самая блестящая эпоха, какой не переживали они даже при жизни своей фундаторши. По свѣдѣніямъ отъ 1738 г. ихъ находилось въ этомъ году въ Острогѣ свыше 60-ти человѣкъ; съ теченіемъ времени они, безъ сомнѣнія, еще болѣе умножились. Точно такъ-же и коллегіумъ острожскій достигъ въ эту эпоху своего высшаго процвѣтанія и, вмѣстѣ съ сосѣдними іезуитскими коллегіумами—въ Луцкѣ и Винницѣ, являлся могучимъ орудіемъ полонизаціи и разсадникомъ идей ожесточеннаго католическаго фанатизма въ средѣ мѣстнаго дворянства. Но ничто не вѣчно подъ луною. Въ 1773 г. былъ уничтоженъ іезуитскій орденъ и опустѣвшее зданіе острожскаго коллегіума было отдано базиліанамъ, переведеннымъ сюда изъ м. Гощи; а еще черезъ 12 лѣтъ, когда Волынь была присоединена къ Россіи и въ ней открыта была православная епархія, г. Острогъ былъ назначенъ мѣстопребываніемъ для мѣстнаго епископа, а помѣщеніе для него отведено въ зданіи бывшаго коллегіума. При этомъ іезуитскій костелъ былъ обращенъ въ православный преображенскій монастырь, а въ остальныхъ громадныхъ корпусахъ коллегіатскаго

зданія были помѣщены консисторія и новообразованная волынская духовная семинарія. Такъ неумолимый ходъ историческихъ событій окончательно разрушилъ намѣренія набожной Анны-Алоизы и далъ совсѣмъ иное назначеніе тому учрежденію, которое она въ фанатическомъ ослѣпленіи создала на пагубу родному краю и народу.

Тогда-же, по волѣ слѣпаго случая, былъ нарушенъ вѣчный покой и ея смертныхъ останковъ. Произошло это такъ, что около 1815 года волынскій епископъ Стефанъ задумалъ изъ бывшей іезуитской ризницы устроить придѣльный алтарь, и когда рабочіе проломали алтарную каменную стѣну, то нашли задѣланные въ ней два гроба, искусно выкованные изъ желтой мѣди, съ крышками изъ того-же металла. „Оба они (разсказываетъ очевидецъ) были внутри и снаружи весьма хорошо выбѣлены, особенно внутри, и казались будто новые; снаружи на бѣломъ полѣ выбиты были листы съ цвѣтами въ разводы блѣдно-зеленаго цвѣта, на подобіе рытаго плиса; но, находясь въ каменной стѣнѣ, эти листы съ цвѣтами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ потерлись и сквозь побѣлку видна была желтая мѣдь. По вскрытіи перваго гроба, по истлѣвшему на костяхъ убору, всѣ узнали, что то была Анна-Алоиза, ибо портретъ ея еще висѣлъ въ монастырѣ въ золоченной овальной рамѣ, надъ гробницею чорнаго мрамора, выдавшеюся до половины изъ каменной стѣны, гдѣ, какъ полагали, находилось тѣло ея. По прикосновеніи къ одеждѣ, въ перстахъ оставался одинъ прахъ; черепъ съ зубами покрывала истлѣвшая шапочка, тѣло осунулось и истлѣло. Грудная кость покрыта сплетенною изъ волосъ сѣткою, еще довольно крѣпкою, на коей лежалъ металлическій крестикъ, какъ изображено на портретѣ. Что-же касается другаго гроба, то, открывъ его, увидѣли одни только развалившіяся отъ остова съ черепомъ кости, одежду-же съ тѣломъ согнившую. И какъ ни на одномъ гробѣ не было надписи, то о находившихся костяхъ въ другой гробницѣ мнѣнія были различны: одни говорили, что то былъ отецъ фундаторши, другіе—что братъ ея или родственникъ, были и такіе, кои утверждали, что—знакомецъ ея или іезуитъ“ [1]).

---

[1]) Личнымъ свидѣтелемъ всего разсказаннаго былъ протоіерей изъ м. Анополя Аврамій Яворскій, впослѣдствіи, именно въ 1845 году, составившій объ

Но, вѣрнѣе всего, что во второмъ гробѣ былъ прахъ мужа Анны-Алоизы, гетмана Ходкевича, какъ то призналъ находившійся при этомъ одинъ изъ его потомковъ. По распоряженію преосвященнаго, оба гроба были перенесены въ подземный склепъ и положены въ отдѣльной каморкѣ. Но и здѣсь они не долго оставались въ покоѣ. Въ 1820 г. зданіе бывшаго іезуитскаго коллегіума подверглось пожару, вслѣдствіе чего мѣстопребываніе архіерея, а также консисторія и духовная семинарія были перемѣщены изъ Острога въ м. Аннополь, того-же уѣзда. Хотя огонь истребилъ только лишь кровлю іезуитскаго зданія, но оно не было уже починяемо и въ такомъ положеніи оставалось до самаго послѣдняго времени. Громадные опустѣлые корпуса его сдѣлались притономъ для городскихъ бродягъ и воровъ и въ короткое время подверглись окончательному опустошенію. Тогда, въ числѣ другихъ цѣнныхъ памятниковъ старины, были похищены и тѣ два гроба, о которыхъ мы говорили, при чемъ мѣдь была сбыта острожскимъ евреямъ, а кости выброшены, конечно, вонъ. Недавно приступили къ сломкѣ самого зданія и скоро, по всей вѣроятности, отъ него не останется и слѣда; поэтому считаю небезполезнымъ представить хотя краткое описаніе этого памятника печальной старины въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находился еще до 1876 года.

Бывшій іезуитскій коллегіумъ въ Острогѣ представлялъ собою громадное каменное зданіе, построенное въ формѣ неправильнаго четыреугольника, съ довольно просторнымъ дворомъ внутри его. Южная, лицевая сторона четыреугольника представляла корпусъ, значительно возвышавшійся надъ другими частями зданія и украшенный великолѣпнымъ фронтономъ съ колоннами и башенками: тутъ помѣщался іезуитскій костелъ, обращенный впослѣдствіи въ православный монастырь; остальные корпуса имѣли два этажа надземныхъ и по одному подвальному. Въ сѣверовосточномъ углу зданія высоко поднималась каменная башня, на верху которой помѣщалась когда-то, во дни іезуитовъ, астрономическая обсерваторія. Все зданіе, вмѣстѣ съ дворомъ и огородами, занимало про-

---

этомъ интересное воспоминаніе, помѣщенное въ Волынскихъ губернск. вѣдомостяхъ 1867 г. № 45.

странство въ 1 десятину и 97 квадратныхъ саженей, изъ коихъ 1737 квадратныхъ сажней лежало собственно подъ зданіями; отсюда можно заключить, какъ велика была вмѣстимость коллегіума. Въ корпусахъ, въ обоихъ этажахъ, находилось множество просторныхъ, разрисованныхъ портретами и другими изображеніями горницъ, съ сводчатыми потолками и необыкновенно массивными стѣнами. Вообще все зданіе было построено чрезвычайно прочно и капитально, и можно лишь пожалѣть о томъ, что изъ него не сдѣлали никакого общеполезнаго употребленія, а обрекли на жертву разрушенію. Правда, въ 1867 г., по мысли тогдашняго волынскаго архіепископа Агаѳангелла, было постановлено консисторіей—починить зданія бывшаго іезуитскаго коллегіума и перевести сюда изъ Дермани духовное училище, а въ остальныхъ корпусахъ устроить пріютъ или богадѣльню для вдовъ и сиротъ духовнаго званія волынской епархіи. Но совѣтъ дерманскаго духовнаго училища нашелъ невозможнымъ произвести на свои скудныя средства починку зданій, а запрошенное въ 1868 г. консисторіей духовенство епархіи также не собралось на пожертвованія для устройства пріюта для вдовъ и сиротъ. Поэтому въ 1876 г. консисторія и новый тогда уже архіепископъ признали мысль преосвященнаго Агаѳангелла неосуществимой и возвратились къ мѣрѣ, указанной св. синодомъ еще въ 1865 г., т. е. предписали передать зданія бывшаго коллегіума въ распоряженіе губернской администраціи для сломки и употребленія матеріала на постройку проэктируемой въ Острогѣ соборной и др. церквей. Вслѣдъ затѣмъ изъ этого матеріала были построены въ Острогѣ: зданіе учительской семинаріи, колокольня при церкви мѣстнаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства и нѣсколько частныхъ домовъ. При этомъ, какъ водится, огромное количество матеріала подверглось всеобщему расхищенію, такъ что въ рѣдкомъ изъ острожскихъ дворовъ вы не увидите сарая, хлѣва или другой хозяйственной постройки, сложенной изъ старинныхъ кирпичей. Во время моего посѣщенія Острога лѣтомъ прошлаго 1882 г. я еще засталъ уцѣлѣвшими два громадныхъ коршуса коллегіатскаго зданія; но ломка продолжается и по-нынѣ... А между тѣмъ въ томъ-же Острогѣ многолюдная шестиклассная прогимназія помѣщается въ ветхомъ деревянномъ флигелѣ, передѣланномъ изъ конюшенъ прежняго владѣльца города.

Теперь—нѣсколько словъ о портретахъ Анны-Алоизы. Изъ приведеннаго выше отрывка статьи протоіерея Яворскаго видно, что въ его время, т. е. до пожара іезуитскаго зданія въ 1820 г., здѣсь хранились еще висѣвшіе на стѣнахъ въ церкви портреты Анны-Алоизы и мужа ея гетмана Ходкевича. Куда они дѣвались впослѣдствіи—этого я никакъ не могъ добиться. Гораздо дольше сохранились портреты Анны-Алоизы и ея дяди Януша Константиновича Острожскаго въ бывшемъ францисканскомъ кляшторѣ въ м. Межиричѣ, вблизи Острога; но въ 1866 г. этотъ кляшторъ былъ обращенъ въ православную церковь, и тогдашній священникъ ея, по несчастію обладавшій иконописнымъ искусствомъ, желая истребить самую память о принадлежности къ католичеству потомковъ князя Константина Острожскаго, замазалъ оба названные портреты, а на мѣсто ихъ изобразилъ лики св. Ѳеодора князя острожскаго и препод. Іова Почаевскаго. Наконецъ, въ острожскомъ католическомъ костелѣ мнѣ удалось найти два старинныхъ портрета: Анны-Алоизы и ея отца князя Александра Острожскаго—и даже пріобрѣсти довольно удачныя копіи съ нихъ. На портретѣ Анна-Алоиза изображена сорокалѣтнею женщиною, съ черными глазами и бровями и вообще съ чертами лица, несомнѣнно свидѣтельствующими о замѣчательной красотѣ ея въ цвѣтущемъ возрастѣ. Она одѣта въ чорное платье католической монахини, съ бѣлымъ покрываломъ на шеѣ и груди, въ надвинутой до бровей бархатной шапочкѣ, опушеной соболемъ, и съ четками въ правой рукѣ. Глядя на этотъ скорбный ликъ іезуитской праведницы, невольно испытываешь какое-то жуткое ощущеніе: холодомъ могилы и запахомъ тлѣнія вѣетъ отъ этого круглаго, сморщеннаго, безстрастнаго лица, съ тонкими, сухими губами, припухшими вѣками и отуманеннымъ взоромъ.

Наконецъ, нельзя не упомянуть еще объ одномъ древнемъ острожскомъ памятникѣ, съ печальной судьбой котораго тѣсно связано—не только въ исторіи, но и въ памяти народной—воспоминаніе объ Аннѣ-Алоизѣ: разумѣемъ остатки величественнаго и въ самыхъ развалинахъ Богоявленскаго храма на горѣ замковой. Нѣкогда его окружали стѣны и башни замка, а крытая, „балясованая“ галлерея соединяла его непосредственно съ палацомъ князей острожскихъ; теперь отъ всего этого уцѣлѣла одна лишь каменная полукруглая башня, а на фундаментѣ какого-то древняго, укрѣ-

пленнаго контрфорсами, каменнаго зданія (по мнѣнію нѣкоторыхъ— палаца острожскихъ) возведена казарма солдатская. Храмъ построенъ въ готически-византійскомъ стилѣ, въ формѣ продолговатаго четыреугольника, о пяти куполахъ, и по всей справедливости можетъ считаться лучшимъ памятникомъ южнорусскаго зодчества XV вѣка[1]). Здѣсь именно, подъ величественными сводами этого памятника древности и благочестія князей острожскихъ, совершилась въ 1636 г. печальной памяти исторія похищенія Анной-Алоизой праха ея отца, вызвавшая возмущеніе православнаго острожскаго населенія. Съ того времени колокола Богоявленскаго храма замолкли навсегда, а самъ онъ, по выраженію одной старинной брошюры, былъ оставленъ въ жилище совамъ и воробьямъ, и въ этомъ положеніи остается и понынѣ. Среди острожскаго населенія существуетъ повѣрье, будто ежегодно въ полночь пасхальную вокругъ пустынныхъ стѣнъ полуразрушеннаго храма тоскливо бродитъ какая-то женщина въ бѣломъ одѣяніи, съ распущенными волосами,

---

1) Точныхъ свѣдѣній о времени построенія Богоявленскаго храма, впрочемъ, не имѣется. Авторъ «Описанія Острога», помѣщеннаго въ «Чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др. за 1848 г., Перлштейнъ, свидѣтельствуетъ, что въ его время на наружныхъ окнахъ сѣверной стѣны церкви были видны еще слѣды надписей латинской и славянской, изъ которыхъ онъ съ большимъ трудомъ прочелъ: «Jnitium hujus operis anno Domini 1321», а изъ славянской можно было разобрать: лишь влѣ҃ зка҃. Если вѣрно разобраны эти надписи, то ихъ можно понимать такъ, что первоначальное основаніе Богоявленской церкви относится къ 1321 г., ко времени князя Даніила Васильевича Острожскаго, а славянское число 7021 (1513) должно указывать годъ ея возобновленія. Но самъ Перлштейнъ, слѣдуя другимъ польскимъ и русскимъ историкамъ, признаетъ болѣе вѣроятнымъ общее мнѣніе, что строителемъ нынѣшняго Богоявленскаго храма былъ князь Василій Ѳедоровичъ Острожскій, умершій въ 1453 году и похороненный въ этомъ же храмѣ. Гробница этого князя была видна здѣсь еще въ прошломъ вѣкѣ, но въ 1773 г. ее почему-то перенесли въ церковь с. Хорева, близъ Острога, вмѣстѣ съ крестомъ, снятымъ съ одного изъ уцѣлѣвшихъ куполовъ Богоявленскаго храма и поставленнымъ на Хоревской церкви. Въ прошломъ году мнѣ случилось быть въ с. Хоревѣ и видѣть въ алтарѣ тамошней церкви этотъ надгробный камень князя Василія, или вѣрнѣе его обломки, на которыхъ съ трудомъ читаются слова «Остроз...» да еще кое-какія отдѣльныя буквы.

громко плачетъ и въ отчаяніи ломаетъ себѣ руки. Народъ забылъ имя этой несчастной и помнитъ лишь, что это—знатная пани, которая когда-то, во время пасхальнаго богослуженія въ этой самой церкви, цугомъ промчалась по священнымъ пасхамъ и за то по смерти осуждена Богомъ не имѣть покоя въ могилѣ и вѣчно оплакивать свой страшный грѣхъ[1]). Въ этомъ полузабытомъ преданіи не трудно видѣть смутное воспоминаніе народа объ Аннѣ-Алоизѣ и о событіи 1636 года, имѣвшемъ столь роковое вліяніе между прочимъ и на судьбу Богоявленскаго храма. По какимъ-то неизвѣстнымъ причинамъ, храмъ этотъ не былъ обращенъ Анной-Алоизой ни въ католическій костелъ, ни даже въ уніатскую церковь; вѣроятно, находившіяся въ немъ гробницы православныхъ предковъ ея дѣлали во многихъ отношеніяхъ неудобнымъ такое обращеніе, и потому онъ просто былъ обреченъ на жертву запустѣнію. Съ тѣхъ поръ минуло безъ малаго два съ половиною вѣка, и сколько важныхъ перемѣнъ совершилось въ судьбѣ древняго города князей острожскихъ, какъ и въ судьбѣ цѣлаго края Волынскаго! Погибла и самая память объ острожскихъ іезуитахъ и скоро не останется камня на камнѣ отъ колоссальной нѣкогда твердыни ихъ—острожскаго коллегіума. А Богоявленскій храмъ, вопреки всѣмъ превратностямъ судьбы, вопреки даже разрушительному вліянію всесокрушающаго времени, все еще величаво выситъ къ небу свои стройные куполы, правда давно лишенные крестовъ и кровли и на половину уже обрушившіеся, и словно забытый смертью на землѣ многолѣтній пращуръ краснорѣчиво повѣдаетъ о былыхъ, славныхъ временахъ, когда подъ его сѣнью цвѣло знаменитое училище острожское, готовившее на служеніе родной землѣ такихъ дѣятелей, какъ, напр., Петръ Конашевичъ-Сагайдачный, Исаія Копинскій, Захарій Копыстенскій и др. Едвали не со времени присоединенія Волыни къ Россіи многократно былъ подымаемъ вопросъ о возобновленіи острожскаго Богоявленскаго храма,—вопросъ, несовсѣмъ оставленный и въ настоящее время. Еще недавно въ Острогъ пріѣзжали столичные инженеры, изслѣдовали глубину фундамента Бого-

---

[1]) Объ этомъ интересномъ повѣрьи и соединенномъ съ нимъ преданіи мнѣ лично пришлось услышать въ бытность мою въ Острогѣ.

явленской церкви, поставили къ ея вѣковымъ стѣнамъ деревянныя подпорки и неизвѣстно съ какимъ заключеніемъ уѣхали обратно. Послѣдуетъ-ли когда-нибудь ея возобновленіе или нѣтъ, это дѣло невѣрнаго будущаго; а въ настоящемъ нельзя не пожелать, чтобы приняты были какія-либо мѣры къ предохраненію этого во всѣхъ отношеніяхъ цѣннаго историческаго памятника отъ дальнѣйшаго разрушенія какъ со стороны стихій, такъ еще болѣе со стороны жителей, расхищающихъ кирпичъ для хозяйственныхъ нуждъ,— или по крайней мѣрѣ, чтобы зданіе было ограждено заборомъ. А то вѣдь совѣстно сказать: этотъ величественный, четырехъ-вѣковой памятникъ православія, заключающій въ своихъ нѣдрахъ гробницы острожскихъ князей, служитъ теперь убѣжищемъ для бродячихъ скотовъ и, что еще хуже, отхожимъ мѣстомъ для проходящихъ.

Орестъ Левицкій.

СУДЪ НАДЪ ВѢДЬМАМИ.

Малорусскій народъ гораздо менѣе суевѣренъ, нежели великороссійскій. Утверждая это, мы, однако, исключаемъ отъ сопоставленія тѣ отрасли южно-русскаго племени, которыя обитаютъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ: *полѣщуковъ* волынской и сѣверной части кіевской губерніи, отчасти гродненской, *пинчуковъ* минской губерніи и *сѣверянъ* черниговскаго Задесенья. Перечисленныя три отрасли южно-руссовъ количествомъ и характеромъ суевѣрій превосходятъ какъ остальныхъ малороссовъ, такъ и великороссовъ, и ближе всего подходятъ къ бѣлоруссамъ. Но что малороссъ степныхъ мѣстностей и прочихъ южныхъ губерній болѣе свободенъ отъ предразсудковъ, нежели великоросъ, въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, кто приметъ на себя трудъ провести параллель между сѣверно-русскими и южно-русскими демоническими существами. Хотя число разнаго рода духовъ у южноруссовъ, можетъ быть, то-же, что и у сѣверноруссовъ; за то духи первыхъ мягче, человѣчнѣе, чѣмъ у послѣднихъ. Малороссъ представляетъ своихъ духовъ въ образахъ часто очень поэтическихъ и не придаетъ имъ той злостности, какою отличаются духи великороссовъ. Самъ чортъ въ малорусскихъ разсказахъ, какъ извѣстно, является нерѣдко въ комическомъ видѣ и вообще не такимъ страшнымъ, какъ великороссійскій. Какъ-бы ни смягчался образъ и ни умалялась власть чорта въ народныхъ вѣрованіяхъ южноруссовъ, все таки нечистый духъ въ его представленіяхъ является настолько сильнымъ, что можетъ приводить въ движеніе мертвецовъ (упыри) и помогать злымъ бабамъ (вѣдьмамъ) причинять людямъ всякія пакости и даже бѣдствія.

Хотя предметъ настоящей статьи составляетъ собственно указаніе на то, какимъ образомъ у насъ, въ Южной Руси, судили

вѣдьмъ въ старину, но для большаго уясненія процессовъ вѣдьмъ необходимо предварительно коснуться и существующихъ нынѣ вѣрованій въ вѣдьмъ, вѣрованій болѣе или менѣе извѣстныхъ, благодаря трудамъ нашихъ этнографовъ.

Вѣдьмы, по народнымъ вѣрованіямъ, способны дѣлать людямъ лишь одно зло: онѣ доятъ по ночамъ чужихъ коровъ; выдаивая коровъ до крови, вѣдьмы тѣмъ самымъ портятъ ихъ; пугаютъ людей, превращаясь въ разныхъ животныхъ: въ собакъ, свиней, сорокъ и въ различные неодушевленные предметы. Онѣ-же снимаютъ съ неба звѣзды (падающія) и прячутъ у себя подъ „покутьемъ“ или въ погребахъ. Имъ также извѣстно искусство скрадывать съ неба дождь и росу, которые онѣ уносятъ въ завязанныхъ сосудахъ съ собой и хранятъ въ своихъ домахъ. Онѣ могутъ управлять какъ дождевыми, такъ и градовыми тучами; слѣдовательно, въ ихъ власти задержать дождь и тѣмъ причинить засуху и голодъ, или навести градъ. Имъ приписываютъ также закрутки, или заломы на нивахъ, которыя онѣ закручиваютъ съ двоякою цѣлью: съ одной стороны, чтобы причинить смерть тому хозяину нивы, который вздумалъ-бы самолично, безъ помощи знахаря, вырвать заломъ, съ другой стороны, чтобы такимъ способомъ перетянуть къ себѣ чужое хлѣбное зерно. Вѣдьмы, какъ и упыри, сосутъ кровь у людей, въ особенности у парней и дѣвушекъ, и тѣмъ причиняютъ имъ смерть. Моровое повѣтріе и скотскіе падежи также приписываются вѣдьмамъ [1]).

Вѣрованіе въ вѣдьмъ настолько распространено въ Малороссіи, что въ каждомъ селѣ вамъ укажутъ на одну или нѣсколько вѣдьмъ. Въ этомъ случаѣ не представляютъ исключенія даже большіе, университетскіе города, какъ Кіевъ и Харьковъ, въ которыхъ жители предмѣстій имѣютъ своихъ вѣдьмъ. Вѣдьмы кіевскіе извѣстны всей Россіи. Покойнымъ профессоромъ Иванишевымъ, уроженцемъ Кіева, записаны были отъ кіевскихъ вѣдьмъ, какъ онъ выражался, прекрасныя заклинанія, которыя составляли цѣлый сборникъ [2]). Въ Харьковѣ, по разсказамъ народа, одна изъ вѣдьмъ

[1]) Lud Ukrainski II, 81; Обычаи, повѣрья и кухня малорос. Маркевича, стр. 83, Труды экспед. въ западно-рус. край I, 197—199. Поэтич. возрѣнія славянъ на природу Аѳанасьева и др.

[2]) Съ сборникомъ своимъ познакомилъ меня самъ Иванишевъ въ 1859 году,

живетъ въ предмѣстьи Журавлевкѣ. Это жена коваля, женщина еще не старая; она портитъ коровъ, перевязывая соски конскимъ волосомъ. Купитъ человѣкъ корову, подоятъ дня три, какъ слѣдуетъ; затѣмъ вымя у нея твердѣетъ и не оказывается молока. Всѣ приписываютъ порчу коровъ ковалихѣ, которая пользуется чужимъ молокомъ. Въ семьѣ своей она также крутитъ, т. е. всѣми командуетъ; мужъ, говорятъ, было повѣсился изъ-за нея, да сняли съ петли.

Нельзя не привести здѣсь еще нѣсколькихъ примѣровъ, указывающихъ, какъ крѣпко держится въ народѣ вѣрованіе въ вѣдьмъ. Въ с. Бабаяхъ, подъ Харьковомъ, живетъ ветхая старуха, свыше семидесяти лѣтъ. Крестьяне ея побаиваются, думая, что она вѣдьма; всѣ несчастія, которыя случаются въ селеніи, народъ приписываетъ ни въ чемъ неповинной старухѣ. Въ прошломъ году вдругъ по селу пронесся слухъ, что старуха умерла. Собрались родные, и позже все село пришло посмотрѣть на мертвую вѣдьму. Къ изумленію всѣхъ присутствующихъ и, конечно, къ большему укрѣпленію ихъ вѣрованія, когда уже былъ приготовленъ гробъ и послали за священникомъ, старуха очнулась съ громкимъ крикомъ и потребовала себѣ меду [1]). Въ брацлавскомъ уѣздѣ, подольской губерніи, въ с. Байраковкѣ былъ въ нынѣшнемъ году слѣдующій случай. Въ этомъ селѣ умерла отъ родовъ молодая женщина. Когда на другой день пришли хоронить ее, женщина ожила. Она стала затѣмъ разсказывать, что была уже на томъ свѣтѣ, но ее не приняли. Присутствующіе объяснили, что она, должно быть, большая грѣшница, когда Богъ ее не принялъ. Несчастная женщина усвоила себѣ это мнѣніе, стала думать, что она предназначена чорту, если Богъ не принимаетъ ее, и черезъ нѣсколько дней повѣсилась. Общество въ свою очередь признало ее вѣдьмой и нашло нужнымъ сдѣлать ее уже послѣ смерти безвредной для людей. Для этого напоили допьяна нѣсколькихъ парней, и тѣ за волосы выволокли ее за село на раздорожье и бросили въ яму, нарочно для этого наполненную во-

---

когда я былъ еще студентомъ. Этотъ сборникъ въ послѣдствіи, въ 1874 году, былъ присланъ кіевскимъ отдѣломъ Русскаго Географическаго общества на мое имя въ Воронежъ и затерянъ почталіономъ, какъ оказалось по дознанію, произведенному воронежской почтовой конторой, и такимъ образомъ погибъ безвозвратно.

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. за 1883 г., № 79.

дою, этимъ лишили вѣдьму возможности насылать на село засуху. Но чрезъ нѣкоторое время мѣстный экономъ сталъ разсказывать, что ему снилось, будто повѣсившаяся женщина просила, чтобы могилу ея окропили святой водой и поставили на ней крестъ,—тогда она оставитъ всѣхъ въ покоѣ (никому не будетъ сниться). Крестьяне сдѣлали складчину и на собранныя деньги поставили *фигуру* (высокій крестъ) на могилѣ, а также освятили самое мѣсто, гдѣ похоронена покойница [1]).

За вѣдьмъ признаютъ преимущественно женщинъ глубокой старости. Народу именно кажется подозрительной долговѣчность такихъ женщинъ, т. е. онъ думаетъ, что свой вѣкъ вѣдьма можетъ продлить посредствомъ чародѣйства. Иногда, впрочемъ, въ число вѣдьмъ засчитываютъ и молодыхъ замужнихъ женщинъ или вдовъ, но никогда, кажется, вѣдьмой не признаютъ дѣвушку.

Крестьяне дѣлятъ вѣдьмъ, по ихъ происхожденію, на двѣ категоріи: родимыхъ и ученыхъ; изъ нихъ прирожденныя вѣдьмы не такъ вредны, какъ наученныя. Внѣшнимъ признакомъ, по которому можно узнать вѣдьму, служитъ небольшой хвостъ. Но этотъ признакъ недоступенъ для людей, такъ какъ вѣдьмы старательно прячутъ его отъ всѣхъ. Если при изслѣдованіи у какой-либо женщины, обвиняемой въ „видіомствѣ“, не окажется хвоста, то ее въ такомъ случаѣ признаютъ за ученую вѣдьму, потому что хвостъ необходимая принадлежность собственно прирожденной вѣдьмы. Вѣрованіе въ существованіе хвоста у вѣдьмъ основано на дѣйствительныхъ, хотя и рѣдкихъ, случаяхъ особеннаго удлиненія кончиковой кости у людей.

Вѣдьмы стоятъ въ тѣсной связи съ чортомъ и при его помощи совершаютъ всѣ тѣ дѣйствія, какихъ обыкновенный человѣкъ сдѣлать не въ состояніи. Но нѣкоторымъ вѣрованіямъ, чтобы сдѣлаться вѣдьмой, женщинѣ необходимо отречься отъ Бога и записать свою душу чорту. Чортъ въ свою очередь обязывается исполнять малѣйшія требованія записавшейся ему женщины. Слетаясь на Лысую гору (по другимъ сказаніямъ на Бабину или Осіянську), вѣдьмы входятъ въ ближайшую связь съ чертями. Есть, впрочемъ, и другія средства, помимо непосредственнаго сношенія съ чортомъ, сдѣ-

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1883 г., № 219; перепечатка изъ «Зари».

латься вѣдьмой. Эти секреты извѣстны прирожденнымъ вѣдьмамъ, которыя передаютъ ихъ своимъ ученицамъ. Въ однихъ мѣстахъ женщина, которая хочетъ сдѣлаться вѣдьмой, должна въ полночь на Юрья пойти на коровій бродъ, набрать въ ротъ воды со слѣда коровы первенца, покропить этой водой *фигуру* на распутьи, снять съ себя всю одежду, и, развѣсивъ рубашку на фигурѣ, за тѣмъ лѣзть на фигуру вверхъ ногами. Въ другихъ мѣстахъ вѣдьма, взявъ кусокъ своего сыра, отправляется вмѣстѣ съ ученицей къ рѣкѣ. Когда вѣдьма раздробитъ сыръ и броситъ его въ воду, тотчасъ сбѣгаются всевозможные гады и быстро расхватываютъ этотъ сыръ. Вѣдьма, указавъ на это своей ученицѣ, говоритъ: „такъ растерзаютъ черти твою душу на томъ свѣтѣ за ремесло вѣдьмы". Если ученица не устрашится и примется учиться, тогда вѣдьма начинаетъ ей давать уроки колдовства. Хотя изъ приведенныхъ двухъ обрядовъ не видно, чтобы желающая научиться „видіомству" прямо сносилась съ чертями и отъ нихъ получала свои знанія; но практикуемое при этомъ поруганіе креста (фигуры), собираніе всякаго рода гадовъ, какъ извѣстно, принадлежащихъ къ излюбленнымъ тварямъ чорта, а главное, слова учительницы, обращенныя къ ученицѣ, что она, дѣлаясь вѣдьмой, тѣмъ самымъ передаетъ свою душу чертямъ, — все это указываетъ на участіе въ дѣйствіяхъ вѣдьмъ дьявольской силы.

Самыми усердными послѣдователями чорта являются женщины. Мужчины рѣдко бываютъ вѣдунами, да и то имъ принадлежитъ въ этомъ случаѣ особеннаго рода роль; они являются такъ сказать примирителями двухъ началъ—гуманнаго и дьявольскаго. Вѣдьмакъ, по народному вѣрованію, становится во главѣ вѣдьмъ; ему извѣстны всѣ вѣдьми и чаровницы; самъ онъ ничего дурнаго не дѣлаетъ людямъ, а напротивъ старается быть имъ полезнымъ, насколько это возможно въ его положеніи: распоряжаясь вѣдьмами, удерживаетъ вѣдьмъ отъ причиненія людямъ большаго зла. На Лысой горѣ онъ предсѣдательствуетъ въ годичномъ засѣданіи вѣдьмъ и опредѣляетъ, что и какъ должны дѣлать вѣдьмы въ теченіи всего годоваго періода ихъ дѣятельности. Вѣдьмакъ—это человѣкъ, который родился отъ вѣдьмы. Онъ всегда представляется старикомъ съ длинной сѣдой бородой и длинными волосами на головѣ. Длин-

ные волосы на головѣ—необходимая принадлежность вѣдьмака, потому что они скрываютъ присущій ему рогъ.

Другая спеціальность, приписываемая также мужчинамъ—это знахарство. Знахари, впрочемъ, не имѣютъ дѣла съ нечистой силой и дѣлаютъ людямъ преимущественно добро: вылѣчиваютъ наговорами отъ болѣзней, предсказываютъ будущее, отвращаютъ всякія бѣдствія, причиняемыя людямъ вѣдьмами и т. п.

Кромѣ безвреднаго знахарства, мужчины также занимаются чародѣйствомъ (чарівники, чаклуны), которое уже не можетъ обойтись безъ участія нечистой силы. Но, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, число мужчинъ-чародѣевъ совершенно ничтожно, по сравненію съ числомъ женщинъ, посвящающихъ себя этому занятію.

Теперь естественно возникаетъ вопросъ: есть-ли существенная разница между чаровницами и собственно вѣдьмами?

Чаровницы такъ-же, какъ и вѣдьмы, по своему происхожденію, дѣлятся на двѣ категоріи: одни урожденныя, другія научившіяся своему искуству отъ первыхъ. Прирожденная чаровница дѣлаетъ добро или зло людямъ, смотря по тому, подъ какой планетой она родилась. Наученая—та, которая, заключивъ союзъ съ чортомъ, обрекается дѣлать людямъ только зло. Такимъ образомъ, по своему происхожденію и дѣленію на категоріи, чаровницы почти не разняеся отъ вѣдьмъ. Но дѣятельность ихъ нѣсколько отлична. Чаровница разнымъ зѣльемъ и приговорами можетъ мѣшать во всѣхъ дѣлахъ человѣку, можетъ разстроить семейное счастье, заставить того или другого человѣка полюбить нелюбимую имъ особу, можетъ сдѣлать что-либо вредное для здоровья человѣка или причинить ему смерть, можетъ, на оборотъ, сдѣлать такъ, чтобы кому либо была во всемъ удача, можетъ обратить человѣка въ волка и т. п. Притомъ для чаровницы не обязательно дѣйствовать такъ или иначе; она дѣлаетъ, что ей хочется, или за что получитъ выгоды; она дѣйствуетъ, какъ наемница, изъ-за денегъ. Дѣятельность-же вѣдьмъ носитъ болѣе опредѣленный характеръ, заранѣе очерченный; дѣятельность вѣдьмъ можно сказать невольная, такъ какъ она заранѣе опредѣляется на весь годъ. Въ этомъ именно и заключается существенная разница между вѣдьмами и чаровницами. Впрочемъ, надобно сказать, что сфера дѣятельности вѣдьмъ то расширяется, то съуживается, смотря по мѣстности и по мѣрѣ того, какъ испа-

ряются въ народѣ суевѣрія. Тогда какъ въ иныхъ мѣстахъ южной Руси вѣдьмы умѣютъ дѣлать очень многое, въ другихъ за ними оставляется лишь умѣнье доить чужихъ коровъ, превращаться въ разные предметы и летать на Лысую гору. Уже одно это обстоятельство показываетъ, что въ теченіи времени происходили измѣненія въ области вѣрованій о дѣятельности вѣдьмъ.

Въ старину сфера знанія вѣдьмъ значительно была расширена противъ нынѣшняго. На это указываютъ самыя имена: вѣдунъ, или видьмакъ, видьмачъ, вѣдьма и вѣщица (въ сѣверныхъ губерніяхъ и у сербовъ) или вѣщая жонка (въ старину). Въ широкомъ понятіи *вѣдать* и *вѣщать* совмѣщались всѣ отправленія чародѣйства. О болѣе широкомъ значеніи слова *вѣдать* и слѣдовательно о тождествѣ вѣдовства съ чародѣйствомъ можетъ, на примѣръ, свидѣтельствовать слѣдующая формула присяги, по которой клялись служилые люди въ 1598 г. въ вѣрности избранному на царство Борису Годудову: „ни въ платьѣ, ни въ иномъ ни въ чемъ лиха никаково не учинити и не испортити, ни зелья лихово, ни коренья не давати и не велѣти давати... да и людей своихъ съ *вѣдовствомъ* не посылати и *вѣдуновъ* не добывати на государское лихо... и наслѣду всякимъ *вѣдовскимъ* мечтаньемъ не испортити и *вѣдовствомъ* по вѣтру никакого лиха не насилати.... а хто такое вѣдовское дѣло похочетъ мыслити или дѣлати... и того поимати [1])“. Очевидно, что здѣсь не полагается никакой разницы между чародѣйствомъ и вѣдовствомъ.

Изложенныя раньше вѣрованія относительно вѣдьмъ показываютъ, что въ представленіи народа вѣдьмы являются врагами мирныхъ людей: онѣ нарушаютъ ихъ покой, причиняютъ разстройство здоровья, ущербъ имуществу, иногда даже посягаютъ на жизнь людей и производятъ общественныя бѣдствія, каковы: моръ и голодъ. Для совершенія этихъ дѣяній, онѣ входятъ въ богопротивную связь съ чертями...

Признавая дѣятельность вѣдьмъ столь вредною для человѣческаго общества и, слѣдовательно, столь преступною, народъ издавна выискивалъ средства для того, чтобы узнавать виновницъ, предупреждать и пресѣкать ихъ преступныя дѣянія. Естественно, что въ

---

[1]) Исторія Карамзина, XI, пр. 5.

старину, когда народъ былъ грубѣе и когда его понятія не расходились съ понятіями высшихъ сословій и онъ принималъ большее участіе въ отправленіи правосудія, средства для испытанія вѣдьмъ и для ихъ наказанія были разнообразнѣе, гораздо реальнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ жесточе, нежели въ послѣдствіи.

Въ настоящее время для того, чтобы узнать, кто изъ женщинъ въ селѣ занимается вѣдіомствомъ, крестьяне оставляютъ на великопостныя заговѣны немного сыра отъ пирога и съ нимъ идутъ въ церковь въ день Пасхи. Кто это сдѣлаетъ, тотъ увидитъ всѣхъ вѣдьмъ стоящими въ церкви съ доенками на головѣ. Другіе съ цѣлью получить возможность увидѣть вѣдьмъ, портящихъ коровъ, подлазятъ подъ новую борону или подъ новыя ворота. Стараются также имѣть собаку первака, которая можетъ видѣть вѣдьму, когда та доитъ корову, и можетъ разорвать ее, если только вѣдьма не успѣетъ превратиться въ птицу и улетѣть.

Вообще считается крайне труднымъ дѣломъ поймать вѣдьму на мѣстѣ преступленія, такъ какъ она въ такихъ случаяхъ старается превратиться въ какое либо животное или вещь. Но инымъ удавалось, говорятъ, схватить то животное или тотъ предметъ, наприм. колесо, или иглу, или клубокъ съ нитками, въ которые превращались вѣдьмы; у пойманнаго животнаго отрубали когти, а колесо или клубокъ втыкали на колъ и вѣшали на воротахъ. За тѣмъ уже по утру находили посаженной на колъ женщину или-же оказывалось, что какая либо женщина на селѣ, неизвѣстно почему, вдругъ лишилась пальцевъ и т. п. Хорошимъ средствомъ поймать преступницу считается—взять изъ новыхъ, еще неношенныхъ штановъ очкуръ (гашникъ), освятить его вмѣстѣ съ пасхой, и съ нимъ караулить вѣдьму въ сараѣ. Какъ только вѣдьма придетъ, нужно ей набросить петлю на шею и держать крѣпко, не смотря на то, что она будетъ превращаться и въ собаку, и въ волка, и въ лягушку и т. п.

Если, не смотря на всѣ мѣры подобнаго рода, вѣдьма все таки производитъ пакости, въ такомъ случаѣ для ея открытія обращаются къ пособію знахаря, и тотъ уже указываетъ виновницу [1]).

---

[1]) Всѣ приведенныя выше свѣдѣнія о вѣдьмахъ можно найти въ сочиненіяхъ указанныхъ въ цитатѣ 1-й.

Съ женщинами, заподозрѣнными въ вѣдіомствѣ, потерпѣвшіе обыкновенно расправляются самолично, посредствомъ побоевъ. При этомъ, конечно, удостовѣряются, имѣетъ-ли подозрѣваемая необходимый признакъ—хвостъ. „Случалось, говоритъ Маркевичъ, поймать иную вѣдьму; коль скоро начиналась съ нею расправа, необходимая въ такихъ случаяхъ, оказывалось, что она не вѣдьма, а самозванка“ [1]).

Бывали примѣры того, что потерпѣвшіе обращались съ исками на вѣдьмъ въ волостные суды. Любопытный случай этого рода имѣлъ мѣсто въ старобѣльскомъ уѣздѣ, харьк. губ., въ 1864 году. Въ сл. Бѣлявкѣ, принадлежавшей помѣщику Штенгеру, въ волостное правленіе явился крестьянинъ той волости и занесъ жалобу, что сосѣдка его, будучи во враждѣ съ нимъ, испортила его корову, которая черезъ это и околѣла; съ тѣмъ вмѣстѣ добавилъ онъ, что сосѣдка его вѣдьма и что онъ проситъ правосудія волостнаго правленія. Жалоба крестьянина была выслушана волостнымъ старшиною и присутствовавшими съ нимъ въ правленіи стариками. Чтобы не впасть въ ошибочное рѣшеніе столь труднаго обстоятельства, старшина и все сборище, послѣ долгаго обсужденія дѣла, остановились на томъ заключеніи, что необходимы доказательства болѣе ясныя къ обличенію вины подозрѣваемой преступницы и для этого предложили жалующемуся крестьянину отыскать знахаря, который одинъ только можетъ обнаружить виновнаго. Въ знахаряхъ между крестьянами недостатка нѣтъ. На разстояніи четырехъ верстъ отъ сл. Бѣлявки, въ сл. Варваровкѣ, принадлежащей графинѣ Клейстъ-Леосъ, отысканъ былъ знахарь и привезенъ въ бѣлявское волостное правленіе. При сборищѣ народа, интересующагося всегда подобнаго рода событіями, знахарь спрошенъ былъ: кто извелъ корову крестьянина? Отвѣтъ знахаря подтвердилъ вполнѣ обвиненіе хозяина коровы и удостовѣрилъ, что сосѣдка его дѣйствительно вѣдьма. Послѣ этого не оставалось ни одного крестьянина, который-бы не увѣровалъ въ истину словъ знахаря, и несчастная женщина обвинена была и въ истребленіи коровы, и въ преступномъ занятіи чародѣйствомъ. Не выпуская ее изъ круга своего, крестьяне избили бѣд-

[1]) Обычаи, повѣрья и кухня малороссіянъ, стр. 83.

ную женщину, подвергли ее освидѣтельствованію, такъ какъ истинная вѣдьма должна имѣть хвостъ, и потомъ осудили уплатить сосѣду за погибшую корову. Бѣда тѣмъ не кончилась: семейству женщины не было съ тѣхъ поръ житья въ селеніи; ни ей, ни мужу, ни дѣтямъ не было проходу ни отъ стараго, ни отъ малаго. Едва кто изъ нихъ показывался на улицѣ, ихъ встрѣчали бранью, укорами въ колдовствѣ и провожали свистомъ. По отсутствію владѣльца изъ имѣнія, беззащитная семья терпѣла всѣ несправедливости такой кары и наконецъ рѣшилась отправиться съ жалобою къ мировому посреднику. Что было далѣе, какъ разобралъ это дѣло мировой посредникъ—не извѣстно [1]).

Въ прежнее время для женщинъ, заподозрѣнныхъ въ причиненіи засухи, подвергали испытанію водою. Водѣ народомъ приписывается, кромѣ плодородящей и цѣлебной силы, еще очистительная и вѣщая сила. Наприм. для предотвращенія зловредной способности умершихъ вѣдьмъ и колдуновъ отводить тучи и тѣмъ причинять засуху, вырываются ихъ трупы изъ земли и бросаются въ воду или-же водой поливаются ихъ могилы. Въ силу такого важнаго значенія воды, она употреблялась также для испытанія вѣдьмъ.

Легкій способъ испытанія вѣдьмъ водою состоялъ въ томъ, что подозрѣваемыхъ въ причиненіи засухи заставляли носить воду изъ рѣки или пруда черезъ поля и поливать ею фигуру, или крестъ, выставляемый обыкновенно близь села или на раздорожьи. Которая изъ женщинъ выносила это испытаніе, та избавлялась отъ подозрѣній въ вѣдіомствѣ [2]).

Болѣе труднымъ и вмѣстѣ самымъ ходячимъ способомъ испытанія водою считалось топленіе женщинъ въ водѣ, такъ какъ признавалось, что вѣдьмы не тонутъ въ водѣ, хотя-бы онѣ были связаны по рукамъ и ногамъ. Процессъ испытанія вѣдьмъ водою въ Малороссіи состоялъ въ томъ, что во время бездождія жители собирали всѣхъ женщинъ и приводили ихъ къ рѣкѣ или пруду. Приведенныхъ къ водѣ скручивали веревками, иногда даже навязывали имъ на шею камень, и бросали въ глубокое мѣсто; невинныхъ, которыя

---

[1]) Хар. Губ. Вѣд. 1864 г. № 52. (Прибавленіе: Харьковъ).

[2]) Труды стат.-этногр. экспедиціи Чубанскаго I, стр. 347.

тотчасъ-же начинали тонуть, вытягивали изъ воды съ помощью веревокъ, а тѣхъ, которые долго держались поверхъ воды, признавъ за вѣдьмъ, обрекали на смерть [1]).

Въ дѣлахъ судебныхъ учрежденій прошлаго столѣтія сохранились подробности испытанія вѣдьмъ водою. Въ 1709 году, во время засухи въ Подоліи, мелкопомѣстные владѣльцы села Подфилипья, для узнанія виновницъ бездождія, распорядились, чтобы всѣ крестьянки, въ видѣ перваго испытанія, носили ведрами воду изъ рѣки Збруча черезъ поля и поливали сю крестъ, стоявшій у дороги на значительномъ разстояніи отъ рѣки. Но такъ какъ всѣ крестьянки исполнили это приказаніе и тѣмъ сняли съ себя подозрѣніе, то владѣльцы должны были искать виновницъ между дворянками. При этомъ одинъ изъ владѣльцевъ указалъ на дворянку, которую слѣдовало-бы подвергнуть испытанію. Этой женщинѣ онъ былъ долженъ значительную сумму денегъ, отъ уплаты которыхъ уклонялся въ теченіи двухъ лѣтъ; поэтому въ его интересѣ было содѣйствовать ея обвиненію, или по крайней мѣрѣ опозорить ее. Съ общаго совѣта устроили на берегу рѣки Збруча нужныя приспособленія; созвали въ это мѣсто всѣхъ жителей села и пригласили упомянутую дворянку. Когда она явилась, то крестьяне, по приказанію ея должника, бросились на нее, раздѣли до нага, связали особеннымъ образомъ, установленнымъ для подобнаго рода испытаній: большой палецъ правой руки привязывали къ большому пальцу лѣвой ноги и то-же дѣлалось на-крестъ. За тѣмъ между связанными членами продѣта была веревка и несчастную принялись на блокахъ опускать въ воду и подымать вверхъ. Такъ какъ при этомъ она тонула, то признана была общимъ собраніемъ невинною [2]).

Вотъ другой случай подобнаго-же испытанія. Въ маѣ 1711 г. на Волыни была сильная суша, вслѣдствіе отсутствія дождя. Виновницами, конечно, считали женщинъ. Управляющій имѣніями одного князя приказалъ испытать, по древнему обычаю, посредствомъ воды женщинъ—кто изъ нихъ будетъ плавать. По испытаніи оказалось десять бабъ села Погорилець такихъ, которыя не тонули. Ихъ, разумѣется, признали виновными и вслѣдствіе этого предста-

---

[1]) Lud ukrain. II, 83.

[2]) Тамъ-же, стр. 347.

вили въ дубнинскій магистратъ, для заключенія въ тюрьму, до рѣшенія дѣла. Магистратъ, однако, отпустилъ ихъ домой, за поручительствомъ мужей, съ тѣмъ, чтобы онѣ были представлены въ судъ, по первому требованію судебныхъ властей [1]).

Обычай испытанія вѣдьмъ водою сохранялся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Гуцулы, карпатскіе горцы, топили вѣдьмъ въ 1827 году. Въ извѣстномъ разсказѣ Квитки „Конотопська відьма“ передаются подробности испытанія вѣдьмъ водою. По поводу своего разсказа, Квитка писалъ въ 1839 году Плетневу, что разсказъ его основанъ на преданіяхъ старожиловъ и что топленіе вѣдьмъ при засухѣ не только дѣло бывалое, со всѣми горестными послѣдствіями, но къ удивленію и даже ужасу возобновленное помѣщицею сосѣдней губерніи [2]).

У полѣщуковъ, кажется, до сихъ поръ существуетъ обычай испытывать вѣдьмъ водою во время бездождія. Но крайней мѣрѣ попытка въ этомъ родѣ была сдѣлана въ семидесятыхъ годахъ. Въ № 46 „Недѣли“ за 1875 годъ помѣщена длинная корреспонденція Г. М. подъ заглавіемъ: „Вѣдьмы“ (письмо изъ жизни Полѣсья). Авторъ корреспонденціи пишетъ, что полѣщуки „ищутъ вѣдьмъ водою: вяжутъ и бросаютъ въ воду; которая поплыветъ, та и есть вѣдьма“. Далѣе авторъ разсказываетъ, какъ крестьяне одного села, по совѣту стариковъ и старосты, задумали испытывать вѣдьмъ водою и просили помѣщика, чтобы онъ позволилъ покупать бабъ въ его прудѣ. Дѣло остановилось только вслѣдствіе того, что помѣщикъ не далъ пруда для этой надобности. Тогда крестьяне порѣшили осмотрѣть женщинъ черезъ повивальную бабку, думая, что у которой окажется хвостъ, та и есть вѣдьма. Староста и сотскіе приказали мужьямъ гнать бабъ въ корчму, и мужья волей-неволей исполнили это. Ревизовала повитуха по очереди и, выпуская на улицу, кричала стоявшему караулу (староста съ сотскимъ): „пустить, не відьма!“ Оказалось три вѣдьмы. Ихъ посадили подъ арестъ и написали донесеніе становому. Письмоводитель станового напугалъ толпу, увѣривъ, что по закону вѣдьмъ нужно жечь. Дѣло окончилось взяткой съ мужиковъ.

---

[1]) Lud ukrain.

[2]) Украинская старина Даниловскаго, стр. 253.

Многоуважаемый авторъ изслѣдованія о колдовствѣ въ юго-западной Руси, помѣщеннаго въ 1-мъ томѣ Трудовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ юго-западный край, считаетъ, что предразсудокъ, приписывающій продолжительныя засухи вліянію вѣдьмъ или, по крайней мѣрѣ, самый способъ разыскиванья виновницъ посредствомъ такъ называемаго плаванія вѣдьмъ, были происхожденія не мѣстнаго, а заимствованы съ запада. Въ подтвержденіе имъ приводится то обстоятельство, что въ одновременныхъ французскихъ и нѣмецкихъ процессахъ можно найти то-же вѣрованіе, съ тѣмъ-же ритуаломъ разслѣдованія, совпадающимъ съ нашими процессами въ мельчайшихъ подробностяхъ. Кромѣ того доказательствомъ заимствованій упомянутаго обычая съ запада, по мнѣнію автора, можетъ служить и то еще обстоятельство, что въ процессахъ иниціатива плаванія принадлежитъ лицамъ дворянскаго сословія, а не народу [1]). Приведеннаго мнѣнія, мнѣ кажется, нельзя раздѣлять съ авторомъ по слѣдующимъ причинамъ. Вѣрованіе, приписывающее бездождіе вѣдьмамъ и испытаніе вѣдьмъ водою извѣстно не только нѣмцамъ и французамъ, но и южнымъ славянамъ, наприм. сербамъ, также грузинамъ и другимъ народамъ. Даже индусы вѣрили, что колдуньи не тонутъ въ водѣ, если ихъ опустить въ нее [2]).

Не можемъ не привести здѣсь интересныхъ свѣдѣній объ обычаѣ испытанія водою „вѣщицъ“, какъ онъ практиковался до позднѣйшаго времени въ Герцоговинѣ, Черногоріи и Бокѣ Которской. Эти свѣдѣнія записаны разными лицами отъ старожиловъ изъ народа и помѣщены г. Богишичемъ въ его сборникѣ: Pravni običaji u južnich Slovena, изданномъ въ 1874 г. въ Загребѣ [3]). Въ Герцоговинѣ и Черногоріи вѣщицамъ приписывали падежъ скота, внезапную смерть молодыхъ людей и дѣтскую эпидемію. Съ цѣлью узнать виновницъ падежа, или мора, и за тѣмъ казнить ихъ, собирались со всего села мужчины, способные носить оружіе, и старѣйшина сельскій обращался къ нимъ обыкновенно съ такой рѣчью:

---

[1]) Упомян. изданіе стр. 347.

[2]) Поэтич. воззр. славянъ на природу III, 511—512 и Lud ukrain. II, 83.

[3]) Стр. 561, 640.

„вы знаете, братцы, что гибнетъ наше потомство отъ бездушнаго и гнуснаго бабья, поэтому утромъ рано пускай всякій свою жену и мать, такъ-же, какъ и я свою, приведетъ къ водѣ (на прудъ, на рѣку или на озеро), будемъ ихъ бросать въ воду, чтобы узнать, кто виновная, и побьемъ ее камнями, или пусть поклянутся, что больше не будутъ причинять зла. Согласны-ли на это?“—Всѣ единогласно соглашаются. На другой день всякій приводитъ свою, связываетъ ее подъ мышками канатомъ, и въ такомъ видѣ бросаетъ въ воду, и то-же продѣлываетъ каждый по очереди надъ своей. Которая тонетъ, ту быстро вытягиваютъ канатомъ изъ воды, и она не вѣдьма, а та, которая не тонетъ, а барахтается поверхъ воды, та признается за вѣдьму. Это производилось въ Кривошіи, въ которскомъ округѣ. И въ Герцоговинѣ извѣстенъ тотъ-же обычай. Въ 1857 году въ г. Требиньѣ турки принудили христіанъ, чтобы тѣ бросали своихъ женъ въ рѣку Требишницу, которая течетъ близъ города. Нѣкоторыя изъ брошенныхъ въ рѣку тонули, а семь остались поверхъ воды. Это случилось вслѣдствіе того, что онѣ имѣли на себѣ много платья и случайно пали въ воду перпендикулярно, держась на водѣ посредствомъ рубахъ и верхняго платья; турки настаивали на томъ, чтобы всѣ семь были побиты камнями, и едва христіане ихъ умолили, подъ условіемъ призвать изъ монастыря Дужи игумена Евстафія Дучича, съ тѣмъ, чтобы онъ исповѣдалъ ихъ, а онѣ поклянутся подъ эпитрахилемъ, что болѣе не будутъ заниматься чародѣйствомъ. Въ Герцоговинѣ, Черной Горѣ и Бокѣ которской власти воспрещаютъ этотъ обычай, но, говорятъ, онъ повторяется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тайно. Въ Черногоріи два племени даже поссорились между собою изъ-за одной вѣщицы. Объ этой вѣщицѣ говорили, что она извела юношу другого племени, и его соплеменники хотѣли начать месть на томъ племени, къ которому принадлежала чародѣйка.

Очевидно, что подобное широкое распространеніе обычая топить вѣдьмъ не могло-бы имѣть мѣста, если-бы это былъ чужеземный, а не народный обычай.

Что на Руси обычай испытанія вѣдьмъ водою существовалъ издревле, это прямо доказывается слѣдующимъ мѣстомъ обличенія Серапіона, епископа владимірскаго, жившаго въ XIII-мъ столѣтіи: „се нынѣ по три лѣта житу рода нѣсть—не токмо въ Руси, но и

въ Латынѣ: се вълхове-ли створиша? аще не Богъ-ли строитъ свою тварь, яко-же хощетъ, за грѣхъ насъ томя?.. Молю вы: отступите дѣлъ погапьскихъ. Аще хощете градъ оцѣстити отъ безаконныхъ человѣкъ, радуюся тому; оцѣщайте, яко Давидъ—пророкъ... Правила божественныя повелѣваютъ многыми послухи осудити на смерть человѣка; вы-же воду послухомъ поставите и глаголите: аще утопати начнетъ—неповинна есть, аще-ли попловетъ—волховъ (вѣдьма) есть. Не можетъ-ли дьяволъ, видя ваше маловѣрье, подержати, да не погрузится, дабы вѣрещи въ душьгубство“ [1]).

Женщинъ, обвиняемыхъ въ причиненіи засухи и голода, мора и другихъ подобныхъ общественныхъ бѣдствій, обрекали на смерть, и сжигали или топили ихъ или-же закапывали живыми въ землю. Укажемъ нѣсколько случаевъ этого рода наказаній въ южной Руси.

Въ 1720 году въ мѣстечкѣ Красиловѣ, въ южной части Волыни, крестьянами была закопана въ землю по плечи и за тѣмъ сожжена 120-ти лѣтняя старуха, которая была заподозрѣна въ причиненіи свирѣпствовавшей тогда моровой язвы. На нее, какъ на виновницу мора, указалъ знахарь, или ворожбитъ, къ помощи котораго обращалась громада. Мы не будемъ останавливаться на этомъ случаѣ, обстоятельно переданномъ въ указанной выше статьѣ о колдовствѣ въ юго-западной Руси [2]). Но войдемъ въ подробности относительно происшествія подобнаго-же рода, случившагося въ 1711 году въ м. Олишевкѣ (нынѣ въ козелецкомъ уѣздѣ черниговской губерніи).

Въ 1710 г. Украйну посѣтили два тяжелыя бѣдствія—моръ и саранча. Моровая язва была до того сильна, что въ одномъ черниговскомъ полку поглотила 11,000 душъ обоего пола. Она продолжалась въ 1711 и даже въ 1712 г. Саранча также налетала дважды и до корня съѣдала посѣвы и травы. Уныніе господствовало такое, что народъ думалъ, будто пришла кончина міра. Въ м. Олишевкѣ, подъ вліяніемъ моровой язвы, народъ пришелъ въ большое смятеніе, или, говоря словами одного документа, „бунтовщики взбунтовались: многихъ женъ, признавая ихъ, яко за видіомство, пожгли“. Погибли отъ огня не только простыя козачки и

---

[1]) Поэтич. воззрѣнія славянъ на природу III, 510.

[2]) Тамъ же, стр. 393.

жены посполитыхъ, но также мать бунчуковаго товарища Михайла Быховца и бабка пановъ Тетранскихъ и Ошовскаго. Подъ Олишевкой, на томъ мѣстѣ, гдѣ погибли несчастныя, Быховецъ съ тѣми обывателями, которыхъ матери и жены были сожжены, устроили каплицу, а потомъ, когда каплица пришла въ ветхость, панъ Ошовскій въ 1728 году поставилъ крестъ [1]). Оставшіеся въ живыхъ виновники погибели женщинъ одни были казнены, другіе жестоко наказаны тѣлесно, третьи много лѣтъ страдали въ тюрьмѣ. Этимъ происшествіемъ воспользовался бунчуковый товарищъ Быховецъ и эксплуатировалъ ею въ свою пользу. Онъ старался втянуть въ дѣло и подвести подъ отвѣтственность какъ можно большее число лицъ, въ томъ числѣ и олишевскаго сотника Шрамченка. Розыски были возбуждаемы имъ до 1717 г., когда жители олишевскіе, выведенные изъ терпѣнія дѣйствіями Быховца, обратились къ гетману съ жалобой на него и получили оборонный универсалъ.

Приводимъ три документа, относящіеся къ указанному событію.

1.

Въ рѣшеніи нѣжинскаго полковаго суда по жалобамъ олишевскихъ обывателей на своего сотника Данила Шрамченка находится такой пунктъ:

Семенъ Довгій ускаржился на пана сотника, что онъ шурина его безъ жадной причини до туремного вязеня далъ, зъ котораго, боячися страху, утѣкъ, и панъ сотникъ завладѣлъ на полъчварти, недѣли поля и гаемъ еднимъ владѣетъ. Отвѣтовалъ панъ сотникъ: за тое я его до вязеня далъ, по указу ясневелможного добродѣя, его милости, пана гетмана, что онъ приводцею самимъ былъ, подъ часъ моровой язви, невѣсти въ Олишевци палити; и скоро онъ долотомъ видобся съ турми и мене власне за самого его турбовано отъ Быховця, при якой турбаціи талярей болше ста утратилемъ, и я за свою утрату держу кгрунта, нѣмъ тотъ злочинця до свого дому прибудетъ, або кревніе его утрату вернутъ. Теды мы (т. е. члены суда) по такихъ его пана сотника словахъ, а по свѣдителству людскому, позволили пану сотнику до слушного часу тими кгрунтами владѣти.

---

[1]) Филаретъ. Историко-стат. описаніе черниг. епархіи V, 271.

2.

Протестъ сотника Шрамченка противъ дѣйстій бунчуковаго товарища Быховца.

Року тысяча семсотъ семнадцатого, мѣсяца августа пятого дня. Заносилъ протестъ панъ сотникъ на пана Биховца въ той мѣрѣ: же панъ Биховецъ посылалъ до туремниковъ брата своего Александра информовати, абы всѣ туремники на пана сотника мовили, что онъ ихъ посилалъ збѣрати до печеня женщинъ. На що тыхъ-же ставилъ туремниковъ и доводилъ очне посвѣдченыхъ.

Першій Грицко Стеценко зозналъ, что былъ, мовитъ, у насъ вчора вечеромъ Александръ и мовилъ такъ: мовте всѣ въ едно слово на пана сотника, що онъ васъ посилалъ, а будете волни.

Другій Саливонъ зозналъ, же мовилъ имъ Александеръ: кажите всѣ на пана сотника, коли хочете быть волни. Туремники тоды отказали: скажемъ тое, що знаемъ.

Миколай Шкода такъ посвѣдчилъ: якъ Усика випущено, „Усика, мовилъ Александръ, випущено, що правду сказалъ; за чимъ и ви, туремники, коли хочете быти волны, кажить правду.“

Демко Безрученко зозналъ о себѣ: я, мовитъ, не чулемъ отъ самого Александра, але мнѣ туремники мовили, що Александеръ казалъ правду мовити и на сотника въ одно слово говорити.

Телешко визналъ: былъ, мовитъ, вчора вечеромъ Александръ у насъ, и казалъ нѣкого не жаловати, але правду мовити и, пана сотника не боячися, вызнавать истину.

Якій протестъ просилъ панъ сотникъ на папѣрѣ рукоподписномъ себѣ видати. Прето мы потребуючому видаемъ. Данъ въ Олишевцѣ року, мѣсяца и дня написаного.

Андрей Василіевичъ, судя полку прилуцкого. Феодоръ Чуйкевичъ.

3.

Оборонный универсалъ гетмана Скоропадскаго.

Великого государя нашого, его царского пресвѣтлаго величества войскъ запорожскихъ обоихъ сторонъ Днѣпра гетманъ Іоаннъ Скоропадскій. Пану полковникови нѣжинскому, зъ панами старшиною его полковою, и всѣмъ, кому-бы колвекъ о томъ вѣдати надлежало, симъ нашимъ ознаймуемъ универсалнимъ писаніемъ: иж

суплѣковали до насъ товариство и посполитіи люде сотнѣ олишевской, жалостне прекладаючи, что Биховецъ за умордоване матки своей, которую еще подъ часъ морового повѣтря нѣкоторіи легкомисліники спалили, чрезъ осмь лѣтъ уже, съ провожанемъ разныхъ инквизиторовъ, не меншую мѣсту ихъ чинитъ тяжесть, тако-жъ и обыватели чрезъ тое до знатного приходятъ знищеня; и любо розискомъ показалося на многихъ, же до того спаленя Биховцевой матки были поводомъ, зъ которихъ едни на субстанціи, другіи на здоровю скарани, а третіи до сихъ часъ въ вязеню держатся. Однакъ онъ тимъ не контентуючися, що разъ инихъ затягаетъ висланныхъ, которіи уже мѣсту на килка сотъ золотихъ учинили коштy, и опрочъ того еще и за зрубъ лѣсовъ своихъ, подъ часъ руинѣ шведской пустошенныхъ, онъ-же Биховецъ на жителяхъ олишевскихъ, доходячи шкоди, многихъ грабитъ, забѣраетъ и вязенемъ трапитъ. Надто тихъ, на которихъ довелося, же до умордованя матки его-жъ Биховця были причиною, онъ Биховецъ, упевняючи уволненемъ, если на пана сотника тамошнего и другихъ невинныхъ таковій-же наведутъ порокъ, наущаетъ онихъ. Зачимъ помянутіи товариство и посполитіи просили насъ о видане оборонного унѣверсалу, ижъ бы впредъ они отъ таковой Биховцовой были волни напасти. Пре то мы прошенію ихъ давши у себе мѣстце, а хотячи пречонимъ олишевскимъ обывателемъ не допустить далей чинити долегливостей, яко велѣлисмо сей нашъ зъ канцеляріи войсковой видати унѣверсалъ, такъ повагою оного пилно варуемъ, абы одъ сего времени Биховецъ, не затѣваючи олишевцямъ, затяганемъ висланныхъ на розисковане о спаленю матки своей (що уже многократними инквизиціями было вивожено, и которіи показались винними, едни скарани, а протчіи доселѣ чрезъ тіи всѣ года отъ моровой язви вязенемъ притиснени обрѣтаются) жадной трудности, такожъ за зрубъ лѣсовъ его, поневажъ онъ при противной сторонѣ тогда найдовался[1])... жадного-бы имъ Олишевскимъ обивателемъ не чинилъ напаствованія и другимъ до поисканя на невинныхъ самоволного поступку не давалъ поводу, такожъ бы въ сотенныи порядки не важился интересовати. Що все, абы поддугъ сего указу нашего и

[1]) Здѣсь въ подлинникѣ строка вырвана.

виразной волѣ было содержано, мѣти хочемъ и рейментарско приказуемъ. Данъ въ Глуховѣ января 22, року 1718.

Вышменованный гетманъ рукою власною [1]).

Народное вѣрованіе, что для прекращенія моровой язвы необходимо отыскать виновницу ея распространенія и сжечь или закопать живою въ землю, современемъ перешло въ другое вѣрованіе, по которому для уничтоженія мора самовѣрнѣйшее средство похоронить живою вообще какую-либо старуху. Такое повѣрье до сихъ поръ не вывелось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Въ 1855 году оно даже было осуществлено жителями д. Окоповичъ, новогрудскаго уѣзда, во время свирѣпствовавшей тогда холеры. Когда двое крестьянъ упомянутой деревни везли хоронить своихъ только что умершихъ дѣтей, то къ печальной процессіи по дорогѣ присоединилось еще нѣсколько человѣкъ крестьянъ и между прочими сотскій и старуха крестьянка Манькова. Манькову уговорили идти на похороны сотскій и нѣкоторые изъ крестьянъ. Они задались цѣлью вмѣстѣ съ умершими дѣтьми похоронить и ее, такъ какъ были увѣрены, что самый вѣрный способъ прогнать холеру состоитъ въ томъ, чтобы закопать въ землю живую старуху, и что это средство уже испытанное. Манькову дѣйствительно похоронили вмѣстѣ съ дѣтьми. Но холера не прекратилась и похитила всѣхъ участниковъ преступленія, за исключеніемъ одного крестьянина Козакевича, на котораго и обрушилось наказаніе. Козакевичъ, по рѣшенію минской уголовной палаты, былъ признанъ виновнымъ въ убійствѣ съ обдуманнымъ заранѣе намѣреніемъ и былъ приговоренъ къ наказанію плетьми и ссылкѣ въ каторжныя работы въ рудникахъ на 12 лѣтъ [2]).

Остановившись такъ долго надъ судомъ народа надъ вѣдьмами, нельзя не коснуться, хотя нѣсколько, и вопроса о томъ, какъ относились къ чародѣйству и къ вѣдьмамъ законодательство и оффиціальные суды въ Польшѣ и въ московскомъ государствѣ, въ

---

[1]) Приведенные документы получены мною въ Черниговѣ отъ г-жи Борсукъ, урожденной Шрамченко, изъ Олишевки. У С. Д. Носа есть болѣе интересный документъ о вѣдьмахъ; желательно, чтобы онъ подѣлился имъ съ читателями «Кіевской Старины».

[2]) Отеч. Записки 1869 г. № 5. По поводу русскихъ уголовныхъ процессовъ.

составъ которыхъ входила въ разное время Малороссія. По словамъ Мацѣевскаго, въ Польшѣ юристы постоянно настаивали на томъ, что мѣстные законы не предъусмотрѣли ни чаръ, ни мѣръ противъ нихъ, и не хотѣли раздѣлять подобныхъ предразсудковъ; но духовенство, возставая противъ такого невѣрія въ чародѣйство, ссылалось на уставъ 1543 года, по которому король Сигизмундъ 1-й предоставилъ церкви право суда и наказанія за чары. Голосъ духовенства бралъ верхъ. Старыхъ женщинъ, взглядъ которыхъ причинялъ сглазъ или которыя имѣли опухшія и налитыя кровью глаза, испытывали водой или сожигали на кострахъ. Это продолжалось до 1776 года, когда сеймъ постановилъ, чтобы не употреблять пытокъ и не карать за чары. Однако и послѣ этого случались казни [1]).

Дѣйствительно случаи казней вѣдьдмъ повторялись довольно часто въ польскихъ провинціяхъ, въ особенности по приговорамъ помѣщиковъ и ихъ управляющихъ. Отъ половины прошлаго столѣтія сохранилось интересное донесеніе управляющаго графа Тышкевича изъ Литвы, въ которомъ онъ сообщалъ владѣльцу, что онъ, съ его позволенія, сжегъ шесть чаровницъ, изъ которыхъ три сознались, а остальныя нѣтъ. Не смотря на такую расправу, господская рожь оказалась въ двухъ мѣстахъ заломана. „Я собираю теперь, продолжаетъ онъ, съ десяти костеловъ св. воду и буду на ней варить кисель; говорятъ, непремѣнно всѣ колдуньи прибѣгутъ просить киселя; тогда еще будетъ мнѣ работа. Вотъ и г. Энернети, по нашему примѣру, сжегъ женщину и мужчину... этотъ несчастный ни въ чемъ не сознался, за то женщина сознавалась во всемъ и съ великимъ отчаяніемъ пошла на тотъ свѣтъ [2])".

Оффиціальные суды въ Польшѣ также приговаривали вѣдьмъ къ казнямъ, и такого рода казни тамъ продолжались долѣе, нежели гдѣ либо въ иномъ мѣстѣ. Такъ въ окрестности Познани, по приговору магистратскаго суда, сожжена была женщина, заподозрѣнная въ колдовствѣ, въ 1793 году, въ то уже время, ко прусская коммиссія находилась въ Познани и принимала во вла-

---

[1]) Historia prawod. słowiańs. V, 697.

[2]) Поэтич. воззр. славянъ на природу, III, 512.

дѣніе эту область [1]). Основаніемъ для подобнаго рода приговоровъ могли служить иностранные кодексы магдебургскаго права, дѣйствовавшіе въ Польшѣ. Тоже самое должно было имѣть мѣсто и на Украйнѣ, гдѣ хотя Литовскій Статутъ не допускалъ такихъ казней, но за то Право хелмское, Зерцало саксонское и Порядокъ требовали сожженія волшебниковъ [2]). Въ московскомъ государствѣ, по словамъ Котошихина, чародѣевъ предавали смерти чрезъ сожженіе или отрубливаніе головы [3]). Даже въ Воинскомъ Уставѣ, законодательномъ памятникѣ Петра 1-го, за чародѣйство назначается сожженіе.

При сравненіи порядка судопроизводства по дѣламъ о чародѣйствѣ на судѣ народномъ съ порядками оффиціальныхъ судовъ самъ собою является вопросъ о томъ, гдѣ больше было гарантіи для личности подсудимаго. При народномъ судѣ, какъ мы видѣли, было крайне трудно оправдаться обвиняемому, такъ какъ для доказательства его виновности прибѣгали къ помощи такихъ экспертовъ, какъ знахари изъ крестьянъ же, или къ такимъ уликамъ, какъ испытаніе водою, или какъ значительное развитіе копчиковой кости и т. п.

Судъ оффиціальный въ бо́льшинствѣ случаевъ, конечно, пренебрегалъ этими средствами и разбиралъ дѣла при помощи опроса свидѣтелей. Но за то такой судъ для полученія доказательства виновности прибѣгалъ весьма часто къ пыткамъ [4]). А, какъ извѣстно, при пыткахъ многіе, не вытерпя мученій, нерѣдко сознавались въ томъ, чего никогда не бывало. Нельзя не привести интереснаго въ этомъ отношеніи примѣра, имѣвшаго мѣсто въ Малороссіи.

Въ 1714 году Татищеву (историку) пришлось быть въ Лубнахъ у фельдмаршала гр. Шереметева: здѣсь онъ узналъ, что одна женщина была осуждена на смерть за чародѣйство; она показывала

---

[1]) Труды экспед. въ юго-зап. край, I, п. 325.

[2]) Права, по которымъ судится малор. народъ. Кистяковскаго, стр. 16.

[3]) Его Записки, издан. 2-е, стр. 96.

[4]) Въ Дневныхъ Запискахъ подскарбія генеральнаго Марковича подъ 30 октября 1734 года отмѣчено: «Бабъ, старую и шинкарку, по дѣлу полковницы Танской, за чарованіе во вредъ яко-бы генерала де Вейзбаха, а въ пользу за арестомъ сидящаго полковника Танскаго, въ судѣ генеральномъ пекли (п. 1-й, стр. 434).

о себѣ, что превращалась въ сороку и дымъ, повинившись въ томъ съ пытки. Татищевъ, не раздѣлявшій общихъ тогда предразсудковъ, увѣрялъ, что это неправда и что женщина взводитъ на себя напраслину, но фельдмаршалъ нисколько этому не внималъ. Только послѣ долгихъ увѣщаній, старуха призналась, что наговорила на себя, не стерпя мучительной пытки, и что, кромѣ лѣчебныхъ травъ, она ничего не знаетъ. Благодаря этому случайному обстоятельству, казнь была отмѣнена и несчастную лишь сослали въ монастырь на покаяніе [1]).

При правильно дѣйствующемъ судѣ все таки легче было освободиться отъ такихъ обвиненій, которые дѣлались изъ какихъ-либо личныхъ видовъ, изъ мести и т. п., такъ какъ установленный судъ долженъ былъ допрашивать свидѣтелей, тогда какъ народный судъ въ нихъ не нуждался, хотя, разумѣется, въ исключительныхъ случаяхъ, и организованный судъ могъ поступить неправильно, поддаваясь указаніямъ или свидѣтельству лицъ, которыя преслѣдовали лишь свои личныя цѣли. Вотъ примѣры того и другаго рода рѣшеній.

Въ 1666 году на урядѣ мѣскомъ стародубовскомъ разбиралось дѣло такого рода. Мельникъ с. Мышковцовъ Василій Михновскій обвинялъ Орину, жену обывателя Андрея, въ томъ, что она „зъ своего знахарства жито заламовала“ и называлъ ее вѣдьмою, въ чемъ и ссылался на свидѣтелей, между прочимъ на Павла Пацука, который будто-бы засталъ ее при заломѣ. Свидѣтель Хведко показалъ, что онъ слышалъ, будто-бы обвиняемая заламливала жито, что видѣлъ Павло Пацукъ; впрочемъ объ этомъ онъ слышалъ отъ разныхъ людей, а не отъ самаго Пацука. На судѣ Пацукъ отрицалъ то обстоятельство, что онъ засталъ при заломѣ Орину. Спрошенные по этому дѣлу всѣмъ селомъ *мужеве* мышковскіе дали показаніе, „же по той невѣстѣ, жонѣ Андреевой Оринѣ, нѣчегосмо не видѣли, жадныхъ злыхъ учинковъ, и не чулысмо не отъ кого, жебы она мѣла жито заламовати, албо што инше якіе злые учинки починать“. Тогда и Василій Михновскій признался, что онъ „по сердцу (по насердкѣ) мовилъ объ оное вѣдіомство и заламованье

[1]) Исторія Россіи, I, 110.

жита, изъ людской то молвы оные слова мовилемъ". Судъ, по просьбѣ обвиняемой, приговорилъ мельника къ заключенію въ тюрьму за клевету; но она простила его, „за упрошенемъ людскимъ, будучи милосердемъ знята" [1]). Противуположный фактъ передается въ одномъ изъ разсказовъ В. Даля. По увѣренію этого писателя, на Украйнѣ ходило преданіе, основанное на судебномъ актѣ, какъ одна злая и пьяная баба, поссорясь съ своею сосѣдкою, обвинила ее въ скрадываніи росы; обвиненную объявили вѣдьмою и предали сожженію [2]).

Прежде нежели переходить къ разсмотрѣнію того, какъ наказывали у насъ вѣдьмъ за болѣе легкія преступленія, считаю необходимымъ сказать еще нѣсколько о той роли, какую играли женщины по отношенію къ мужчинамъ въ судебныхъ процессахъ и передъ народнымъ судомъ.

Въ отдаленную старину и даже въ прошломъ столѣтіи обвиненія въ вѣдовствѣ всегда почти падали на женщинъ, мужчины крайне рѣдко подозрѣвались въ этомъ; напротивъ того мужчины изстари играли роль обличителей, судей и палачей. Къ тѣмъ примѣрамъ, которые приведены уже ранѣе изъ жизни южной Руси XVII и XVIII-го столѣтій, сдѣлаемъ еще нѣсколько указаній изъ сѣверно-русской исторіи, относящихся къ болѣе древнему періоду. Въ 1411 году, во время свирѣпствованія моровой язвы въ Псковѣ, погибло 12 женщинъ и ни одного мужчины: псковичи, какъ сказано въ лѣтописи, „сожгоша 12 вѣщія жонкѣ". Раньше этого четырьмя столѣтіями, именно въ 1024 году, въ суздальской землѣ волхви избивали старую чадь (т. е. старухъ), по дьяволю наученью и бѣсованью, обвиняя ее въ причиненіи неурожая. Въ 1071 году во время голода въ ростовской области два волхва изъ Ярославля явились открывателями и обвинителями виновниковъ неурожая. Придя въ какой либо погостъ, они называли лучшихъ женъ, т. е. болѣе зажиточныхъ женщинъ, и утверждали, что однѣ изъ нихъ задерживаютъ жито, другія медъ, третьи рыбу или кожи. Жители приводили къ нимъ своихъ сестеръ, матерей и женъ: волхви-же,

[1]) Филаретъ. Историко-стат. опис. черниговск. епархіи VI. 69.

[2]) Поэтич. воззр. слав. на природу. III.

прорѣзавши у нихъ за плечами кожу, вынимали оттуда жито, рыбу и т. п. и затѣмъ убивали несчастныхъ, присваивая себѣ ихъ имущество. Въ параллель съ указанными фокусами древнихъ волхвовъ можно поставить существующіе до сихъ поръ въ архангельской губерніи пріемы знахарей при лѣченіи болѣзни стрѣлъ, или стрѣлья (летучій ревматизмъ). Призванный для излѣченія стрѣлья, знахарь утверждаетъ, что болѣзнь происходитъ отъ накопленія за кожей больного битого стекла, перья и другихъ предметовъ, и въ удостовѣреніе показываетъ окружающимъ эти предметы, будто-бы вынутые имъ изъ-подъ кожи больного.

Разсуждая, по поводу указанныхъ выше событій, о причинахъ чародѣяній, лѣтописецъ приписываетъ чары дѣйствію дьявольской силы и замѣчаетъ, что „паче-же женами бѣсовская волшвенія бываютъ, искони бо бѣсъ жену прелсти, сиже мужа; тако вѣси роди волхвуютъ жены чародѣйствомъ, и отравою, и иными бѣсовскими козньми. Но и мужи прелщени бываютъ отъ бѣсовъ невѣрніи“ [1]). Однако изъ лѣтописей извѣстенъ только одинъ случай преданія смерти мужчинъ за колдовство, именно въ 1227 г. въ Новгородѣ.

Мы не беремся разъяснять истинныхъ причинъ того явленія, что женщины по преимуществу прибѣгали къ чародѣйству. Это вопросъ такой, разрѣшеніе котораго обыкновенно берутъ на себя общія изслѣдованія о колдовствѣ. Мы лишь отмѣтимъ фактъ, что и въ болѣе позднее время вѣдёмству посвящали себя главнымъ образомъ женщины. Изъ актовъ о колдовствѣ, относящихся къ прошлому столѣтію и напечатанныхъ въ упомянутой выше статьѣ о колдовствѣ въ юго-западномъ краѣ, видно, что въ прошломъ столѣтіи изъ шестидесяти процессовъ, отмѣченныхъ въ актахъ, въ 36 случахъ подозрѣвались и обвинялись въ чародѣйствѣ одни женщины и лишь въ 5 случаяхъ одни мужчины; въ остальныхъ 19 случаяхъ мужчины обвинялись въ томъ, что они производили чары чрезъ посредство женщинъ-чаровницъ. Такимъ образомъ, послѣдняго рода случаи показываютъ, что мужчина при всемъ желаніи своемъ околдовать кого-нибудь, не можетъ этого сдѣлать, за незнаніемъ искусства колдовать, а долженъ прибѣгать къ женщинѣ, которой это занятіе является такъ сказать спеціальнымъ, присущимъ.

---

[1]) Лѣтоп. Нестора по Лаврент. списку, изд. 1864 г.

Мы до сихъ поръ постоянно упоминали о смертной казни за чародѣйство. Но пусть не думаетъ читатель, что она служила у насъ единственнымъ наказаніемъ за этого рода преступленія. Напротивъ, какъ въ правильно организованномъ судѣ, такъ и у народа, были въ употребленіи и другія, болѣе легкія степени наказаній. Послѣднія даже далеко преобладали надъ первыми. Въ большинствѣ случаевъ въ южной Россіи суды за колдовство приговаривали къ относительно мягкимъ взысканіямъ, наприм. къ наказанію батогами, денежнымъ штрафамъ, къ примиренію съ истцами, или дѣло оканчивалось очистительной присягой, которую обязаны были принять отвѣтчики въ знакъ своей невинности и т. п. Народъ также въ менѣе важныхъ случаяхъ обращался съ жалобами на виновниковъ чародѣяній къ оффиціальнымъ судамъ, или прибѣгалъ къ кулачной расправѣ съ ними, какъ это и нынѣ дѣлается у насъ или на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ считается самымъ дѣйствительнымъ средствомъ предотвратить послѣдствія легкаго вида чародѣйства— избить хорошенько колдуна.

Для опредѣленія степени виновности привлекаемыхъ къ отвѣтственности колдуновъ сообразовались обыкновенно съ размѣромъ вреда, причиненнаго колдовствомъ, и также принимали во вниманіе личность, противъ которой направлялись чары. Если преступленіе признавалось направленнымъ противъ блага цѣлой мѣстности (напр. наведенія мора, голода) или противъ знатнаго лица, наприм. обвинялся крестьянинъ въ совершеніи чаръ надъ помѣщикомъ, или-же посредствомъ колдовства была причиняема кому-либо смерть, въ такихъ случаяхъ обыкновенно виновныхъ приговаривали къ лишенію жизни, въ остальныхъ-же случаяхъ назначались другіе роды наказаній. Цѣлый рядъ процессовъ, производившихся въ гродскихъ и магистратскихъ судахъ юго-западнаго края въ прошломъ столѣтіи, подтверждаютъ все сказанное выше [1]).

Подобное-же различіе въ степени наказуемости за чародѣйство наблюдалось и при рѣшеніи дѣлъ о колдовствѣ въ судахъ московскаго государства. Аѳанасьевъ говоритъ: изъ слѣдственныхъ дѣлъ

---

[1]) Труды стат.-этногр. экспедиціи въ юго-зап. край Чубинскаго, т. 1-й в. 2-й, стр. 323—459.

XVII-го столѣтія видно, что за ворожбу и чародѣйство большею частью наказывали ссылкою въ дальнія мѣста и заключеніемъ въ монастырь; слѣдовательно, кромѣ сожженія, употреблялись и другія болѣе легкія наказанія: вѣроятно, при назначеніи мѣры взысканія, принимались въ разсчетъ какъ замыслы обвиняемыхъ лицъ, такъ и степень причиненнаго ими вреда [1]).

Не то было на Западѣ, гдѣ за всякое колдовство одинаково предавали сожженію и гдѣ поэтому число жертвъ, подвергнутыхъ смерти, достигало громаднаго количества. У насъ при опредѣленіи мѣры наказанія сообразовались съ послѣдствіями, причиненными преступленіемъ, и это было результатомъ примѣненія общаго юридическаго принципа, свойственнаго славянскому праву, принципа субъективной оцѣнки преступленій и вообще правонарушеній, тогда какъ на Западѣ все подводилось подъ опредѣленныя правовыя нормы, которыя не допускали отступленій и уклоненій. Господство объективной оцѣнки надъ субъективной надо, по всей вѣроятности, приписать римскому праву, знакомство съ которымъ начало распространяться на западѣ съ XII-го вѣка вмѣстѣ съ общимъ знакомствомъ съ классической литературой. Развитіе формальнаго мышленія повело къ выработкѣ и господству всякихъ — нравственныхъ, религіозныхъ, правовыхъ—нормъ и категорій, которыя естественно подчиняли себѣ умы верхнихъ слоевъ общества, гдѣ распространялись, а черезъ посредство общественныхъ учрежденій вліяли и на массы. Религіозно-правовыя нормы разсматривали всякое колдовство, какъ страшное преступленіе, оскорбленіе Высочайшаго существа, и за тѣмъ уже общественная совѣсть не могла входить и не входила въ оцѣнку того или другаго колдовскаго дѣянія по существу: было-ли имъ причинено какое-нибудь бѣдствіе, или хотя-бы оно даже имѣло въ результатѣ нѣчто полезное—это не имѣло значенія для оцѣнки преступленія. Преступленіе одинаково взывало къ правовому отмщенію: только смерть преступника могла удовлетворить оскорбленную справедливость. При такихъ условіяхъ понятно то обстоятельство, что преслѣдованіе колдовства на Западѣ не только не уменьшается съ XII-го вѣка, т. е. со времени воз-

[1]) Поэтич. воззр. славянъ на природу III, 612.

рожденія латинской литературы, но, напротивъ, значительно усиливается, доходя до высшей степени напряженія въ XV и XVI вѣкахъ, когда Европа уже пережила реформацію.

Послѣ сообщенія только что приведенныхъ воззрѣній на чародѣйство, интересно будетъ для читателя услышать другое мнѣніе о томъ-же предметѣ. Авторъ статьи о колдовствѣ въ юго-западной Руси[1]) такъ излагаетъ свои воззрѣнія. Причину относительной мягкости судебныхъ приговоровъ всѣхъ южно-русскихъ судовъ, въ особенности магистратскихъ, надобно искать въ отсутствіи у насъ тѣхъ демонологическихъ понятій, которыя вызвали на Западѣ жестокое преслѣдованіе колдуновъ: демонологія у насъ не только не была развита, какъ сводъ стройно развитой системы представленій, но до самаго конца XVIII столѣтія, на сколько можно судить по процессамъ, совсѣмъ не существовала въ народномъ воображеніи, даже въ видѣ неяснаго зародыша. Народный взглядъ былъ не демонологическій, а исключительно пантеистическій. Допуская существованіе въ природѣ силъ и законовъ, невѣдомыхъ массѣ людей, народъ полагалъ, что многіе изъ этихъ законовъ извѣстны личностямъ, тѣмъ или другимъ образомъ успѣвшимъ проникнуть или узнать ихъ. Вотъ почему колдовство не признавалось дѣломъ грѣховнымъ, противнымъ ученію религіи, и судъ, при разборѣ дѣлъ этого рода, не преслѣдовалъ обвиняемаго за самый фактъ обладанія или употребленія таинственныхъ средствъ, а старался лишь опредѣлить степень причиненнаго знаніемъ колдуна вреда и со степенью вреда соразмѣрялъ наказаніе. Отъ этого изъ ста почти документовъ, относящихся къ процессамъ о колдовствѣ, только въ пяти упомянуто имя чорта, и только въ одномъ случаѣ, гдѣ дѣйствующими лицами являются дворяне, вліянію злого духа приписывается довольно серьезное значеніе.

Приведенное мнѣніе совершенно противуположно тому, что утверждалось нами. Мы думаемъ, что таже мысль, которая господствовала на Западѣ, о сношеніяхъ вѣдьмъ съ чертями и о посредствѣ чертей при чародѣйствѣ, существовала и у насъ, какъ у народа, такъ и у высшихъ классовъ, не исключая и духовенства,

---

[1]) Труды ст. эти. экси. I, II, стр. 327.

съ тою лишь разницею, что идея о демонологическомъ началѣ въ чародѣяніяхъ у насъ не была такъ стройно развита и не была доведена до своихъ послѣднихъ логическихъ результатовъ, какъ-то совершено было западной наукой о чародѣйствѣ. Что чародѣйство, по мнѣнію нашего народа и духовенства, было производимо вѣдьмами при помощи нечистой силы, это доказывается приведенными въ началѣ статьи народными вѣрованіями, а также ссылками на воззрѣнія лѣтописцевъ и проповѣдниковъ. Если-же въ рѣшеніяхъ магистратскихъ и прочихъ судовъ не всегда говорится о томъ, что обвиняемые производили свои чары съ помощью дьявола, то упоминать объ этомъ не было особенной надобности, такъ какъ это само собой разумѣлось. Такимъ образомъ жестокаго объясненія и безусловнаго преслѣдованія вѣдьмъ на Западѣ и сравнительно мягкаго отношенія къ нимъ у насъ надобно искать не въ противоположеніи принциповъ демоническаго и пантеистическаго, а лишь въ тѣхъ общихъ условіяхъ, которыя породили объективизмъ въ правовыхъ воззрѣніяхъ на Западѣ и способствовали развитію субъективнаго начала въ правѣ у русскихъ славянъ.

П. Ефименко.

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ОПИСЬ МАЛОРОССІИ.

Эпизодъ изъ дѣятельности перваго правителя Малороссіи, гр. П. А. Румянцева-Задунайскаго.

Начало царствованія Екатерины II ознаменовалось для Малороссіи уничтоженіемъ гетманства и цѣлымъ рядомъ реформъ, имѣвшихъ цѣлью сгладить особенности ея гражданскаго управленія и ввести въ ней порядки, господствовавшіе въ остальной Россіи. Первымъ генералъ-губернаторомъ Малороссіи былъ назначенъ извѣстный П. А. Румянцевъ, получившій впослѣдствіи названіе Задунайскаго. Первымъ и главнѣйшимъ актомъ его административной дѣятельности была генеральная опись Малороссіи, по имени его названная Румянцевскою. Долгое время добытые этою описью матеріалы считались погибшими, и только въ послѣднее время они были найдены А. М. Лазаревскимъ въ архивѣ черниговской казенной палаты и переданы въ библіотеку черниговскаго статистическаго комитета, гдѣ и нынѣ находятся. Они состоятъ изъ 148 фоліантовъ, въ 1000 листовъ каждый, и обнимаютъ бывшіе полки: черниговскій, часть кіевскаго, нѣжинскій, стародубскій, часть прилуцкаго и смѣлянскую сотни лубенскаго[1]). Такимъ образомъ изъ описей 10 полковъ сохранилось полностью только 5; гдѣ-же дѣвались описи остальныхъ? А, можетъ быть, ихъ и вовсе не было?

Ихъ постигла такая-же участь, какая постигаетъ большинство нашихъ архивныхъ матеріаловъ: половина всей описи пропала (описи 5 полковъ—прилуцкаго, гадяцкаго, миргородскаго, лубен-

---

[1]) Обозрѣніе Румянцевской описи Малороссіи. Ал. Лазаревскаго. Черниговъ, стр. 13.

скаго), часть найдена была въ архивѣ кіевской казенной палаты и находится теперь въ библіотекѣ кіевскаго университета; она заключаетъ въ себѣ всю остальную, недостававшую часть описи кіевскаго полка [1]), почти всю опись переяславскаго полка [2]) и кромѣ того три дѣла о сочиненіи генеральной описи въ полку переяславскомъ, миргородскомъ и лубенскомъ; впрочемъ въ этихъ сохранившихся описяхъ не достаетъ иногда той или другой части—одного или нѣсколькихъ селеній.

И такъ изъ 10 описей полковъ сохранилось 5, остальные 5, относящіеся къ территоріи нынѣшней полтавской губерніи, повидимому, погибли безвозвратно. Говорятъ, что они сгорѣли въ Полтавѣ. Это очень возможно. Во всякомъ случаѣ, они должны были находиться въ Полтавѣ въ архивѣ казенной палаты, куда они поступили съ упраздненіемъ прежнихъ судовъ [3]). Мы одинъ разъ нашли даже прямое указаніе на отсылку описей нѣкоторыхъ сотенъ въ полтавскую казенную палату. Но какъ онѣ оттуда исчезли—вопросъ неразрѣшимый.

А. М. Лазаревскій, открывшій Румянцевскую опись Малороссіи, сдѣлалъ краткое обозрѣніе ея въ Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ; были и отдѣльные оттиски. „Въ настоящемъ обозрѣніи, говоритъ онъ, представляется читателю краткій перечень всей описи, съ цѣлью придать сему памятнику большую извѣстность и въ тоже время сдѣлать его доступнѣе для изученія или справокъ; для сего означается: содержаніе каждаго тома отдѣльно, т. е. перечисляются всѣ населенныя мѣстности, въ немъ описываемыя, съ краткими топографическими и статистическими подробностями. Къ сему прибавляется извлеченіе изъ нѣкоторыхъ старѣйшихъ и най-

---

[1]) Сотни: кобыжскую, бобровицкую, остерскую, бориспольскую, гоголевскую, козелецкую, кіевскую; это именно тѣ семь сотенъ, которыхъ описи не сохранилось въ Черниговѣ.

[2]) Сотни: гелмязовскую, прилѣвскую, золотоношскую, кропивненскую, бубновскую, пѣщанскую, лѣплявскую, каневскую, яготинскую, басанскую, терехтемировскую, воронковскую, березанскую, барышевскую.

[3]) Съ нѣкоторою вѣроятностію можно полагать, что онѣ находятся въ архивѣ кіевскаго губернскаго правленія, гдѣ, какъ мы лично знаемъ, есть нѣкоторая часть архива бывшей малороссійской коллегіи.—Р е д.

болѣе интересныхъ документовъ, приложенныхъ въ копіяхъ описи [1])". Но сдѣланное г. Лазаревскимъ „Обозрѣніе" оказывается далеко недостаточнымъ для полнаго ознакомленія съ Румянцевскою Описью и не даетъ яснаго представленія о богатствѣ и достоинствѣ данныхъ, заключающихся въ „Описи", не представляя намъ образцовъ подворнаго описанія селеній и городовъ. Изданій матеріаловъ Румянцевской описи доселѣ нѣтъ. Вскорѣ появятся въ свѣтъ таблицы Румянцевской Описи, относящіяся къ нынѣшнему золотоношскому уѣзду, полтавской губерніи; онѣ издаются подъ редакціей профессора Ив. В. Лучицкаго на средства золотоношскаго земства. Тому-же Ив. В. Лучицкому принадлежитъ и другое изданіе документовъ Румянцевской Описи — матеріалы для исторіи общественныхъ земель и угодій въ полтавской губерніи (въ Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ за 1883 годъ). На основаніи этихъ матеріаловъ Ив. В. Лучицкій силится доказать существованіе общиннаго землевладѣнія въ Малороссіи. Лица, занимающіяся земскою статистикою въ черниговской губерніи, пользуются цифровыми данными Румянцевской Описи для сравненія нынѣшняго населенія и землевладѣнія съ прошлымъ. Все это указываетъ, что среди историковъ и экономистовъ развивается интересъ къ этому замѣчательному памятнику. Тѣмъ не менѣе къ систематическому ознакомленію съ нимъ пока еще не приступали, да и трудно надѣяться на это въ ближайшемъ будущемъ. Въ виду этого мы считаемъ не безполезнымъ познакомить читателя съ производствомъ „генеральной описи" и ея значеніемъ для современниковъ и для насъ—потомковъ. Матеріалами для насъ служили: во 1-хъ три дѣла о составленіи генеральной описи въ полку переясловскомъ, миргородскомъ и лубенскомъ, находящіяся въ библіотекѣ кіевскаго университета, во 2-хъ дѣло о составленіи генеральной описи въ Малороссіи, отысканное нами въ архивѣ малороссійской коллегіи при историко-филологическомъ обществѣ харьковскаго университета; въ 3-хъ отчасти самыя связки Румянцевской описи (въ библіотекѣ кіевскаго университета и въ черниговскомъ статистическомъ комитетѣ).

Какими причинами была вызвана генеральная опись Малороссіи?

Самъ графъ Румянцевъ въ своемъ предложеніи малороссійской коллегіи о производствѣ этой описи сознается, что лучшія его мѣры,

[1]) Обозрѣніе Румянцевской описи Маллороссіи, Ал. Лазаревскаго, стр. 13.

направленныя къ благосостоянію мѣстныхъ жителей, парализуются встрѣчающимися на пути его трудностями, что такія-же затрудненія испытываетъ центральное правительство и малороссійская коллегія и что все это происходитъ отъ неимѣнія точныхъ свѣдѣній о странѣ. Для устраненія этого зла онъ, Румянцевъ, предпринялъ произвести генеральную ревизію во всѣхъ малороссійскихъ полкахъ посредствомъ особо назначенныхъ для этой цѣли штабъ-офицеровъ и малороссійскихъ старшинъ, по даннымъ отъ него примѣрнымъ инструкціямъ [1]).

Еще подробнѣе гр. Румянцевъ выясняетъ цѣли ревизіи въ общей инструкціи, данной имъ ревизорамъ. „Главнѣйшее повелѣніе, говоритъ онъ, которое я получилъ отъ его императорскаго величества при опредѣленіи меня къ настоящему званію, заключалось въ томъ, что-бы во всей Малороссіи всякій оставался при своихъ правахъ и имуществѣ, что-бы всякому оказывалось правосудіе и справедливость, а насилія и все то, что могло-бы препятствовать и вредить народному спокойствію, было уничтожено; народъ-же малороссійскій отправлялъ-бы службу ея императорскому величеству и уплачивалъ подати". Но, какъ поясняетъ далѣе Румянцевъ, до него доходили постоянныя жалобы на неумѣренное отягощеніе службой, работами и поборами козаковъ, подпомощниковъ, мѣщанъ и посполитыхъ. Явленіе это имѣло свои причины; главнѣйшія изъ нихъ, препятствующія правительству охранять безпомощныхъ отъ руки сильныхъ, по объясненію Румянцева, были слѣдующія: 1) поверхностныя и незначительныя свѣдѣнія о всякаго рода недвижимыхъ имѣніяхъ; 2) приписка мѣщанъ въ козацкое сословіе, что вредно отражалось на торговлѣ и промышленности городовъ, 3) самовольный переходъ посполитыхъ въ козаки и козаковъ въ посполитые; одни въ этомъ случаѣ желали избавиться отъ подданства своимъ владѣльцамъ, другіе-же уклонялись отъ воинской козачьей службы, хотя и теряли право свободнаго человѣка, 4) закрѣпощеніе, обращеніе въ посполитые козаковъ, кои издревле изъ предковъ принадлежали къ козачьему сословію, и 5) бѣгство, какъ результатъ такихъ притѣсненій, и образованіе класса бездомныхъ скитальцевъ, бросившихъ свои отеческіе грунта на произволъ судьбы [2]).

[1]) Арх. Мал. кол. Дѣло по внутр. диспозиціи на 67 л.

[2]) Дѣло о соч. ген. оп. въ полку Миргор.; см. также «Обозр. Рум. оп. Мал.» Ал. Лазаревскаго, стр. 4—6.

Сообразно со всѣмъ этимъ были составлены и инструкціи для ревизоровъ. Одна изъ нихъ общаго характера; она напечатана въ „Обозрѣніи Румянцевской описи Малороссіи“ Ал. Лазаревскаго и въ другомъ сочиненіи того-же автора „Малороссійскіе посполитые крестьяне“. Но, кромѣ этой общей, были еще четыре частныя инструкціи: 1) для описи городовъ, 2) для описи козачьихъ владѣній, 3) владѣльческихъ и 4) коронныхъ, урядовыхъ и монастырскихъ. Онѣ доселѣ не были извѣстны и отысканы въ архивѣ малороссійской коллегіи, помѣщающемся нынѣ при историко-филологическихъ обществѣ харьковскаго университета. Всѣ онѣ составлены цѣлесообразно, полно и обстоятельно; въ нихъ предусмотрѣны всѣ малѣйшія подробности, необходимыя для полноты ревизіи, которая должна была обнять весь край, находившійся подъ управленіемъ Румянцева, и главное свое вниманіе обратить на землевладѣніе—вопросъ, котораго почти вовсе не касались ревизіи прежнихъ лѣтъ.

Инструкція для описанія городовъ требовала опредѣлять положеніе города, укрѣпленія его, публичныя строенія, гражданское управленіе и полицію, ярмарки и базары, городскія земли, магистратскіе и ратушные доходы, число нанимающихся рабочихъ обоего пола; вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось сдѣлать подворную опись всѣхъ мѣщанъ и козаковъ—указать, на какой улицѣ помѣщается домъ (съ дворомъ или безъ онаго), сколько въ немъ покоевъ, обозначить имена живущихъ здѣсь хозяевъ, ихъ семействъ и прислуги, лѣта и состояніе здоровья, ремесло или другое какое занятіе, количество скота и земли. Такихъ свѣдѣній не требовалось отъ дворянъ, чиновниковъ и духовныхъ, потому что о нихъ свѣдѣнія имѣлись въ канцеляріяхъ.

Подобная инструкція дѣйствительно исчерпывала вопросъ о положеніи и бытѣ городовъ и ихъ населенія. Она даетъ возможность опредѣлить точно общее число жителей города, ихъ соціальное положеніе, распредѣлить ихъ по занятіямъ—ремесламъ, промысламъ и т. п., позволяетъ даже отчасти составить представленіе объ ихъ матеріальномъ положеніи. Если къ этому присоединить данныя для характеристики города вообще,—именно о гражданскомъ его управленіи, внутреннемъ и внѣшнемъ благоустройствѣ, вмѣстѣ съ жалованными грамотами и другими документами, то по-

лучится довольно полная картина городскаго быта лѣво-бережной Украйны во второй половинѣ XVIII в.

Еще болѣе подробны и обстоятельны инструкціи для описанія маетностей козацкихъ, помѣщичьихъ, ранговыхъ. Здѣсь подворное описаніе еще болѣе обстоятельно; вопросы землевладѣнія здѣсь играютъ еще болѣе важную роль. Въ описи, напримѣръ, козачьихъ земель опредѣляется точно количество хатъ и пристроекъ въ данномъ дворѣ; обозначается самымъ подробнымъ образомъ семейное положеніе владѣльца двора; затѣмъ его имущественное положеніе, именно сколько у него земли пахатной и сѣнокосной, лѣса и другихъ угодій—мельницъ, рыбныхъ ловель, пчелиныхъ бортей, сколько у него крупнаго и мелкаго скота, сколько онъ высѣваетъ въ годъ разныхъ хлѣбовъ, сколько вообще получаетъ въ годъ доходовъ, чѣмъ желаетъ промышлять впредь.

При описи урядовыхъ маетностей указывалось, кто владѣлецъ и по какимъ документамъ онъ владѣетъ; затѣмъ описывались господскій домъ съ числомъ комнатъ и другихъ принадлежностей, земли пахатныя и подъ зарослями, требующія расчистки, доходъ съ мельницъ, винокурень, шинковъ, выгоновъ, рыбныхъ ловель, хуторовъ, лѣсовъ, сѣнокосовъ и наконецъ доходы съ крестьянъ, общее количество крестьянскихъ дворовъ и бездворныхъ хатъ, населеніе мужеска и женска пола по возрастамъ, земли, скотъ, повинности казенныя и владѣльческія, денежныя и натуральныя; наконецъ, послѣ этихъ общихъ свѣдѣній слѣдовало еще подробное подворное описаніе всѣхъ посполитыхъ.

Инструкція для описи владѣльческихъ имѣній совершенно похожа на только что приведенную нами инструкцію для описи имѣній урядовыхъ и монастырскихъ. Дѣлая общую оцѣнку всѣхъ этихъ инструкцій, нужно сказать, что онѣ дѣйствительно должны были дать точное представленіе объ экономическомъ положеніи тогдашнихъ общественныхъ группъ; мы не говоримъ сословій, потому что они, говоря строго, не выработались окончательно даже въ то время. Самая генеральная опись имѣла между прочимъ въ виду рѣзче обозначить сословія, отдѣлить посполитыхъ отъ козаковъ, этихъ послѣднихъ отъ мѣщанъ и владѣльцевъ—старшины. Особенною подробностью отличаются, какъ мы уже сказали, инструкціи для описи селъ. Подворное описаніе должно было дать ясное представ-

леніе не только о податной состоятельности населенія, но и уяснить, кромѣ того, общій характеръ хозяйственныхъ и экономическихъ отношеній. Для того, чтобы составить такія инструкціи, нужно было имѣть общее представленіе о жизни тогдашняго малорусскаго города и села. Румянцевъ, очевидно, всю свою надежду полагалъ на инструкцію, а не на исполнителей. Исполнителями, какъ извѣстно, были офицеры и при томъ великороссы,—люди совершенно незнакомые съ малороссійскимъ населеніемъ и особенностями его быта. Но и послѣ этого во время самаго производства описи онъ давалъ объясненія, дополненія, часто даже по мелочамъ.

Самыя инструкціи впрочемъ не подверглись существеннымъ измѣненіямъ. Были поправки, дополненія, но въ частностяхъ.

Самымъ существеннымъ пропускомъ въ первоначальныхъ инструкціяхъ нужно признать отсутствіе вопросовъ объ обще-владѣемыхъ земляхъ. Очевидно, „ревизіальная“ коммисія была увѣрена въ существованіи только однихъ лично собственныхъ участковъ. Между тѣмъ вездѣ почти въ Малороссіи того времени мы находимъ общинныя угодья—выгоны, лѣса и т. п. Въ иныхъ мѣстахъ даже пахатные участки находились на этой общевладѣемой землѣ. Ясное дѣло, что вопросъ ревизоровъ о точномъ размѣрѣ участковъ, принадлежащихъ каждому отдѣльному лицу, вызывалъ здѣсь большія затрудненія. Труднѣе всего было опредѣлить размѣры разныхъ общественныхъ сѣнокосовъ и степковъ, которыми владѣли сообща нѣсколько селеній цѣлой сотни, а подъ часъ и нѣсколькихъ сотенъ. Это такъ называемая общественная займанщина, которой пользовались всѣ жители, какъ козаки, такъ и посполитые, „гдѣ кто схочетъ на которомъ мѣстѣ“ и „сколько кто схочетъ“. Узнавши о существованіи такихъ свободныхъ земель, „ревизіальная“ коммисія захотѣла убѣдиться, нѣтъ-ли въ числѣ ихъ войсковыхъ и государевыхъ земель. Сохранилась цѣлая переписка между коммисіей и смотрителемъ свободныхъ войсковыхъ маетностей миргородскаго полка Козачковскимъ. Оказалось, что частью такихъ свободныхъ войсковыхъ земель дѣйствительно завладѣли незаконно сосѣдніе козаки и владѣльцы и построили себѣ на нихъ хутора.

Но независимо отъ свободныхъ войсковыхъ и государевыхъ земель, занятыхъ частными лицами, были земли, принадлежавшіе исключительно однимъ козацкимъ и крестьянскимъ сельскимъ обще-

ствамъ; о существованіи ихъ, очевидно, ревизіонная коммисія до генеральной описи и не догадывалась. Точно также только впослѣдствіи былъ добавленъ вопросъ о прибылыхъ и убылыхъ людяхъ. Вотъ что мы читаемъ по сему поводу въ ордерѣ самого Румянцева секундъ-маіору Тинкову, производившему генеральную опись въ миргородскомъ полку. „При сочиненіи нынѣ вашимъ высокоблагородіемъ генеральной миргородского полку описи не упустите въ оныхъ описяхъ отмѣтить какъ козаковъ, такъ и посполитыхъ и всякого звания людей, написанныхъ въ прежней 764 году ревизіи и послѣ той сшедшихъ въ другія мѣста и разными случаи убылыхъ, козаковъ, именно, когда и какимъ случаемъ убыли, а о прибылыхъ такимъ-же образомъ, откуда прибыли, и вновь пришедшіе съ письменными-ль изъ прежнихъ мѣстъ отпусками, или безъ тѣхъ, ибо о семъ господинъ подполковникъ Огаревъ противу всякаго чаянія требуетъ отъ меня резолюціи“ [1]).

Впрочемъ нужно полагать, что случаи въ родѣ приведенныхъ, были рѣдки; вообще-же инструкціи оказались на дѣлѣ достаточно полными. Иногда наоборотъ нѣкоторые вопросы оказывались неудобными на практикѣ—ихъ пришлось выбросить. Напримѣръ, по вопросу о заработной платѣ вольнонаемныхъ работниковъ въ городахъ былъ полученъ отвѣтъ (изъ полковой миргородской канцеляріи), что нужныхъ вѣдомостей нѣтъ, ибо не было ни обычая, ни приказа собирать объ этомъ свѣдѣнія. Вообще практика показала, что на нѣкоторые вопросы дать отвѣтъ очень затруднительно: такъ напримѣръ была признана ненужною перепись птицъ въ хозяйствахъ; между тѣмъ составители инструкціи „чаяли по множеству оной, а особо гусей, Малороссіи пользу знаменитую въ торгу доставить“ [2]).

Посмотримъ теперь, какъ производилась опись по объясненному уже плану.

Въ производствѣ описи, кромѣ великороссійскихъ офицеровъ, должна была участвовать и малороссійская старшина, хотя послѣдняя играла въ этомъ дѣлѣ роль второстепенную и служебную. Отправляя въ полки штабъ-офицеровъ для производства описи,

---

[1]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

[2]) Ibid.

Румянцевъ между прочимъ писалъ имъ: „теперь, когда вслѣдствіе зимняго времени землемѣріемъ заниматься нельзя, вы можете съ малороссійскими чинами (если они прибыли) и своими подчиненными дѣлать описи городовъ, требуя вѣдомостей отъ магистратовъ, ратушъ, полковыхъ и сотенныхъ канцелярій и самихъ обывателей; гдѣ-же сами быть не можете, туда отправляйте малороссійскихъ старшинъ съ офицерами. Но и въ тэмъ, и въ другомъ случаѣ долженъ при составленіи описи присутствовать мѣстный земскій старшина. Старайтесь сочинять эту опись сколь возможно вѣрнѣе, не отбирая впрочемъ имѣній, не арестовывая людей и даже не входя въ разбирательство споровъ; записывать грунты и маетности нужно за тѣми, кто ими владѣетъ въ настоящее время; только при бывшихъ козачьихъ скупленныхъ грунтахъ дѣлать отмѣтку, кому они прежде принадлежали“ [1]). Этими указаніями опредѣлялись отчасти порядокъ и способъ производства описи.

Во главѣ всего дѣла стояли 10 великороссійскихъ офицеровъ по числу 10 малороссійскихъ полковъ. Вотъ полный реестръ ихъ:

1) Подполковникъ борисо-глѣбскаго драгунскаго полка Дмитрій Норовъ—гадяцкій полкъ.

2) Подполковникъ старооскольскаго пѣхотнаго полка Николай Огаревъ—лубенскій полкъ.

3) Подполковникъ карабинернаго полка Венедиктъ Круглиновъ—стародубовскій полкъ.

4) Подполковникъ карабинернаго ростовскаго полка Иванъ Ногаткинъ—черниговскій полкъ.

5) Премьеръ-маіоръ карабинернаго нижегородскаго полка Михайло Голенищевъ-Кутузовъ—нѣжинскій полкъ.

6) Премьеръ-маіоръ борисо-глѣбскаго драгунскаго полка Михайло Стремоуховъ—прилуцкій полкъ.

7) Премьеръ-маіоръ пѣхотнаго орловскаго полка Іона Аршаневскій—кіевскій полкъ.

8) Секундъ-маіоръ тамбовскаго пѣхотнаго полка Петръ Черединъ—миргородскій полкъ.

9) Секундъ-маіоръ ямбургскаго карабинернаго полка Александръ Якубовичъ—переяславскій полкъ.

---

[1]) Архивъ малороссійской коллегіи, Дѣло по внутренней диспозиціи на 67 л.

10) Секундъ-маіоръ козловскаго пѣхотнаго полка Василій Путимцевъ—полтавскій полкъ.

Малороссійская старшина неохотно поступала подъ начальство великороссійскихъ офицеровъ и вообще увиливала отъ этого дѣла, особливо на первыхъ порахъ, когда назначенія давались не въ тѣ полки, откуда кто былъ родомъ. Получая командировки въ отдаленные полки для участія въ производствѣ описи, бунчуковые товарищи не приступали къ отправленію своихъ обязанностей, отговариваясь всяческими причинами. Назначенный въ миргородскій полкъ Василій Полуботокъ проситъ объ увольненіи его отъ новой обязанности, мотивируя свою просьбу тѣмъ, что ему лично нужно представить подлинные высокомонаршіе универсалы въ департаментъ вотчинныхъ дѣлъ слободской харьковской губерніи, и причина эта была признана уважительною. Бунчуковый товарищъ Максимъ Жуковскій, назначенный въ нѣжинскій полкъ, представилъ удостовѣреніе о болѣзни, подписанное атаманомъ глинскаго сотеннаго правленія, хорунжимъ и писаремъ. На это послѣдовала резолюція: „послать ему бунчуковому товарищу Жуковскому и притвердить, дабы онъ болѣе къ отстрочкѣ означенной ему коммисіи ничего не предпринималъ въ отговорку, слѣдовалъ немедленно въ опредѣленній ему полкъ нѣжинскій и повелѣнную опись, обще съ опредѣленними туда чинами, сочинялъ безъ промедленія, опасаясь за неисполненіе отвѣта и штрафа“ [1]). Не вѣрили медицинскимъ свидѣтельствамъ, правда подписаннымъ людьми не свѣдущими въ медицинѣ, и посылали докторовъ для освидѣтельствованія больныхъ бунчуковыхъ товарищей. Къ Даніилу Шираю ѣздилъ въ деревню полковой лекарь Келеръ и открылъ у него цынготную болѣзнь; самъ Ширай писалъ, что у него подагра. Очень трогательно описываетъ свою болѣзнь кіевскій полковой обозный Борсукъ“ [2]).

Въ свою очередь офицеры жаловались въ малороссійскую коллегію на неприбытіе старшинъ и заявляли, что этимъ замедляется составленіе описи. Подполковникъ Ногаткинъ, посланный въ черни-

---

[1]) Архивъ малороссійской коллегіи, Дѣло по внутренней диспозиціи на 67 л.

[2]) См. объ этомъ мою замѣтку «Объ Архивѣ малороссійской коллегіи при историко-филологическомъ обществѣ харьковскаго университета» (Кіевскія Университетскія Извѣстія 1882 г.).

говскій полкъ, такъ доноситъ въ малороссійскую коллегію: „по силѣ данной мнѣ отъ его сіятельства, графа П. А. Румянцева инструкціи, прошлаго сентября 16 числа я прибылъ въ Черниговъ; бунчуковый-же товарищъ Иванъ Степановичъ Ширай и понынѣ въ коммисію не явился; опредѣленный туда-же полковой писарь Почека на время пріѣзжалъ, но теперь опять по болѣзни уѣхалъ въ Нѣжинъ и живетъ дома. Вслѣдствіе этого генеральная опись еще не начата.... (1765 г. ноября 28 дня) [1]).

Послѣдствіемъ этихъ и подобныхъ обстоятельствъ было, какъ можно судить по нѣкоторымъ документамъ, изданіе приказа производить опись, не дожидая малороссійскихъ старшинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ противъ ослушныхъ принимались и строгія мѣры. Войсковой товарищъ Иванъ Остроградскій былъ за это подвергнутъ даже такому внушительному взысканію: „черезъ три дня на пушки по одноиу часу держанъ“ и за тѣмъ снова представленъ въ ревизіальную коммисію.

Тѣмъ не менѣе уклоненія продолжались и Румянцевъ рѣшился назначать бунчуковыхъ товарищей въ тѣ-же самые полки, гдѣ они состояли на службѣ [2]). Онъ самъ видѣлъ и призналъ, что причина этихъ уклоненій заключается въ томъ, что бунчуковые товарищи не получаютъ жалованья, а между тѣмъ опредѣляются въ отдаленные полки; потому нашелъ справедливымъ назначать ихъ „по способности жительствъ ихъ, хотя въ тѣхъ-же самихъ полкахъ, въ которомъ кто живетъ“; находилъ даже, что лучше всего отдавать дѣло въ руки полковниковъ и полковыхъ канцелярій. Конечно, рѣшаясь на эту мѣру, онъ не могъ не опасаться, что она подастъ поводъ къ злоупотребленіямъ.

И дѣйствительно, безъ злоупотребленій дѣло не обошлось. Старшины, попавшіе въ ревизіонныя коммисіи, пользовались своимъ вліяніемъ, чтобы узаконить свои несправедливости по захвату земель и т. под. Начальникъ миргородской коммисіи доносилъ въ малороссійскую коллегію, что на хорольскаго сотника Ивана Родзянку, прикомандированнаго къ ревизіонной коммисіи, поступилъ рядъ жалобъ „въ отнятіи у козаковъ и свободныхъ посполитыхъ само-

---

[1]) Архивъ малороссійской коллегіи, Дѣло по внутренней диспозиціи на 67 л.

[2]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

властно многихъ пахатныхъ, сѣножатныхъ и лѣсныхъ земель, футоровъ и другихъ угодій, съ которыхъ нѣкоторыхъ жалобщиковъ устрашаетъ онъ сотникъ, чтобъ показывалм тѣ грунта ихъ Родзянокъ собственными, а не завладѣнними". Вмѣстѣ съ нимъ, говорится въ жалобахъ, тоже самое дѣлаютъ его родной братъ, полковой обозный, и другіе родственники. Малороссійская коллегія, по предложенію Румянцева, приказала удалить Родзянку отъ должности и назначить на мѣсто его кого нибудь другого изъ значковыхъ товарищей [1]). Самая опись переполнена свѣдѣніями о захватахъ старшиною козачьихъ земель въ разные годы, и этимъ свѣдѣніямъ нельзя не вѣрить, зная обычный образъ дѣйствій малороссійской старшины въ вопросѣ о козачьихъ земляхъ. Впрочемъ теперь поползновенія къ захватамъ должны были парализоваться великороссійскими офицерами—оба элемента недружелюбно относились другъ къ другу и потому взаимно контролировали другъ друга.

Начата была ревизія осенью; приступить къ „землемѣріямъ" не представлялось возможности. Оставалось забирать изъ разныхъ мѣстъ нужныя для описи справки. Малороссійская коллегія, сдѣлавъ распоряженія о назначеніи въ ревизіонную коммисію старшины, о доставленіи, по требованіямъ слѣдователей, „всѣми обывателями и городскими управленіями прямыхъ и точныхъ увѣдомленій, по сущей истинѣ", и о командированіи полковыми канцеляріями для производства письменныхъ дѣлъ по одному исправному канцеляристу или значковому товарищу, съ потребнымъ числомъ писцовъ и караульныхъ, обязала своего архиваріуса Дзѣвовича, чтобы онъ немедленно сочинилъ вѣдомость... „каковы суть въ архивѣ описи, ревизіи, книги и протчое до сего дѣла принадлежащое и росписавъ порознь, подалъ-бы оную вѣдомость въ коллегію" [2]).

Какъ кажется, архиваріусъ Дзѣвовичъ исполнилъ порученіе коллегіи немедленно. Мы имѣли въ рукахъ списокъ ревизскихъ книгъ за прежніе годы имъ составленный и представленный въ малороссійскую коллегію. Полныхъ ревизій всѣхъ десяти полковъ

---

[1]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

[2]) Архивъ малороссійской коллегіи, Дѣло по внутренней дисцозиціи на 67 листахъ.

14 (отъ 1729—1764 года); самый ранній компутъ относится къ 1712 году (лубенскаго полка); число всѣхъ годовъ, отъ которыхъ осталось хотя по нѣсколько ревизскихъ книгъ—23 (отъ 1712—64 г.) Эти ревизіи и компуты были, нужно думать, разсортированы по полкамъ и вручены ревизорамъ для справокъ. Въ особенности имѣли значеніе въ этомъ случаѣ ревизскія книги 1763—64 года—послѣдней и самой обстоятельной ревизіи. Ими главнымъ образомъ руководствовались для исчисленія какъ самихъ городовъ, мѣстечекъ, селеній и хуторовъ, такъ и ихъ населенія [1]).

Текущіе расходы на производство описи были возложены на полковыя канцеляріи, которыя старались свалить этотъ расходъ на сотенныя правленія. Сотенныя правленія въ свою очередь накладываютъ нѣкоторую контрибуцію на населеніе. Домонтовское сотенное правленіе собрало поэтому случаю съ каждаго козачьяго двора по 2 коп. и по гарцу овса. Когда на это принесена жалоба, сотенное правленіе объяснило, что сборъ этотъ въ размѣрѣ 1 р. 64 к. былъ сдѣланъ на бумагу, сургучъ и свѣчи; овесъ-же собирали десятники для ревизіонной коммисіи, такъ какъ ярмарокъ въ Домонтовѣ нѣтъ и купить его нельзя; но за него оно расчитывало внести деньги [2]).

Въ березанской сотнѣ поборы были еще больше: тамъ брали съ двора по 4 и по 5 коп. [3]). Происходили также характерныя препирательства изъ-за помѣщенія для ревизіонной коммисіи. Гадяцкая полковая канцелярія отказывалась доставлять ей бумагу и сургучъ за израсходованіемъ на тотъ годъ всей суммы. Стародубовскій магистратъ просилъ уволить его отъ доставки для коммисіи дровъ и свѣчей „по скудости средствъ“. Не столько, можетъ быть, велики были дѣйствительные расходы по содержанію коммисій, какъ произвольные поборы ея чиновъ. А этихъ послѣднихъ было немало: кромѣ штабъ-офицеровъ и старшины тутъ были канцеляристъ или значковый товарищъ, 2 писаря и 20 козаковъ для карауловъ и посылокъ; требовались квартиры, подводы, сѣно, овесъ, дрова, свѣчи, бумага, сургучъ и др., а вѣроятно и натуральное

---

[1]) Архивъ малороссійской коллегіи, Дѣло по внутренней диспозиціи на 67 л.

[2]) Дѣло о генеральной описи въ полку переяславскомъ.

[3]) Дѣло о генеральной описи въ полку переяславскомъ.

довольствіе членовъ, по обычаямъ того времени. Тревожили опять не столько всѣ эти расходы, сколько самое дѣло, затрогивавшее самые существенные жизненные интересы, возбуждавшее множество недоумѣній, вопросовъ, споровъ, опасеній. Противъ ревизіи существовало предъубѣжденіе, а оно поддерживалось цѣлымъ рядомъ столкновеній между чинами коммисій и мѣстными властями и населеніемъ. Полковыя канцеляріи видимо тормозили дѣло, предпринятое графомъ Румянцевымъ; иныя формально порицали дѣйствія коммисій. Миргородская полковая канцелярія выступила съ донесеніемъ малороссійской коллегіи о томъ, что назначенный къ производству описи секундъ-маіоръ Черединъ ни одной сотни не описалъ порядочно[1]). Коллегія объявила ей за это выговоръ, хотя, кажется, права была въ этомъ случаѣ полковая канцелярія, потому что Черединъ, какъ оказалось потомъ, дѣйствительно велъ дѣло крайне неудовлетворительно. Упомянутое донесеніе было, конечно, послѣдствіемъ предварительныхъ личныхъ столкновеній. Мы приведемъ одинъ любопытный образчикъ столкновенія нижняго чина коммисіи съ волостною старшиною, приводящій къ невольному предположенію, что и такіе чины позволяли себѣ какія-нибудь притѣсненія.

„Подписокъ“ (помощникъ писаря) домонтовской сотни, Гаврило Арабскій былъ отправленъ на срокъ для взятія нужныхъ справокъ; при немъ было свидѣтельство для полученія подводы. Пріѣхавъ въ село Великую Каратуль и не заставъ атамана, онъ обратился къ тамошнему асаулу—Бабаку и потребовалъ у него подводы до села Студениковъ. Бабакъ сначала отказалъ, заявивъ, будто-бы сотенный писарь Нестеровскій штрафуетъ сельскихъ старшинъ, если они даютъ подводы проѣзжающимъ членамъ ревизіальной коммисіи; но потомъ раздумалъ и велѣлъ козаку Кошкалдѣ отвезти „подписка“, но не на коняхъ, каковые у того были, а на волахъ. „Подписокъ“ вломался въ амбицію; начался споръ и кончился тѣмъ, что даже на волахъ ревизіонный чинъ могъ выѣхать лишь на слѣдующій день. Въ селѣ Студеникахъ, куда прибылъ „подписокъ“, пріемъ ему вышелъ еще хуже. Тамъ праздновалась чья-то свадьба и на свадьбѣ было, конечно, все село. Арабскій сталъ искать атамана и по-

---

[1]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

требовалъ отъ него подводы; тотъ отдалъ приказъ, но доставкою подводы не спѣшили. Арабскій сталъ напоминать, горячиться, грозить. На бѣду его, въ „веселной“ компаніи, гдѣ былъ атаманъ, оказался и асаулецъ Бабакъ. Припомнилась вчерашняя ссора и отправка ревизора на волахъ. Посыпались насмѣшки, поднялся споръ, руготня. Послѣ многихъ поносныхъ словъ, Бабакъ бросился на Арабскаго, ударилъ его кулакомъ въ грудь и снявъ съ себя поясъ, сталъ было вязать его, а къ народу кричалъ при этомъ: „не давайте сему.... плуту подводы; отберите у него ложный паспортъ“. Озлобленіе, говоритъ Арабскій, было всеобщее; его приняли подъ бока, изорвали на немъ черкеску. Едва спасся онъ бѣгствомъ и цѣлыя сутки скрывался у одного изъ обывателей. Жаловался онъ потомъ мѣстному атаману и асаулу, предъявлялъ имъ въ видѣ вещественнаго доказательства свою изорванную черкеску; но получилъ-ли удовлетвореніе, получилъ-ли даже подводу, которой добивался, остается неизвѣстнымъ [1]).

Эта комичная исторія съ мелкимъ ревизіоннымъ чиномъ ярко рисуетъ намъ настроеніе общественнаго мнѣнія относительно производившейся „Описи“ и ея выполнителей. Трудно допустить, чтобы въ тѣ времена грубаго произвола и широкаго безправія, со стороны всякаго, кто чувствовалъ въ себѣ силу и власть, не было злоупотребленій и со стороны ревизіонныхъ чиновъ и поводовъ къ тому „всеобщему озлобленію“, на которое жаловался Арабскій. И дѣйствительно само начальство ревизіонныхъ коммисій должно было напоминать своимъ чинамъ, чтобы они не обижали козаковъ и посполитыхъ излишними требованіями. Вотъ какой приказъ пишетъ секундъ-маіоръ Якубовичъ, завѣдывавшій описью переяславскаго полка: „при выѣздахъ для осмотра подчиненные мои, безъ моего вѣдома, произвольно требуютъ излишнее количество подводъ (берутъ почти на каждаго человѣка по одной подводѣ); такъ какъ эти самовольства не желательны, то я рекомендую самымъ строгимъ образомъ впредь ни подъ какимъ видомъ лишнихъ подводъ не брать, а руководствоваться слѣдующимъ правиломъ: подъ двухъ ундеръ-офицеровъ и канцеляристовъ по одной подводѣ [2])“.

---

[1]) Дѣло о генеральной описи въ полку переяславскомъ.

[2]) Дѣло о генеральной описи въ полку переяславскомъ.

Но если по временамъ и мѣстамъ терпѣло отъ коммисій ревизуемое въ своихъ „животахъ“ населеніе, то въ свою очередь испытывали затрудненія въ своемъ дѣлѣ и самыя коммисіи—отъ тѣхъ, конечно, которыя имѣли возможность, не боясь отвѣта, не исполнять ихъ требованій. Таковыми являлись владѣльцы болѣе или менѣе крупныхъ имѣній. Отъ нихъ требовались вѣдомости объ ихъ имѣніяхъ, чтобы потомъ провѣрить ихъ на мѣстѣ. Но владѣльцы не доставляли вѣдомостей къ назначенному сроку. Ревизоры жаловались на это въ малороссійскую коллегію. Коллегія слала подтвердительные указы въ полковыя канцеляріи, эти въ сотенныя правленія; такія жалобы не прекращаются въ теченіе производства всей описи. Положеніе ревизоровъ было дѣйствительно трудное: сдѣлавъ провѣрку вѣдомостей о козачьихъ дворахъ и земляхъ, они должны были тратить безполезно время, долго и тщетно ожидая владѣльческихъ вѣдомостей. Въ особенности это имѣло мѣсто въ деревняхъ, гдѣ сами владѣльцы не жили; ревизоры объясняли это просто отсутствіемъ какого-либо попеченія объ этомъ дѣлѣ у владѣльцевъ. Начальникъ лубенской ревизіонной коммисіи, подполковникъ Огаревъ жалуется, что коммисія „ни къ какому свидѣтельству и описи приступить не можетъ и нынѣ въ селѣ Засульи, по свидѣтельствованіи козачьихъ дворовъ, принуждена, за неподачею отъ нѣкоторыхъ владѣльцевъ вѣдомостей, въ ожиданіи оныхъ подачъ, жить праздно, хотя оніе (владѣльцы) уже къ сочиненію вѣдомостей и довольно имѣли время [1])“.

Напоминанія не оказывали никакого дѣйствія: рѣшили прибѣгнуть къ мѣрамъ взысканія. По указу малороссійской коллегіи стали забирать приказчиковъ и управителей и держать подъ карауломъ до тѣхъ поръ, пока ихъ владѣльцы не представятъ требуемыхъ вѣдомостей. Оказалось однако, что и эти мѣры не привели къ желаннымъ результатамъ; снова потребовались подтвердительные указы и угрозы забирать подъ караулъ приказчиковъ или лучшихъ крестьянъ [2]). Но проволочки продолжались по прежнему. Уже 19 іюля 1767 года, т. е. почти два года спустя послѣ начала описи, былъ полученъ новый подтвердительный указъ о доставленіи

---

[1]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку лубенскомъ.

[2]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

купчихъ съ угрозою въ противномъ случаѣ поступить съ ослушниками по законамъ. По одному изъ пунктовъ инструкціи требовалась доставка грамотъ на владѣніе; точныя копіи съ этихъ грамотъ и крѣпостей должны были присылать за скрѣпою подкомораго и судьи въ полковыя канцеляріи, а оттуда уже въ ревизіонныя коммисіи [1]). Новое зотрудненіе и проволочка.

Дѣло составленія „Описи“ само по себѣ было не легкое; количество назначенныхъ для него лицъ оказывалось недостаточнымъ. Въ виду этого графъ Румянцевъ, въ отвѣтъ на просьбу секундъ-маіора Чередина объ увеличеніи численнаго состава коммисіи, далъ ордеръ такого содержанія: „естли для скорѣйшаго приведенія къ окончанію порученной вамъ сочиненія генеральной описи коммисіи необходимо потребны будутъ еще оберъ и ундеръ офицеры, оныхъ, но конечно безъ излишества и по крайней надобности, требовать отъ ближайшихъ полковъ конныхъ или пѣхотныхъ, которыхъ по требованіямъ вашимъ о скорѣйшей отсылкѣ отъ меня по командѣ ордеры посланы [2])“.

Вѣроятно также и самые чиновники не обнаруживали должнаго усердія и рвенія. Это побудило начальниковъ коммисій издать слѣдующій приказъ, обращенный ко всѣмъ регулярнымъ и нерегулярнымъ чиновникамъ, прикомандированнымъ въ коммисію: „дабы всякій знать могъ свою должность и въ праздности быть не могли и чрезъ то остановки по коммисіи не слѣдовало, то что каждому въ якій день и исправлять якое дѣло надлежитъ, для того еженедно квартимистру представляѣ ко мнѣ сію приказную тетрадь, въ которой означено будетъ о исправленіи повелѣнія, а по тому повелѣнію кто что исполнитъ или зачѣмъ не исполнитъ, что ему препоручено, тожъ какія вѣдомости, когда и отъ кого и о чемъ получатся, и кто изъ оныхъ чиновъ пріймет, въ особливомъ означивать реестрѣ, который реестръ въ надлежащемъ порядкѣ содержать при журналѣ“ [3]). И такія вѣдомости, какъ видно изъ документовъ, составлялись.

---

[1]) Дѣло о генеральной описи въ полку миргородскомъ.

[2]) Ibid.

[3]) Это приказъ секундъ-маіора Якубовича (по переяславскому полку); мы въ немъ только немного исправили правописаніе. (Дѣло о генеральной описи въ полку переяславскомъ).

Тѣмъ не менѣе и это оказывалось недостаточнымъ для скораго и безостановочнаго составленія предпринятой генеральной описи. Лица, которымъ поручено было это повидимому простое дѣло, не смотря на подробныя инструкціи, не смотря на постоянныя разъясненія самаго графа Румянцева и малороссійской коллегіи, не могли удовлетворительно разрѣшить своей задачи. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ одно такое прямое указаніе относительно секундъ-маіора Чередина. Въ ордерѣ Румянцева къ секундъ-маіору Тинкову, опредѣленному въ миргородскій полкъ на мѣсто Чередина, читаемъ: „изъ рапорта вашего высокоблагородія отъ 18 минувшаго февраля я съ немалымъ сожалѣніемъ вижу, что бывшій въ миргородскомъ полку у сочиненія описи маіоръ Черединъ данную отъ меня инструкцію съ довольнымъ наставленіемъ, какимъ образомъ ту опись дѣлать, конечно, вовсе не читалъ или содержанія ея не понималъ, что ни одну сотню такъ, какъ отъ меня предписано было, не описалъ и опредѣленные въ помощь къ нему офицеры и малороссійскіе чиновники видно ему подобны, что ни одинъ не могъ напомнить ему о тѣхъ противъ повелѣнія невыполненіяхъ; и для того я вашему высокоблагородію рекомендую всѣ тѣ имъ Черединымъ сочиненныя описи по точному предписанію въ инструкціи и послѣ того данныхъ повелѣніевъ переправить, а офицеровъ, естли вы ихъ при себѣ имѣть не похочете, какъ не рачительныхъ, отпустить въ полки, а на мѣсто ихъ истребовать отъ полковъ, кого вы самы за способныхъ къ тому найтить можете.“ (6 марта 1768 г.)[1]).

Низкій уровень образованія военныхъ чиновъ, которыхъ однако и въ ту пору считали, какъ видно, на все способными, незнакомство лицъ поставленныхъ во главѣ коммисіи съ особенностями мѣстной жизни, ея порядками, узаконеніями и исторіею, не пониманіе цѣли такой генеральной ревизіи, страхи и опасенія ею вызванныя и наконецъ царившій тогда во всей силѣ антогонизмъ между великорусскими и малорусскими властями—были, конечно, главными причинами той неудовлетворительности въ веденіи описи, на которую жаловался Румянцевъ; но много безъ сомнѣнія портили дѣло и оставляли въ населеніи тягостное чувство тѣ пріемы, какіе

[1]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

употреблялись при провѣркѣ на мѣстѣ вѣдомостей о населеніи и его движимомъ и недвижимомъ имуществѣ. Пріемы эти были чисто военнаго характера. Извѣстіе объ нихъ и вообще картину провѣрки по нимъ „описи“ мы находимъ въ „Исторіи Руссовъ“.

Авторъ оной, кто-бы онъ ни былъ, имѣлъ ближайшія объ этомъ дѣлѣ свѣдѣнія и передаетъ объ немъ со словъ участниковъ ревизіи, или очевидныхъ ея свидѣтелей, хотя, быть можетъ, съ примѣсью своего личнаго или извѣстной общественной группы мнѣнія. Графъ Румянцевъ, говоритъ онъ, обозрѣлъ знатнѣйшіе города и затѣмъ, вмѣсто консистентскихъ дачъ, учредилъ единообразный денежный сборъ съ хаты по 1 р. 2 к. Народъ малороссійскій былъ облегченъ и облагодѣтельствованъ этимъ. „Но какъ блаженство человѣческое по невѣдомымъ судьбамъ всегда почти преслѣдуется какимъ ни есть зломъ, его обременяющимъ, и даетъ матерію самимъ философамъ препираться цѣлые вѣка о началѣ добра и зла, доселѣ ими нерѣшенныхъ, то и народъ малоросійскій, при благоденствіи своемъ, посѣщенъ былъ симъ общимъ жребіемъ злаго навѣта. Графъ Румянцевъ въ 1767 году повелѣлъ учинить всему народу и его имѣнію генеральную опись, которая какъ въ своемъ родѣ, такъ и въ способѣ ея произведенія, была новость необыкновенная. Коммисіонерами къ тому наряжены въ каждый повѣтъ штабъ, оберъ и ундеръ-офицеры со многими писарями и рядовыми изъ великороссійскихъ консистующихъ полковъ и гарнизоновъ, кои, знавъ только строить и ранжировать солдатъ и ихъ школить, поступали по тѣмъ правиламъ и съ поселянами. Въ каждомъ селеніи выгоняли народъ изъ жилищъ его на улицы, не обходя никого, и даже самыхъ ссущихъ младенцевъ, строили ихъ шеренгами и держали такъ на всякихъ погодахъ, въ ожиданіи прохода по улицамъ главныхъ коммисіонеровъ, кои, дѣлая имъ перекличку, замѣчали каждаго на грудяхъ крейдою и угольями, чтобы съ другими не замѣшался. Скотъ обывательскій, державный вмѣстѣ при своихъ хозяевахъ, также пересмотрѣнъ и переписанъ, яко значущій имѣніе хозяевъ. Ревъ скотскій и плачь младенцевъ издали возвѣщали о приближеніи къ нимъ коммисіонеровъ со многочисленною ассистенціею. Послѣ людей и скотовъ принимались за помѣщиковъ и владѣльцевъ. Отъ нихъ требованы были крѣпости и доказательства на владѣнія помѣстьями и землями, и тутъ-то по-

трясали всѣ сокровища каждаго. Обыкновенно домогались нѣякихсь писцовыхъ книгъ и жалованныхъ царскихъ грамотъ, но грамоты здѣсь были у однихъ поповъ на парафіи, да и то архіерейскія; а какъ помѣщикамъ, по правамъ и договорнымъ статьямъ ихъ, всѣ надачи и пожалованья происходили отъ гетмановъ и трибунальныхъ правительствъ, а только не многіе имѣли на то подтвержденія царскія по ихъ желаніямъ и случившимся нарочитымъ оказіямъ, то и представлены отъ всѣхъ владѣтелей универсалы гетманскіе и декреты судовые; но ихъ сначала считали за паспорты или покормежныя, а не много что за свидѣтельства обыкновенныя, и послѣ уже мало по малу приходили они въ свою силу, смотря по старательствамъ владѣльцевъ и ихъ пожертвованіямъ. Опись оная, со всѣми ея страшными слѣдствіями и поисками, не имѣла своего окончанія и нечаянно уничтожилась. Возгорѣвшаясь съ турками война за дѣла польскія дала малороссіянамъ другую работу. Все въ ней кипѣло и шумѣло, и все занималось выстаченіемъ войска, работниковъ, погонщиковъ, фуръ съ волами и провіанта къ арміямъ, со всѣми другими къ нимъ принадлежностями. Малороссіяне, не смотря на тогдашнюю свою тягость и безпримѣрныя заботы, прославляли Бога, имъ тако благодѣтельствовавшаго, приписывая промыслу Его открытіе войны на избавленіе ихъ отъ генеральной описи и ея послѣдствій, грозившихъ, по ихъ мнѣнію, разрушеніемъ собственности и стяжанія каждаго“ [1]).

Приведенная картина грѣшитъ, можетъ быть, въ частностяхъ, отзывается страстностью, преувеличеніемъ, но основной фонъ ея носитъ на себѣ печать исторической дѣйствительности и служитъ вѣрнымъ отраженіемъ порожденной описью пертурбаціи, особливо въ средѣ тогдашняго малороссійскаго панства, желавшаго одновременно и сохранить свою политическую автономію, „пактами Богдана Хмельницкаго утвержденную“, и закрѣпостить жившихъ на ихъ земляхъ крестьянъ и даже козаковъ. Чрезвычайно характерны и совершенно въ духѣ гого времени, въ нравахъ и понятіяхъ выполнителей „Описи“ и эти требованія „нѣякихсь писцовыхъ книгъ и жалованныхъ грамотъ“, и признаніе гетманскихъ универсаловъ

---

[1]) Исторія Руссовъ. Москва, 1846 г., стр. 256—257.

за паспорты и покормежныя, и выстраиваніе людей и скотовъ по ранжиру, и отмѣчиваніе ихъ мѣломъ и углемъ, и даже желаніе сорвать что либо съ переписываемыхъ въ свою пользу.

Но для насъ именно эти пріемы и служатъ гарантіей достовѣрности „генеральной описи“. Очевидно, провѣрка данныхъ происходила самымъ тщательнымъ образомъ, и въ жертву ей были принесены даже временныя неудобства для населенія.

Въ виду дошедшей до насъ, какъ мы въ своемъ мѣстѣ замѣтили, цѣлой почти половины „Описи“, едва-ли есть надобность говорить о томъ, что выраженіе „Исторіи Руссовъ“, будто „опись не имѣла окончанія и нечаянно уничтожилась“, надо понимать въ смыслѣ того, что окончательное ея изготовленіе и примѣненіе къ дѣлу добытыхъ ею результатовъ было прервано возгорѣвшеюся съ турками войною. Никто также не признаетъ буквально и того, будто „Опись“ была какою-то карою, посланною отъ Бога на народъ малороссійскій. Такою она могла казаться тѣмъ, которые чувствовали себя виновными въ захватахъ чужихъ земель и закрѣпощеніи свободныхъ людей, а такихъ, какъ мы знаемъ, было тогда много и ихъ-то и имѣла между прочимъ въ виду „Опись“. Не даромъ въ самомъ началѣ Румянцевской ревизіи возникла масса жалобъ и процессовъ со стороны закрѣпощенныхъ козаковъ, и самъ Румянцевъ особымъ манифестомъ отъ 26 мая 1765 года рекомендовалъ многочисленнымъ искателямъ козачества не бросать своихъ владѣльцевъ, а нести въ ихъ пользу повинности до тѣхъ поръ, пока ихъ право не будетъ утверждено судебнымъ порядкомъ [1]). Впрочемъ надежды потерпѣвшихъ продолжались не долго: черезъ годъ послѣ начала генеральной описи Румянцевъ высказывается уже въ пользу прекращенія исковъ о козачествѣ.

Прошелъ 1766-й, подходилъ къ концу 1767 годъ, а опись далеко еще не была окончена даже вчернѣ. Въ мартѣ 1767 года полученъ былъ запросъ отъ Румянцева, кончена-ли черновая опись въ миргородскомъ полку. А мы знаемъ, что тогда-же, въ томъ-же мартѣ мѣсяцѣ, многими владѣльцами не доставлены были еще вѣдомости о своихъ имѣніяхъ, и полковая миргородская канцелярія подтверждаетъ со-

---

[1]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

тенному хорольскому правленію еще разъ напомнить землевладѣльцамъ о скорѣйшей ихъ присылкѣ [1]). Вѣдомость о церквахъ и ихъ земляхъ была представлена только 11 февраля 1769 года [2]). За то въ кіевскомъ полку черновыя вѣдомости были уже составлены въ началѣ 1767 года [3]).

Во всякомъ случаѣ теперь выступилъ на очередь вопросъ о перепискѣ набѣло генеральной описи. Съ этою цѣлью въ каждую сотню было назначено по пяти писцовъ; сюда-же должно было присоединиться въ качествѣ руководителей и нѣсколько бунчуковыхъ товарищей, капраловъ и канцеляристовъ. Но и здѣсь не обошлось безъ затрудненій. Начальникъ черниговской ревизіонной коммисіи жалуется, что присылаемые писцы или вовсе почти не умѣютъ писать, или-же уклоняются отъ службы, даже просто *скрываются, неизвѣстно куда*, такъ какъ вовсе не получаютъ жалованья. Малорссійская коллегія распорадилась, что-бы писцы не отлучались ранѣе окончанія своего дѣла, иначе будутъ жестоко наказаны; ссылка на неполученіе жалованья, говорилось въ указѣ, не можетъ быть принята во вниманіе, такъ какъ въ Малороссіи никто изъ писцовъ не получаетъ жалованья, а всякій содержитъ себя изъ своего имущества.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ опредѣлить, когда была совершенно окончена генеральная опись; можемъ только думать, что въ иныхъ полкахъ она была окончена рано, а въ другихъ затянулась до 1769 года. Въ переяславскомъ полку переписка набѣло вѣдомостей окончилась въ апрѣлѣ 1768 года [4]). Во всякомъ случаѣ въ 1769 г. войска уже выступили въ походъ противъ турокъ и опись должна была прекратиться.

Разсматривая самыя описи, мы замѣчаемъ, что онѣ были исполнены согласно съ извѣстными уже намъ инструкціями; если и были отступленія, то самыя незначительныя. Описи, какъ и инструкціи, раздѣляются на 4 разряда: 1) описи козачьихъ владѣній

---

[1]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку миргородскомъ.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

[4]) Дѣло о сочиненіи генеральной описи въ полку переяславскомъ.

2) монастырскихъ, ранговыхъ и урядовыхъ маетностей, 3) владѣльческихъ маетностей и 4) городовъ. Какъ въ селеніяхъ, такъ и въ городахъ произведено было подворное описаніе. Отвѣты были получены на всѣ вопросы, помѣщенные въ инструкціяхъ, исключая тѣхъ, которые пришлось выбросить съ самаго начала и на которые мы уже указывали раньше. Составъ семействъ былъ провѣренъ на мѣста ревизорами, такъ-же точно какъ и помѣщенія (жилыя и нежилыя). Количество поземельной собственности опредѣлено до мельчайшихъ подробностей: перечисляются всѣ куски земли, принадлежащіе данному лицу, хотя-бы они были ничтожной величины; величина участковъ опредѣляется правда не десятинами и саженями, а днями, упругами, количествомъ высѣваемаго хлѣба и т. д.; но эти мѣры безъ труда могутъ быть переведены на наши. Мало того— почти постоянно опредѣляется положеніе всякой нивки (такимъ или инымъ урочищемъ), указывается и количество высѣваемаго хлѣба, скашиваемой травы. Во всякомъ случаѣ количество земли и посѣвовъ опредѣляется довольно точно. Очень ясное представленіе мы можемъ также имѣть о доходахъ съ большихъ имѣній, потому что помимо земель здѣсь перечисляются всѣ угодья, въ родѣ мельницъ, винокурень, лѣсовъ и т. д.. При описи монастырскихъ имѣній перечисляются даже повинности посполитыхъ по отношенію къ монастырю. Жаль только, что такихъ свѣдѣній нѣтъ относительно имѣній владѣльческихъ; вслѣдствіе этого положеніе посполитыхъ владѣльческихъ изъ одной Румянцевской описи для насъ не вполнѣ уясняется. Съ оной стороны повинности крестьянъ по отношенію къ владѣльцамъ были самыя разнообразныя, а съ другой русское правительство вообще не желало вмѣшиваться въ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ; оно, напримѣръ, не принимало никакихъ мѣръ противъ постепеннаго закрѣпощенія посполитыхъ. Но и для вопроса о положеніи крестьянъ мы находимъ въ Румянцевской описи многочисленныя и важныя данныя (тамъ, напримѣръ, опредѣляется количество обрабатываемой ими земли, принадлежащаго имъ скота, казенныхъ сборовъ и т. д.). Описи городовъ даютъ намъ точныя цифровыя данныя о количествѣ разнаго рода ремесленниковъ, о промыслахъ и торговлѣ, о казенныхъ сборахъ; сюда-же нужно присоединить и свѣдѣнія о поземельной собственности, которая въ то время не являлась исключительною

принадлежностью сельскаго населенія, а почти въ равной степени принадлежала и городскимъ жителямъ; такъ было по крайней мѣрѣ въ маленькихъ сотенныхъ городахъ. Въ замѣнъ исключенныхъ самимъ Румянцевымъ изъ инструкцій вопросовъ о количествѣ вольно-наемныхъ рабочихъ и ихъ поденной платѣ, находимъ въ описяхъ свѣдѣнія о прибылыхъ и убылыхъ людяхъ. Обыкновенно въ концѣ подворнаго описанія селенія помѣщается длинная вѣдомость объ умершихъ, пришедшихъ и ущедшихъ людяхъ; въ особенности любопытны данныя „объ исшедшихъ невѣдомо куда людяхъ"; здѣсь-же мы находимъ чрезвычайно важныя свѣдѣнія „о завладѣнныхъ грунтахъ"; иногда въ одномъ селдніи находимъ цѣлые десятки такихъ грунтовъ, а рядомъ съ ними пустые, никоиу не принадлежащіе „плецы и грунта".

Не менѣе важны свѣдѣнія объ общевладѣемыхъ земляхъ и угодьяхъ; мы ихъ находимъ частью въ описяхъ, а частью въ дѣлахъ о производствѣ описей въ разныхъ полкахъ.

Во всѣхъ описяхъ мы находимъ частное личное землевладѣніе и только въ нѣкоторыхъ наталкиваемся на общественныя пахатныя земли; оказывается, что въ нѣкоторыхъ козацкихъ селахъ (главнымъ образомъ на полтавскомъ побережьѣ) козаки пашутъ на общевладѣемой козацкой землѣ; большинство впрочемъ при этомъ имѣетъ и личную собственность.

Очень важны также свѣдѣнія о разныхъ общественныхъ учрежденіяхъ—городскихъ магистратахъ, церквахъ, шпиталяхъ, школахъ, шинкахъ и т. д.

И такъ, генеральная опись Малороссіи, можно сказать, *вполнѣ удалась графу Румянцеву.*

Какое-же значеніе она имѣла для тогдашней Малороссіи? Каковы были ея результаты?

Мы видѣли, что главною цѣлью ревизіи выставлялось желаніе, „что-бы каждый оставался при своихъ правахъ и имуществѣ, а насилія и притѣсненія были уничтожены". Но такая цѣль отличается слишкомъ общимъ, неопредѣленнымъ характеромъ. Графъ Румянцевъ былъ администраторъ—реформаторъ; такова была притомъ и его миссія. Онъ былъ назначенъ правителемъ Малороссіи въ тотъ моментъ, когда былъ нанесенъ послѣдній ударъ ея автономному существованію. Требовалось по возможности под-

вести Малороссію подъ общія нормы русской жизни. Между тѣмъ старыя учрежденія были еще живы—и полковыя канцеляріи, и сотенныя правленія и весь штатъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ; уничтожить всѣ эти остатки прошлаго было сравнительно легко, гораздо труднѣе было переформировать соціальныя отношенія, которыя слагались вѣками, имѣли свою исторію и традицію. Уничтожить или реформировать ихъ однимъ почеркомъ пера было трудно. Бытъ, права и отношенія сословій въ Малороссіи были вовсе не тѣ, что въ остальной Россіи. Правда здѣсь были такія аномаліи, которыя бросались въ глаза всякому, а особенно новому человѣку. Румянцевъ въ свою поѣздку по Малороссіи могъ присмотрѣться къ нимъ. Козаки, напримѣръ, постоянно жалуются на закрѣпощеніе ихъ владѣльцами и притѣсненія старшиною. Горожане жалуются на козаковъ и владѣльцевъ, что тѣ занимаются торговлей и не несутъ никакихъ повинностей въ пользу магистрата. Помѣщики жалуются на постоянные своевольные переходы крестьянъ отъ одного владѣльца къ другому. Всѣ эти непорядки усмотрѣны и изложены были Румянцевымъ въ особенной запискѣ, представленной имъ императрицѣ. Тогда-же, по всей вѣроятности, у графа Румянцева созрѣлъ и планъ реформъ, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ. Уже въ упомянутой нами запискѣ 1765 года Румянцевъ въ вопросѣ о закрѣпощеніи козаковъ обвиняетъ болѣе козаковъ, чѣмъ владѣльцевъ: „хотя съ одной стороны, говоритъ онъ, владѣльцевъ вовсе извинить не можно, что они козаковъ во владѣніяхъ своихъ и понынѣ много имѣютъ, однако-жъ козаки сами больше въ томъ виновны, что они въ свое время о порабощеніи не искали; а ежели отъ службы бѣжали, укрываясь отъ оной, какъ много и изъ дѣлъ оказывается, то казни и наказанія достойны“. „Надлежитъ разсуждать, оканчиваетъ графъ Румянцевъ, какимъ образомъ въ семъ пунктѣ, общественаго добра ради, единожды навсегда на мѣрѣ поставить и тѣмъ самымъ пресѣчь всѣ и всякія родящіяся неустройства?[1])“ Въ моментъ составленія генеральной описи была предоставлена полная возможность бывшимъ козакамъ, обращеннымъ въ посполитые, доискиваться козачества; графъ Румянцевъ въ своей инструкціи обращаетъ вниманіе на закрѣпощеніе козаковъ и считаетъ необходимымъ бороться съ этимъ зломъ. И

[1]) Авсѣенко. Малороссія въ 1767 г., стр. 149.

дѣйствительно, во время производства генеральной описи возникла цѣлая масса дѣлъ о козачествѣ. Какъ-же отнесся къ этому графъ Румянцевъ? Въ отвѣтъ на это приведемъ выдержки изъ его собственной записки, относящейся къ 1766 году. Прежде всего онъ предлагаетъ, „что-бъ отъ сего времени никого болѣе въ козаки не писать, а кто по нынѣшней генеральной въ Малой Россіи описи, къ окончанію приводимой, гдѣ какъ найденъ будетъ, тому тамъ уже и быть вѣчно, о козачествѣ-жъ молчать". При нынѣшней-же системѣ веденія такихъ дѣлъ, говоритъ онъ, происходятъ слѣдующія неустройства: 1) сами козаки, оставивъ свои грунты, вписываются въ посполитые, а потомъ, указывая на свое козацкое происхожденіе, требуютъ себѣ снова земель, 2) часто получаютъ званіе козацкое тѣ изъ посполитыхъ, которые за козаковъ отбывали воинскую службу и женились на козацкихъ дочеряхъ, 3) иногда бѣглые крестьяне осаживаются на козачьемъ грунтѣ и числятся козаками и т. д. „И такъ соглашая политическія причины, заканчиваетъ графъ Румянцевъ, съ добромъ приватнымъ, какъ не предлежитъ никакая нужда умножать безпрерывно число козаковъ, въ настоящемъ образѣ отягощающихъ только протчихъ жителей, а служба ихъ столь безстройна, сколь ни къ чему неудобна и не надежна, и поелику настоящее ихъ число составляетъ 71,064 хатъ и больше, нежели постановлено при Хмельницкомъ и другихъ гетманахъ, и которыхъ для воинской государственной службы довольно будетъ, и, ежели угодно будетъ ея императорскому величеству, *сію милицію привесть въ настоящій порядокъ воинскихъ людей* [1])".

Такимъ образомъ графъ Румянцевъ желаетъ съ одной стороны прекратить дѣла о козачествѣ, а съ другой имѣетъ болѣе широкій планъ обратить козацкую милицію въ регулярное войско. Какъ извѣстно, эта мысль осуществилась окончательно позже, а въ наступившей вскорѣ турецкой войнѣ пригодилась и „безстройная и ни къ чему неудобная" служба козаковъ. Впрочемъ гораздо важнѣе

---

[1]) Мнѣніе генералъ аншефа, Малороссійскаго генералъ губернатора и кавалера, графа Румянцева о скупкѣ въ Малой Россіи козачихъ имѣній, о свободныхъ посполитыхъ и о живущихъ въ подданствѣ козакахъ, какъ имъ нынѣ быть и впредь оставаться (Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн., 1816 г., кн. 2-я, стр. 62—63).

былъ вопросъ о козацкомъ землевладѣніи, чѣмъ о ихъ воинской службѣ. Козацкое званіе было тѣмъ привлекательно, что связывалось съ личною свободою и правомъ личной поземельной собственности. Отсюда совершенно понятно у народа стремленіе оказачиваться, стремленіе, которое съ особенною силою стало проявляться въ послѣднее время, когда крестьянское сословіе все болѣе и болѣе закрѣпощалось. Прежде (непосредственно послѣ Хмельницкаго) трудно было провести границу между посполитыми и козаками, теперь-же между ними выкапывалась пропасть, которую Румянцевская генеральная ревизія окончательно санкціонировала. Графъ Румянцевъ готовъ былъ оставить за козачествомъ его прежнія земельныя права, но подъ условіемъ выдѣленія его въ особое замкнутое сословіе, строго ограниченное въ своемъ числѣ; только тогда центральное русское правительство могло, по мнѣнію Румянцева, получать доходы съ козачьихъ земель [1]). Такимъ образомъ здѣсь проскальзываетъ уже до нѣкоторой степени фискальная цѣль Руминцева, но еще яснѣе она проявляется въ другихъ случаяхъ, напримѣръ въ вопросѣ о ранговыхъ и монастырскихъ имѣніяхъ: и тѣ, и другія Румянцевъ рекомендуетъ отобрать въ казну, а въ замѣнъ ихъ назначить чиновникамъ и военнымъ жалованье, а монастырямъ и церквамъ опредѣленное содержаніе [2]). Наконецъ сама императрица Екатерина II въ письмѣ къ Олсуфьеву говоритъ, что нужно "раздѣлить ихъ настоящія права съ тѣми, которыя они сами себѣ присвоили, и что во всемъ ему должно имѣть лисій хвостъ и волчій ротъ. *Доходовъ никакихъ нѣтъ оттуда, но еще отсель имъ дается 48,000 р.* [3])". Очевидно, мнѣнія свои Румянцевъ черпалъ изъ кабинета ея величества. При отправленіи въ Малороссію онъ получилъ инструкцію, въ составленіи коей такое или иное участіе долженъ былъ принимать знаменитый опекунъ бывшаго гетмана Разумовскаго—Тепловъ, тотъ самый Тепловъ, который первый написалъ записку о непорядкахъ въ Малороссіи; остальные (канцлеръ Бестужевъ—Рюминъ, графъ Румянцевъ) были только его подражателями и продолжателями.

---

[1]) Ibid., стр. 66

[2]) Аѳѣенко. Малороссія въ 1767 г., стр. 145—147.

[3]) Русскій Архивъ, 1863 г.

И такъ козаковъ генеральная опись старалась обособить въ особое замкнутое сословіе и ограничить по возможности ихъ число.

Посмотримъ теперь, каковы были результаты Румянцевской ревизіи и нѣкоторыхъ другихъ его административныхъ распоряженій для крестьянъ.

Малороссійскіе крестьяне ничего не выиграли отъ реформъ перваго россійскаго администратора. Уже въ первой запискѣ графа Румянцева о непорядкахъ въ Малороссіи насъ поражаетъ то обстоятельство, что тамъ нѣтъ никакихъ указаній на тяжести крестьянскаго быта; указываются аномаліи городскаго, козацкаго, даже шляхетскаго быта, у крестьянъ же единственнымъ источникомъ бѣдъ выставляется „мнимое къ свободѣ своевольство". Въ рубрикѣ „о простомъ народѣ" мы читаемъ: „простой народъ мнимымъ къ свободѣ своевольствомъ доведенъ до крайняго нерадѣнія о своемъ собственномъ, до лѣности и распутства; ибо многіе, оставляя свои пахатныя и другія земли, бродятъ изъ мѣста на другое, и чтобъ удобнѣе провождать жизнь праздную и распутную, остаются навсегда безъ грунтовъ, подъ именемъ подсусѣдковъ, работая лѣниво за кормъ и напой виномъ[1])". Графъ Румянцевъ не задавался вопросомъ, какія причины вызывали это постоянное движеніе крестьянъ; для него онѣ сводились къ своевольству, хотя на самомъ дѣлѣ онѣ заключались въ усиленіи власти помѣщиковъ, въ увеличеніи повинностей. Впрочемъ и объ этомъ графъ Румянцевъ узналъ не отъ крестьянъ, а отъ тѣхъ-же помѣщиковъ: помѣщики жаловались ему на развитіе подсусѣдчества и крестьянскихъ переходовъ. Въ отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ онъ не хотѣлъ вмѣшиваться, онъ ихъ вовсе игнорировалъ. Указаній на нихъ мы не находимъ въ его инструкціяхъ, какъ общихъ, такъ и частныхъ; не находимъ ихъ и въ самой описи. Требуются самыя точныя свѣдѣнія о количествѣ скота, холодныхъ построекъ—и вовсе нѣтъ вопроса о повинностяхъ крестьянъ по отношенію къ державцамъ. Очевидно, этотъ вопросъ Румянцевъ считаетъ домашнимъ, такъ сказать, вопросомъ самихъ помѣщиковъ; нельзя отсутствіе его въ Румянцевскихъ инструкціяхъ объяснять разнообразіемъ крестьянскихъ повинностей, потому что рядомъ съ

[1]) Авсѣенко. Малороссія въ 1767 г., стр. 150.

этимъ стояли не менѣе трудные вопросы (напримѣръ, подробное перечисленіе всѣхъ нивокъ, сѣнокосныхъ угодій и т. д., съ указаніемъ на способъ ихъ пріобрѣтенія). Наконецъ въ монастырскихъ маетностяхъ мы находимъ указанія на повинности по отношенію къ монастырямъ. И такъ крестьянскій вопросъ въ Малороссіи Румянцевъ понималъ только, какъ вопросъ объ ограниченіи права свободнаго перехода. И въ этомъ случаѣ онъ выражалъ взглядъ, господствовавшій въ высшемъ центральномъ правительствѣ. Такой-же точно взглядъ выражалъ и Тепловъ, широко распространяясь о вредѣ свободнаго перехода крестьянъ [1]), канцлеръ Бестужевъ-Рюминъ [2]) и наконецъ сама императрица; въ упомянутомъ уже нами письмѣ къ Олсуфьеву она говоритъ: „прибавить надлежитъ, чтобъ сколь возможно привести оный народъ къ тому, чтобы мужики съ мѣста на мѣсто не перешли [3])“.

Но Румянцевская ревизія не только не уменьшила постоянныхъ переходовъ, а еще болѣе усилила ихъ. Еще раньше (въ 1763 г.) былъ изданъ указъ, нѣсколько ограничивавшій свободу перехода; онъ, нужно думать, стоялъ въ связи съ постоянными жалобами на бѣгство и переходы крестьянъ, исходившими отъ малороссійскихъ державцевъ [4]). Въ Румянцевской описи народъ видѣлъ попытку прикрѣпить его къ землѣ—и бѣгства, переходы усилились еще больше. Не принесли никакой пользы билеты, которыми владѣлецъ долженъ былъ снабжать своихъ крестьянъ при отходѣ ихъ къ другому владѣльцу, ни угроза штрафовъ, потому что всегда среди помѣщиковъ находились охотники принять къ себѣ чужихъ крестьянъ, хотя и безбилетныхъ; не могло пособить горю и живое содѣйствіе помѣщикамъ со стороны малороссійской коллегіи, руководимой своимъ президентомъ. Народъ уходилъ толпами въ Запорожье, Новороссію, переходилъ отъ одного помѣщика къ другому. Такъ дѣло продолжалось до 1783 года, когда изданъ былъ зна-

---

[1]) Записки о южной Руси, т. II, стр. 194—196.

[2]) Архивъ князя Воронцова, кн. XXV,

[3]) Русскій Архивъ, 1863 г.

[4]) См. объ этомъ Лазаревскаго «Малороссійскіе посполитые кр.», стр. 109.

менитый указъ, закрѣпостившій окончательно малороссійскихъ крестьянъ.

Приходится, слѣдовательно, сознаться, что для крестьянства генеральная Румянцевская ревизія не только не имѣла полезныхъ результатовъ, но даже прямо вредные, потому что выдѣляла ихъ въ замкнутое безправное сословіе, отданное на произволъ державцевъ.

Очевидно также, что малороссійскому шляхетству нечего было бояться генеральной описи, потому что она не нарушила ихъ права землевладѣнія и даже санкціонировала ихъ фактическую власть надъ посполитыми.

Что-же касается значенія Румянцевской описи для городскаго сословія, то мы затрудняемся сказать въ этомъ отношеніи какое нибудь положительное мнѣніе. Можно предполагать, что она, раскрывъ аномаліи городской жизни, должна была вмѣстѣ съ тѣмъ вызвать и нѣкоторыя рѣшительныя мѣры для ихъ устраненія.

Таково и вообще значеніе Румянцевской описи. Для своего времени она должна была явиться источникомъ всякаго рода свѣдѣній, необходимыхъ для разныхъ административныхъ соображеній и мѣропріятій. Открылась по крайней мѣрѣ возможность опираться на Румянцевскую опись всякому, кто искалъ нарушенныхъ правъ на землю. Въ этомъ отношеніи она была несравненно достовѣрнѣе всѣхъ тѣхъ ревизій, которыя производились до нея малороссійскими чиновниками и имѣли въ виду опредѣлить податную способность населенія [1]).

Въ настоящее время она представляется драгоцѣннѣйшимъ матеріаломъ для изученія внутренней бытовой исторіи Малороссіи въ половинѣ XVIII вѣка въ хозяйственномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Тамъ мы только найдемъ рѣшеніе вопросовъ о землевладѣніи, сельскомъ хозяйствѣ, бытѣ городскаго, дворянскаго, козацкаго и крестьянскаго сословій; при томъ это будетъ матеріалъ точныхъ фактовъ и цифръ. Къ даннымъ ея мы можемъ относиться съ довѣріемъ, узнавши, какъ они собирались. Имѣетъ также боль-

---

[1]) См. ревизіи и компуты малороссійскихъ полковъ въ Архивѣ малороссійской коллегіи и библіотекѣ кіевской археограф. коммиссіи.

шое значеніе и историко-юридическій ея матеріалъ, заключающійся въ безчисленномъ множествѣ жалованныхъ грамотъ на маетности, универсаловъ, духовныхъ завѣщаній, купчихъ крѣпостей и т. д.

Настоящей статьей мы хотѣли обратить вниманіе интересующихся исторіею лѣвобережной Украйны лицъ на Румянцевскую опись. Такой памятникъ не можетъ быть подъ спудомъ, онъ долженъ быть изданъ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Харьковъ. **Димитрій Багалѣй.**

Записки Карла Хоецкаго.

(1768—1776 г.).

(Продолженіе) [1]).

ГЛАВА VI.

Передвиженіе плѣнныхъ изъ Тобольска въ Тару и опредѣленіе ихъ въ военную службу.

Мы почувствовали крайнее уныніе при видѣ столь жестокаго обращенія съ нашими союзниками; притомъ мы испытывали сами безжалостное къ намъ отношеніе, такъ какъ въ теченіе всей зимы насъ не оставляли постоянно двигать все дальше и дальше; особенно смутило насъ распоряженіе, вслѣдствіе котораго мы должны были совершать пѣшкомъ предстоявшій путь, въ Сибири-же это обстоятельство составляетъ весьма тяжелое условіе, ибо сибирскую зиму невозможно даже сравнивать съ зимою въ Польшѣ; холодъ и морозы гораздо сильнѣе и снѣгъ настолько обиленъ, что часто представляетъ пластъ толщиною въ десять локтей ($2^1/_2$ сажени).

Мы выступили изъ Тобольска при страшномъ холодѣ, въ мятель; ни слѣда дороги не было видно и мы брели въ снѣгу по поясъ съ величайшимъ трудомъ и горемъ; подвигаясь такимъ образомъ, въ теченіи дня, мы успѣли пройти лишь одну милю и только поздно ночью дотащились до какого-то селенія; здѣсь намъ отвели тѣсныя квартиры и дозволили въ нихъ долго отдыхать утромъ слѣдующаго дня, послѣ утомительной вчерашней дороги. Насъ провожали капитанъ тобольскаго гарнизона и десять человѣкъ солдатъ; капитанъ этотъ оказался человѣкомъ разсудительнымъ и добродушнымъ: онъ сообщилъ намъ по секрету, что инструкція, данная ему, разрѣшаетъ требовать подводъ для больныхъ въ случаѣ, если кто изъ насъ заболѣетъ на пути слѣдованія; потому онъ совѣтовалъ намъ постепенно сказываться больными и док-

[1]) См. янв. и март. кн. «Кіевск. Старины» за 1883 г., стр. 145—160 и 600—646.

ладывать ему объ этомъ чрезъ сержанта, но мы не должны были дѣлать этого всѣ вдругъ, а постепенно, черезъ каждыя три или четыре станціи. Мы были искренно благодарны капитану за это благодѣтельное извѣстіе и немедленно имъ воспользовались. Тутъ-же, въ первомъ селеніи, восемьнадцать человѣкъ сказалось больными и капитанъ потребовалъ для нихъ подводъ; въ теченіи дальнѣйшаго пути оказалось, что всѣ мы постепенно заболѣвали и вслѣдствіе этого пріѣхали въ Тару всѣ на саняхъ. Здѣсь мы встрѣтили конфедератовъ, которые еще до начала зимы были сюда присланы изъ Тобольска; насъ-же послѣ пріѣзда распредѣлили по квартирамъ и объявили, что на другой день насъ отправятъ въ дальнѣйшій путь, еще за 170 миль, въ Иркутскую губернію, и что потому мы должны быть готовы въ дорогу къ означенному времени.

Комендатъ города Тары былъ человѣчъ весьма обходительный; по польски онъ говорилъ, какъ природный полякъ. Узнавъ объ этомъ, нѣсколько человѣкъ насъ отправились къ нему съ просьбою, чтобы онъ оставилъ насъ на зиму въ Тарѣ по причинѣ совершеннаго истощенія нашихъ силъ; онъ долго отказывалъ намъ въ исполненіи этой просьбы, но, наконецъ, обѣщалъ удовлетворить ее; вслѣдствіе этого насъ отчислили отъ нашей партіи, которой приказано было собираться въ путь на слѣдующій день.

Несчастные товарищи наши объяты были глубокою скорбью, когда имъ было заявлено о необходимости столь далекаго путешествія, пѣшкомъ, среди мятелей, снѣга, холода и мороза. Они сознавали, что находятся уже за нѣсколько сотъ миль отъ границъ отечества и что дальнѣйшее передвиженіе предвѣщаетъ имъ гибель или пожизненное пребываніе на мѣстѣ ссылки; потому, потерявъ всякую надежду на возвратъ въ отечество, они преисполнились отчаянія и печали. Утромъ имъ приказано было выступать въ походъ подъ конвоемъ, состоявшимъ изъ поручика, сержанта и двѣнадцати солдатъ; они простились съ нами безъ всякой надежды на новую встрѣчу въ будущемъ и отправились въ тягостный и безнадежный путь; при выходѣ составленъ былъ и прочтенъ поименный ихъ списокъ.

Мы-же остались въ Тарѣ и причислены были къ той партіи, которая раньше насъ была прислана сюда на зимовку; намъ тотъ-часъ

отвели квартиры въ городѣ. Тара городъ весьма порядочный, хотя состоитъ исключительно изъ деревянныхъ домовъ; онъ находится подъ управленіемъ воеводы и отдѣльнаго коменданта города, въ вѣдѣніи котораго находились плѣнные. Комендатъ оказался человѣкомъ весьма вѣжливымъ и гуманнымъ; мы посѣщали его очень часто и онъ бесѣдовалъ съ нами о различныхъ мѣстностяхъ нашего отечества, въ которыхъ ему случалось бывать, отзывался съ одобреніемъ о нашихъ согражданахъ и хвалилъ ихъ развитіе и общительность. Воевода тарскій, слыша эти отзывы коменданта, оказывалъ намъ также дружбу и расположеніе; такимъ образомъ жизнь наша въ Тарѣ въ теченіе зимы прошла довольно спокойно и удобно, тѣмъ болѣе, что мы пользовались здѣсь обычною во всей Сибири дешевизною необходимыхъ для жизни продуктовъ; 10 грошей, которые мы получали суточно, не только были достаточны для нашего прокормленія, но мы могли даже дѣлать нѣкоторыя сбереженія для покупки одежды. Такъ какъ китайскія ткани очень дешевы въ Сибири, то мы по большей части и покупали ихъ для пополненія нашего костюма.

Съ наступленіемъ весны пришло новое предписаніе о томъ, чтобы доставить о насъ точныя свѣдѣнія относительно нашего роста, наружности, цвѣта волосъ и возраста. Немедленно мы призваны были въ канцелярію и здѣсь составлена была требуемая вѣдомость. Мы поняли, что распоряженіе это предвѣщало намъ опредѣленіе въ военную службу и потому исполнились страха и отчаянія; мы вспомнили, что въ Казани, Тобольскѣ и Тарѣ мы встрѣчали многихъ соотечественниковъ, попавшихъ въ Сибирь еще во время смутъ, бывшихъ при королѣ Лещинскомъ (1734); они состарѣлись въ ссылкѣ и потеряли всякую надежду на освобожденіе; ожиданіе такой-же участи смущало насъ неимовѣрно и наводило на насъ ужасъ.

Когда въ Тарѣ окончили перепись и помѣтили ростъ и возрастъ каждаго, то насъ распредѣлили на двѣ категоріи: болѣе молодыхъ, къ которымъ и я былъ причисленъ, рѣшили сдать въ военную службу въ дѣйствующую армію, болѣе-же пожилыхъ причислить къ мѣстной козацкой милиціи. Вскорѣ составили изъ насъ партію въ 120 человѣкъ и, заказавъ для насъ подводы, приказали собираться въ путь въ го-

родъ Омскъ, гдѣ насъ должны были опредѣлить въ дивизію сибирскихъ драгунъ, расположенную на границѣ съ киргизами.

Такъ какъ уже нѣсколько разъ составлялись подобные списки съ обозначеніемъ нашего возраста и примѣтъ, то мы надѣялись, что и въ этомъ случаѣ дѣло останется безъ послѣдствій, и не предполагали, что дѣйствительно будемъ зачислены въ военную службу. Когда подводы были готовы, насъ созвали по списку и передали подъ начальство особаго офицера и подъ надзоръ отряда солдатъ. Мы отправились въ путь, въ Омскъ, размѣстившись по три человѣка на каждой повозкѣ. Погода была благопріятна и дорога хороша: въ селахъ, гдѣ мы останавливались на ночь, крестьяне постоянно предсказывали, что въ Омскѣ мы облачимся въ драгунскій мундиръ, но мы этому не вѣрили и такъ какъ подобнаго рода разговоры раздражали насъ, то мы бранили хозяевъ. Проѣхавъ такимъ образомъ 25 миль, отдѣляющихъ Тару отъ Омска, мы достигли послѣдняго города въ 10 часовъ утра.

Въ Омскѣ намъ отвели квартиры у мѣстныхъ козаковъ. Въ этомъ городѣ, кромѣ военныхъ, козаковъ и драгунъ, не имѣется другихъ жителей, такъ какъ городъ этотъ основанъ еще недавно въ качествѣ пограничнаго военнаго поста. Въ немъ находится довольно сильная крѣпость, состоящая изъ земляныхъ валовъ, а внутри ея множество казармъ для солдатъ, а также домъ генералъ-лейтенанта, камандующаго цѣлымъ сибирскимъ корпусомъ, расположеннымъ вдоль границы на протяженіи 20 миль; за крѣпостью небольшой посадъ, состоящій изъ деревянныхъ домовъ, принадлежащихъ семейнымъ козакамъ, которые несутъ военную повинность пограничной службы. Среди города протекаетъ рѣка Омъ, на которой построенъ довольно прочный мостъ, за городомъ-же большая рѣка Иртышъ, противуположный берегъ которой представляетъ пустынную степь, принадлежащую киргизамъ. Сибирскій корпусъ находится подъ управленіемъ двухъ генералъ-маіоровъ и подъ главнымъ начальствомъ генералъ-лейтенанта. До нашего пріѣзда умеръ генералъ-лейтенантъ, по фамиліи Шпрингеръ, и должность его временно исправлялъ старшій генералъ-маіоръ—Станиславскій, родомъ полякъ. Намъ приказано было явиться къ нему и онъ объявилъ намъ, что получилъ приказъ изъ военной коллегіи, предписывающій всѣхъ насъ зачислить въ военную службу и распредѣлить въ различные полки сибирскаго

корпуса. Мы обратились къ нему съ настоятельными просьбами о томъ, что-бы онъ освободилъ насъ отъ этой участи, но просьбы наши оказались безуспѣшными, ибо удовлетвореніе ихъ выходило за предѣлы власти, предоставленной генералу Станиславскому: онъ однако обошелся съ нами благосклонно и милостиво и обѣщалъ оказывать намъ вниманіе и возможное покровительство послѣ опредѣленія насъ на службу. Насъ выстроили въ два ряда и, распредѣливъ на группы по 9 до 30 человѣкъ, каждую отправляли въ иной полкъ. Девять человѣкъ, въ числѣ которыхъ находился и я, зачислили въ ревельскій драгунскій полкъ, квартировавшій въ Омскѣ, другія-же партіи, человѣкъ въ 12 до 30, распредѣлили въ другіе полки, расположенные вдоль всей границы. Затѣмъ насъ повели въ церковь и приказали намъ исполнить присягу на вѣрность службы; никто изъ насъ не захотѣлъ присягать и хотя офицеры уговаривали насъ довольно ласково, но убѣжденія ихъ на насъ не подѣйствовали. Послѣ выхода изъ церкви, мы были окружены нѣсколькими взводами солдатъ, которые препроводили насъ подъ арестъ, при чемъ насъ посадили по два человѣка. Мы провели день и ночь безъ пищи и на слѣдующее утро каждую пару отдѣльно опять повели въ церковь и потребовали исполненія присяги; но всѣ мы отказались отъ нея, при чемъ мы поставляли на видъ, что уже присягали на вѣрность своему отечеству и обязаны сохранить данную клятву. Насъ опять вывели изъ церкви и посадили подъ арестъ, но уже не попарно, а каждаго отдѣльно, такъ что одинъ не зналъ о мѣстѣ заточенія другаго; намъ отпускали каждому по фунту хлѣба и по кружкѣ воды въ сутки. На третіе сутки каждаго отдѣльно приводили въ церковь и вновь склоняли къ принятію присяги; когда-же и теперь мы отказались, то вновь насъ соединили всѣхъ вмѣстѣ и отправили подъ арестъ въ общую камеру. Здѣсь мы оставались въ теченіи шести недѣль, получая вышеозначенныя порціи хлѣба и воды; каждый день къ намъ заходили офицеры и убѣждали насъ принять присягу, но всѣ ихъ усилія оказывались тщетными. Товарищи наши, отправленные въ другіе полки, хотя находились на значительномъ отъ насъ разстояніи, но, подобно намъ, отказались приносить присягу и равнымъ образомъ были посажены подъ арестъ. Наконецъ, по истеченіи шести недѣль, насъ вывели на площадь, гдѣ заготовлены были кнуты, плети и палки; послѣ наказа-

нія мы наконецъ заявили согласіе принести присягу. Въ другихъ полкахъ нѣкоторые товарищи наши заупрямились до такой степени, что претерпѣли по 800—1500 палочныхъ ударовъ, и только, подвергшись вторично такому-же наказанію, едва согласились исполнить присягу. Послѣ того какъ мы принуждены были поступить въ военную службу, прислана была изъ Тобольска новая партія, заключавшая болѣе ста человѣкъ, которая также была распредѣлена въ различные полки; затѣмъ такой-же участи подверглись и другія партіи конфедератовъ, которыя направлены были, минуя Тобольскъ, прямо въ нашъ корпусъ.

Совершено другое назначеніе получили тѣ 170 человѣкъ, которые еще зимою отправлены были изъ Тары въ Иркутскъ. Достигнувъ мѣста своего назначенія, они поселены были въ различныхъ слободахъ въ домахъ мѣстныхъ крестьянъ; имъ прекращена была выдача денегъ на содержаніе и приказано было помогать хозяевамъ въ исполненіи сельскихъ работъ, послѣднимъ-же предписано заботиться о ихъ прокормленіи. Они прожили нѣсколько мѣсяцевъ въ такомъ положеніи, но не только не принялись за работу, а напротивъ до того угнетали своихъ хозяевъ, что послѣдніе предложили имъ даромъ продовольствіе подъ условіемъ, чтобы они лишь вели себя спокойно; ибо когда вначалѣ хозяева хотѣли ихъ голодомъ принудить къ исполненію работъ, то конфедераты предались отчаянію, стали буйствовать, заводить драки, насильно брать хлѣбъ и похищать всякую живность, какую только удалось имъ захватить. Такимъ поведеніемъ они заставили крестьянъ выдавать себѣ продовольствіе даромъ и смотрѣть на своихъ жильцевъ со страхомъ, словно на военную экзекуцію. Вслѣдствіе такихъ отношеній жители обратились съ прошеніемъ къ губернатору, въ которомъ изъясняли, что они не только не получаютъ отъ поляковъ никакой помощи въ хозяйствѣ, но испытываютъ отъ нихъ постоянно невыносимыя и тягостныя безпокойства и потому просятъ удалить ихъ изъ своихъ жилищъ. Вслѣдствіе этого прошенія губернаторъ приказалъ возвратить плѣнныхъ въ Иркутскъ и размѣстить ихъ въ городѣ на квартирахъ. Въ это время проживалъ въ Иркутскѣ бывшій русскій офицеръ, разжалованный въ солдаты за какую-то вину: онъ объяснилъ нашимъ товарищамъ, что тѣ распоряженія, которыя къ нимъ примѣняются, исходятъ отъ тобольскаго генералъ-губернатора, управляющаго

всею Сибирью и изданы имъ исключительно по собственному почину и усмотрѣнію; онъ совѣтовалъ имъ послать жалобу самой государынѣ, основываясь на общемъ законѣ, по которому власти обязаны всякое прошеніе отъ обиженнаго лица принять и отослать по назначенію, если оно написано, какъ это оффиціально называется, „на имя государыни“; онъ научилъ ихъ притомъ, чтобы они постарались проникнуть въ залъ присутствія, гдѣ губернаторъ съ ассессорами засѣдаетъ для обужденія дѣлъ, прибавивъ, что въ залѣ этомъ они увидятъ императорское кресло, надъ которымъ виситъ портретъ императрицы, что передъ этимъ кресломъ слѣдуетъ положить запечатанный пакетъ на имя государыни, въ которомъ можетъ быть помѣщена жалоба на причиненныя имъ обиды, и что этотъ пакетъ неминуемо губернаторъ обязанъ будетъ отправить въ Петербургъ. Земляки наши въ точности исполнили инструкцію и нашли возможность проникнуть въ залъ присутствія, гдѣ и положили пакетъ передъ императорскимъ кресломъ; губернаторъ вскочилъ изъ-за стола въ сильномъ смущеніи, но долженъ былъ не медля отослать жалобу въ Петербургъ, откуда и получено было предписаніе, чтобы плѣнныхъ уплотить содержаніе, удержанное въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, отправить ихъ на подводахъ гъ Тобольскъ и тамъ оставить въ покоѣ, продолжая выдавать содержаніе впредь до дальнѣйшаго распоряженія военной коллегіи.

Между тѣмъ мы, оставаясь въ военной службѣ, должны были готовиться къ походу, ибо внезапно полученъ былъ приказъ, предписывавшій всему нашему корпусу выступить поспѣшно въ погоню за калмыками. Калмыки, кочевавшіе въ большемъ количествѣ около Оренбуга, гдѣ имъ принадлежала обширная полоса степи, получили въ 1771 году приказъ отправиться въ походъ для соединенія съ арміею, дѣйствовавшею противъ турокъ; ибо калмыки, подобно донскимъ козакамъ и башкирамъ, обязаны нести въ пользу государства военную службу и выступать по каждому требованію въ военный походъ; въ случаѣ выступленія ихъ снабжаютъ артиллеріею, что сдѣлано было и на этотъ разъ. Ханъ калмыцкій, по имени Бамбура, собравъ 40,000 войска, вмѣсто того, чтобы отправиться въ армію, рѣшился двинуться въ Китай. Когда объ этомъ узнали въ Пнтербургѣ, немедленно приказали корпусамъ оренбурскому

и сибирскому отправиться поспѣшно въ погоню за калмыками. Послѣдніе между тѣмъ быстрыми переходами стремились къ границамъ области киргизовъ, полагая, что этотъ путь будетъ для нихъ самый удобный. Оренбургскій корпусъ, состоявшій изъ 10,000 человѣкъ, долженъ быть идти вслѣдъ за ними, нашему-же сибирскому корпусу, состоявшему изъ 12,000 человѣкъ, предписано было преградить имъ путь; притомъ киргизамъ послано было распоряженіе, чтобы они не пропускали калмыковъ черезъ свою область. Но калмыки двигались весьма быстро; они отодвинулись далеко отъ оренбургскаго корпуса и опередили даже на значительное разстояніе насъ, отправившихся имъ на встрѣчу. Когда киргизы отказали имъ въ пропускѣ, они сразились съ ними, положили на мѣстѣ нѣсколько тысячъ, овладѣли свѣжими киргизскими лошадьми и, оставивъ своихъ, двинулись поспѣшно въ дальнѣйшій путь. Мы пошли вслѣдъ за ними также ускореннымъ маршемъ черезъ область киргизовъ по совершенно пустынной степи, безъ признака какой-либо дороги, гдѣ киргизы служили намъ проводниками. Время было жаркое, между тѣмъ степь оказалась совершенно безводною, такъ что по 2, 3 и даже 4 дня мы оставались безъ воды; отъ жажды погибло у насъ множество лошадей и людей и еще больше поражено было болѣзнями. Не смотря на это, мы шли быстро впередъ и стали уже настигать калмыковъ, такъ что останавливались на ночь на тѣхъ стоянкахъ, гдѣ они на канунѣ ночевали. Мы прошли такимъ образомъ землю киргизовъ и вступили въ область бухарскихъ татаръ, которые занимаютъ довольно небольшую полосу земли и подобно киргизамъ живутъ въ пустынной, вовсе незаселенной степи. Прошедши Бухарію, мы вступили въ страну ташкентскихъ татаръ; область эта гораздо богаче и изобилуетъ необходимыми для жизни произведеніями; жители живутъ въ домахъ, занимаются земледѣліемъ и торговлею; между ними есть богатые купцы, ведущіе торговлю золотыми издѣліями, жемчугомъ и дорогими каменьями. Страною управляетъ самостоятельный ханъ, которому жители даютъ дань по большей части въ натурѣ—скотомъ и мѣхами. Мы прошли ташкентскую область, не будучи въ состояніи настичь калмыковъ, и вступили въ предѣлы хивинскіе. Хивинцы обитаютъ среди скалъ въ гористой мѣстности; народъ этотъ живетъ очень бѣдно и главныя средства пропитанія добываетъ охотою; дичи въ странѣ очень много,

въ томъ числѣ часто встрѣчаются дорогіе пушные звѣри: соболи, куницы и прекрасныя лисицы, называемыя у насъ „крыжаками“. Въ хлѣбѣ и домашнемъ скотѣ хивинцы сильно нуждаются и хозяйство ихъ не доставляетъ имъ достаточныхъ средствъ для пропитанія, особенно зимою, когда холодъ въ этой странѣ бываетъ весьма сильный. У нихъ также есть самостоятельный ханъ, которому они даютъ ясакъ, т. е. дань отъ продуктовъ звѣриной ловли. Въ предѣлахъ хивинскихъ мы наконецъ надѣялись настичь калмыковъ, отъ которыхъ насъ отдѣляла только гряда скалистыхъ горъ; но пока мы кружились, обходя ея подошву, калмыки ускользнули, направившись прямо къ границѣ по маленькой тропинкѣ, пролегавшей надъ горнымъ обрывомъ, по берегу рѣки Бахтармы. По тропинкѣ этой пѣшій человѣкъ едва можетъ пройти; между тѣмъ калмыки успѣли провести по ней лошадей и затѣмъ, спустившись на равнину, поспѣшно переправились черезъ Бахтарму—одни на паромахъ, другіе вплавь; но ту сторону рѣки они достигли наконецъ китайскихъ предѣловъ.

Такъ какъ мы не имѣли приказанія дальше преслѣдовать калмыковъ, то остановились на берегу Бахтармы для отдыха. Во время этой стоянки 39 человѣкъ поляковъ, тяготившихся военною службою, въ теченіи ночи переправились черезъ рѣку и бѣжали въ Китай. Отдохнувъ два дня, мы отправились въ обратный путь. Въ теченіе всего похода мы питались исключительно сухарями, истолченными въ порошекъ, которыми насъ снабдили при выступленіи. Возвращались мы сначала по тому-же пути, по которому раньше слѣдовали, потомъ повернули въ пустынную степь, гдѣ вновь пришлось нѣсколько дней сряду оставаться безъ воды, пока, послѣ перехода въ 20 миль, мы не достигли Семипалатинска. Мѣсто это названо такъ потому, что на немъ находятся развалины какихъ-то семи дворцевъ или палатъ. Мы осматривали эти развалины, но такъ какъ жителей въ этой мѣстности нѣтъ, то мы не могли узнать, кто воздвигнулъ эти постройки. Оттуда уже не далеко къ берегамъ Иртыша и къ русской границѣ, которой мы достигли въ теченіи нѣсколькихъ дней, совершая переходы весьма поспѣшно, потому, что провіантъ нашъ сталъ истощаться.

Въ Омскѣ мы застали новую партію конфедератовъ въ 120 человѣкъ, присланную изъ Казани для зачисленія въ военную службу въ

сибирскій корпусъ. Имъ отвели квартиры и приказали на другой день являться для исполненія присяги, но они, не дождавшись утра, похитили ночью у козаковъ, въ домахъ которыхъ квартировали, нѣсколько оружія и зарядовъ, переправились черезъ Иртышъ и ушли къ киргизамъ, полагая такимъ путемъ возвратить себѣ свободу, но надежда обманула ихъ и они попали въ гораздо болѣе тяжелую неволю: киргизы взяли ихъ въ плѣнъ, однихъ продали ташкентцамъ, другихъ-же заставили пасти свои стада; впослѣдствіи четыре человѣка изъ ихъ числа бѣжали обратно въ Омскъ и весьма подробно сообщили о своей неудачѣ и ея послѣдствіяхъ.

Область киргизовъ простирается слишкомъ на сто миль въ ширину, въ длину-же ея протяженіе еще больше. Киргизы обитаютъ здѣсь среди пустынной степи; они не имѣютъ домовъ, не занимаются вовсе земледѣліемъ и не употребляютъ въ пищу хлѣба—ѣдятъ исключительно мясныя и молочныя яствы, которыя имъ доставляютъ многочисленныя, принадлежащія имъ стада; не рѣдко одинъ хозяинъ киргизъ владѣетъ 5,000 барановъ, 2,000 рогатаго скота, свыше тысячью лошадей и 300—400 верблюдовъ. Жилища киргизовъ устроены въ видѣ палатокъ, покрытыхъ войлокомъ; они укрѣпляютъ въ землю жерди, связанныя желѣзными завѣсами, сверху кладутъ на нихъ стропила, также снабженныя завѣсами, и поверхъ этой постройки протягиваютъ съ боковъ и по верху войлокъ, оставивъ лишь одно отверстіе для выхода дыма; очагъ они устраиваютъ посреди палатки; варятъ мясо въ котлахъ, по большей части желѣзныхъ, и пьютъ мясной отваръ маленькими деревянными чашечками, сдѣланными по образцу китайскихъ; затѣмъ съѣдаютъ самое мясо. Они не долго остаются на одномъ мѣстѣ, ибо многочисленныя стада требуютъ частыхъ передвиженій для прокормленія ихъ подножнымъ кормомъ. Во время передвиженія они собираютъ свои жилища и нагружаютъ ими верблюдовъ, а затѣмъ переходятъ на новую стоянку, иногда десятка за два миль, высмотрѣвъ предварительно обильное пастбище. Въ одномъ мѣстѣ никогда не останавливается болѣе 6—7 хозяевъ, ибо и такое число ихъ нуждается въ пастбищѣ на нѣсколько миль въ окружности. Денегъ они не употребляютъ и не берутъ, потому что все нужное они пріобрѣтаютъ мѣною за скотъ; эту мѣновую торговлю киргизы постоянно ведутъ съ русскими; по временамъ они при-

гоняютъ нѣсколько десятковъ тысячъ скота на берега Иртыша, къ нимъ переправляются русскіе и промѣниваютъ различные товары исключительно на лошадей и барановъ, при чемъ получаютъ огромную выгоду, ибо за предметъ дешевый, цѣною въ нѣсколько злотыхъ, они пріобрѣтаютъ въ обмѣнъ скотъ въ 10 разъ большей стоимости. Бараны киргизскіе очень крупные, одинъ хвостъ ихъ вѣситъ больше 1/2 пуда; такого барана можно получить въ обмѣнъ за топоръ, не смотря на то, что топоры въ Сибири очень дешевы и штука продается по 20 грошей. Русскіе купцы пріѣзжаютъ на эти ярмарки за 100 миль и даже дальше; ярмарки-же происходятъ исключительно лѣтомъ,—зимою онѣ невозможны, ибо въ это время года скотъ киргизскій сильно тощаетъ и падаетъ въ цѣнѣ, потому что зимою онъ долженъ добывать себѣ подножный кормъ, разбивая копытами снѣгъ; вслѣдствіе этого въ зимнее время киргизы выгоняютъ на пастбище прежде всего лошадей, затѣмъ рогатый скотъ и по слѣдамъ только послѣдняго барановъ и овецъ; такъ какъ въ степи трава довольно высока, то животныя могутъ ее добыть изъ-подъ снѣга, тѣмъ не менѣе множество ихъ околѣваетъ, остальныя-же сильно худаютъ, но потомъ лѣтомъ они откармливаются весьма быстро сочными степными травами.

Мы видѣли хана киргизовъ, по имени Абтай-султана; онъ былъ одѣтъ въ старинный костюмъ, пошитый изъ богатой китайской ткани черной, перетканной золотыми цвѣтами. Обыкновенно киргизы носятъ костюмъ довольно простой; но непремѣнная принадлежность его—узкій ременный поясъ, украшенный металлическими пуговицами, у котораго на цѣпочкѣ привѣшенъ ножъ въ кожаныхъ ножнахъ; поясъ этотъ они надѣваютъ на всякое платье—простое и даже атласное. Число киргизовъ обоего пола не превосходитъ 300,000; въ странѣ ихъ намъ не случалось видѣть ни одной мечети. Бухарцы, по странѣ которыхъ мы проходили, ничѣмъ не отличаются отъ киргизовъ, и потому я считаю излишнимъ описывать ихъ отдѣльно.

Вдоль киргизскихъ границъ расположены были на протяженіи 20 миль всѣ драгунскіе полки нашего корпуса, въ которыхъ распредѣлены были плѣнные поляки. Мы оставались въ полкахъ этихъ въ теченіи года, пока не прибылъ изъ Петербурга генералъ-лейтенантъ Деколонъ, назначенный корпуснымъ генераломъ на мѣсто генерала Шприн-

гера. Онъ немедленно переформировалъ весь нашъ корпусъ, состоявшій до того времени исключительно изъ кавалеріи. Генералъ Деколонъ раздѣлилъ корпусъ на семь легкихъ конныхъ командъ и на семь пѣшихъ баталіоновъ: въ составъ каждой легкой команды вошли двѣ роты мушкатеровъ, рота егерей и рота драгунъ; каждая такая команда состояла подъ начальствомъ маіора; каждый баталіонъ состоялъ также подъ начальствомъ отдѣльнаго штабъ-офицера и въ составъ его входили семь ротъ пѣхоты. Всѣ поляки были зачислены въ пѣхотныя команды, въ которыхъ служили въ теченіи трехъ лѣтъ.

Товарищи наши, оставшіеся въ Тобольскѣ, не были опредѣлены въ военную службу и находились сравнительно въ выгодномъ положеніи: они получали достаточное содержаніе и пользовались свободою. Въ Казань присылали постоянно новые отряды плѣнныхъ конфедератовъ и въ томъ числѣ нѣсколько маршаловъ, а именно пановъ: Зелинскаго, Сѣнявскаго, Кадлубовскаго, Малевскаго и другихъ. Вслѣдствіе скопленія конфедератовъ въ Казани, ихъ оттуда пересылали на жительство въ Оренбургъ, Тобольскъ, Хлыновъ и Симбирскъ. Среди плѣнныхъ постоянно слышались жалобы на измѣнническое поведеніе собственныхъ начальниковъ, изъ которыхъ многіе, преслѣдуя исключительно личные интересы, причинили своему народу немаловажныя бѣдствія: они вербовали согражданъ въ конфедерацію, а потомъ измѣнически продавали свои отряды въ плѣнъ русскимъ, подвергая такимъ образомъ однихъ смерти, другихъ продолжительной неволѣ.

Въ это время бѣжалъ изъ Казани капитанъ конфедератскій Беневскій, который прежде въ Польшѣ извѣстенъ былъ подъ именемъ Гадыка и имѣлъ чинъ оберетъ-лейтенанта. Онъ составилъ себѣ подложные документы и, подъ видомъ курьера, уѣхалъ въ Москву; здѣсь онъ сталъ доказывать, что его взяли въ плѣнъ по ошибкѣ и начальство уже намѣрено было освободить его совершенно; но вдругъ обнаружились подробности его бѣгства; онъ былъ вновь арестованъ и сосланъ въ Сибирь—въ Камчатку на вѣчное поселеніе. Въ Камчаткѣ Беневскій просидѣлъ годъ въ темницѣ, потомъ былъ отпущенъ на квартиру и получилъ право свободно ходить по городу; онъ вошелъ притомъ въ милость къ мѣстному коменданту и часто посѣщалъ его домъ. Между тѣмъ онъ постоянно обдумывалъ средства для своего освобожденія; съ

этою цѣлью, еще находясь въ темницѣ, онъ вошелъ въ сношенія съ уголовными преступниками, которыхъ нѣсколько сотъ содержалось въ тюрьмѣ, и уговорилъ ихъ къ бѣгству при удобномъ случаѣ. Городъ, въ которомъ онъ находился, лежитъ у морскаго залива; случилось, что къ гавани пристали два судна, на которыхъ прибыли два воеводы съ казною, состоявшею изъ серебра и соболей; тогда Беневскій открылъ двери тюрьмы арестантамъ и, освободивъ ихъ, напалъ на гауптвахту, перебилъ солдатъ вмѣстѣ съ комендантомъ, захватилъ оружіе и овладѣлъ упомянутыми двумя суднами, равно какъ и находившеюся на нихъ казною. Онъ снялся съ якоря вмѣстѣ съ своими товарищами и, такъ какъ хорошо зналъ морское дѣло, то благополучно успѣлъ бѣжать во Францію. Русскіе погнались было за нимъ въ погоню, но не могли ни настичь его, ни отыскать [1]).

---

[1]) Графъ Августъ-Маврикій Беневскій принадлежалъ къ числу тѣхъ смѣлыхъ и неразборчивыхъ на средства авантюристовъ, которыми изобиловало европейское общество конца XVIII столѣтія. Онъ былъ сыномъ польскаго шляхтича, дослужившагося генеральскаго чина въ австрійской службѣ и получившаго за женою значительныя помѣстья въ Венгріи. Получивъ хорошее воспитаніе, Беневскій служилъ сначала въ австрійской арміи, потомъ вызванъ былъ въ Польшу дядею, который оставилъ ему значительное наслѣдство; затѣмъ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ путешествіи по западной Европѣ и возвратившись въ Польшу, принялъ дѣятельное участіе въ барской конфедераціи; во время осады Кракова взятъ былъ въ плѣнъ русскими войсками и сосланъ въ Казань. Бѣжавъ оттуда съ фальшивою подорожнею въ Петербургъ, онъ арестованъ былъ вновь и въ наказаніе за побѣгъ сосланъ въ Камчатку. Здѣсь, благодаря расположенію губернатора Нилова, дѣтямъ котораго онъ преподавалъ иностранные языки, онъ пользовался полною свободою, успѣлъ составить заговоръ среди ссыльныхъ поселенцевъ, овладѣлъ небольшою крѣпостцею и захвативъ судно, стоявшее на рейдѣ, нагрузилъ его похищенными въ крѣпости оружіемъ, припасами и казною и отправился въ сопровожденіи 75 товарищей въ море. Бѣглецы достигли китайской гавани Макао, откуда Беневскій переѣхалъ во Францію. Три года спустя онъ отправился по порученію французскаго правительства на Мадагаскаръ съ цѣлью основать на этомъ островѣ французскія колоніи. Порученіе это Беневскій выполнилъ удачно, но вскорѣ возъимѣлъ мысль образовать на Мадагаскарѣ самостоятельное королевство; благодаря ловкой его интригѣ, нѣкоторыя туземныя племена провозгласили его своимъ королемъ. Когда-же французское правительство воспротивилось этой затѣѣ, Беневскій обратился за помощью въ Англію и пытался поддержать свои притязанія оружіемъ,

ГЛАВА VII.

О присоединеніи нѣкоторыхъ поляковъ къ православію, о чумѣ, бывшей въ Москвѣ, и о бунтѣ Пугачова.

Количество плѣнныхъ поляковъ постоянно возрастало и изъ ихъ числа уже нѣсколько тысячъ было зачислено въ военную службу; послѣднимъ объявлено было слѣдующее предложеніе: если кто пожелаетъ присоединиться къ православію, то будетъ освобожденъ отъ военной службы и получитъ 18 рублей на обзаведеніе. Многіе поляки приняли это предложеніе, особенно-же склонились къ нему лица изъ простонародія, смотрѣвшія на сдѣланное имъ предложеніе какъ на величайшее для себя благо, долженствовавшее обезпечить ихъ свободу и благосостояніе; ежедневно отъ 6 до 10 человѣкъ являлись въ канцелярію съ просьбою присоединить ихъ къ православію; желаніе ихъ немедленно исполнялось, при чемъ они получали увольненіе отъ военной службы и обѣщанную сумму. Такимъ образомъ перешли въ православіе въ Тобольскѣ 180 человѣкъ, въ Тарѣ—50, въ Тюмени—75, въ Иркутскѣ—8, въ Енанчинѣ—20, въ Казани—96; затѣмъ они по большей части женились и принялись за различныя занятія и промыслы.

Въ томъ-же году сильная зараза распространилась въ Россіи; въ Кіевѣ перемерла значительная часть народонаселенія, въ томъ числѣ до 10,000 рекрутъ, пересылавшихся въ армію; многіе дома, въ которыхъ вымерли всѣ жильцы, были наглухо заколочены; въ то время въ Кіевѣ было до 800 турокъ и 150 поляковъ изъ числа военноплѣнныхъ, которыхъ вообще насчитывали свыше 20,000 однихъ турокъ; тѣ и другіе обязаны были ежедневно копать могилы для умершихъ а

но въ одной изъ стычекъ съ французскими войсками былъ убитъ (въ маѣ 1786 г.). За два года до смерти Беневскій написалъ пространныя записки на французскомъ языкѣ: «Aventures et voyages du comte Maurice-Auguste Beniowski», изданныя впослѣдствіи въ Парижѣ (1791 г.) Въ сочиненіи этомъ авторъ описываетъ весьма подробно свое пребываніе въ плѣну, бѣгство изъ Камчатки и исторію своего мадагаскарскаго королевства, вводя впрочемъ въ разсказъ множество романическихъ и эффектныхъ вымышленныхъ обстоятельствъ. Записки Беневскаго изданы были въ переводѣ на языки англійскій, нѣмецкій (1797 г.) и польскій (1802 г.).

также увозить изъ домовъ и зарывать трупы; но не смотря на это, никто изъ турокъ, ни поляковъ не былъ пораженъ заразою. Въ Москвѣ погибло тогда отъ чумы до 100,000 жителей; болѣзнь эта свирѣпствовала и въ другихъ городахъ и прекратилась лишь зимою послѣ новаго года.

Въ исходѣ третьяго года службы моей въ сибирскомъ корпусѣ, 9 сентября 1773 года, полученъ былъ приказъ, предписывавшій нашему корпусу немедленно отправляться въ Оренбургъ. Того-же дня въ полночь мы выступили всѣ въ походъ: артиллерія, пѣшія команды и легкая кавалерія. Причиною столь поспѣшнаго выступленія были волненія, вспыхнувшія тогда въ Россіи; поводъ къ нимъ подалъ Емельянъ Ивановичъ Пугачевъ, родомъ донской козакъ. Онъ служилъ въ войскѣ около 30 лѣтъ, но, вслѣдствіе того, что турецкая кампанія еще продолжалась, онъ не могъ дождаться отставки и дезертировалъ; затѣмъ былъ пойманъ, наказанъ согласно съ военными законами и опять отправленъ въ военную службу, изъ которой бѣжалъ вторично; тогда его исключили изъ военной службы и приговорили къ вѣчной ссылкѣ. Находясь въ пересылочной тюрьмѣ въ Казани въ обществѣ другихъ уголовныхъ преступниковъ, онъ нашелъ возможность бѣжать и отправился въ оренбургскую область къ яицкимъ козакамъ, живущимъ на рѣкѣ Яикѣ, вдоль киргизской границы, которую они обязаны оберегать. Онъ былъ принятъ здѣсь весьма радушно; яицкіе козаки въ то время сильно раздражены были столкновеніемъ съ властями: не получивъ жалованья въ теченіи двухъ лѣтъ, они подняли было возстаніе противъ мѣстнаго губернатора, но были усмирены и многіе наказаны смертью, или вѣчною ссылкою; оставшіеся были недовольны такимъ исходомъ дѣла и выжидали лишь благопріятнаго случая для новаго бунта. Въ это именно время явился среди ихъ Пугачевъ; такъ какъ онъ отличался изворотливымъ умомъ и притомъ былъ опытенъ въ военномъ дѣлѣ, ибо принималъ участіе во многихъ походахъ, и служилъ въ арміи въ теченіи всей семилѣтней войны съ прусскимъ королемъ, то яицкіе козаки провозгласили его своимъ вождемъ и пустили молву въ народѣ, будто императоръ Петръ Ѳедоровичъ, освободившись изъ заточенія, явился къ нимъ искать помощи. Собравъ до 40,000 козаковъ и пользуясь тѣмъ, что вся русская армія занята была турецкимъ походомъ,

Пугачевъ имѣлъ возможность овладѣть разными городами и присоединить ихъ гарнизоны къ своему ополченію. Такъ какъ притомъ онъ называлъ себя самозванно императоромъ, то крестьяне изъ многихъ волостей отправляли къ нему депутаціи и признавали надъ собою его власть. Вся почти оренбургская губернія, простирающаяся на 100 миль въ длину, подчинилась его господству и подобно другимъ, признавшимъ его мѣстностямъ, доставляла рекрутъ для его войска. Затѣмъ башкирская область, простирающаяся на 70 миль въ длину и въ ширину, присягнула ему на вѣрность; управлявшіе ею два полковника, отказавшіеся признать Пугачева императоромъ, были повѣшены, и башкиры составили ополченіе въ 26,000 человѣкъ, которое присоединилось къ арміи мятежника; послѣдній усилился еще болѣе, овладѣвъ пушками и запасами пороха и военныхъ снарядовъ, находившимися въ оренбургской губерніи.

Для противудѣйствія этому возстанію мы отправились ускореннымъ маршемъ; нѣкоторыя части нашего корпуса оставлены были на пути для того, что-бы преградить Пугачеву возможность отступленія, остальныя-же направились къ Оренбургу, гдѣ были сосредоточены главныя силы бунтовщика. Подъ предводительствомъ генерала Деколона изъ Сибири прибыло туда 11,000 войска. Здѣсь мы соединились съ пришедшимъ раньше насъ корпусомъ московскимъ, состоявшимъ изъ 22,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генерала Бибикова, и съ остатками оренбургскаго корпуса, въ 6,000 человѣкъ, которые не были еще захвачены Пугачевымъ. Главное начальство, вслѣдствіе неожиданно случившейся смерти генерала Бибикова, принялъ генералъ Голицынъ. Когда всѣ войска наши были стянуты, мы пошли на встрѣчу значительнымъ силамъ врага и вступили съ ними въ продолжительное сраженіе; обѣ стороны понесли значительныя потери убитыми и раненными, но, наконецъ, намъ удалось разрушить шанцы непріятеля и послѣ кровопролитнаго боя мы его успѣшно выбили изъ укрѣпленій. Поле битвы осталось за нами, при чемъ мы взяли нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, боевые припасы и несмѣтную добычу, нагроможденную въ лагерѣ мятежниковъ; въ погоню за разсѣявшимися врагами командированы были во всѣ стороны отряды. Впрочемъ въ битвѣ этой убито было много солдатъ и въ томъ числѣ однихъ поляковъ легло до 400 человѣкъ.

Пугачевъ раздѣлилъ послѣ битвы свое ополченіе на нѣсколько частей, вслѣдствіе чего и наша армія раздѣлилась на нѣсколько отрядовъ, которые отправились преслѣдовать мятежниковъ. Самъ Пугачевъ подступилъ подъ крѣпость Татищеву, защищаемую слабымъ гарнизономъ, и предложилъ коменданту, бригадиру Бѣлову, сдаться ему на извѣстныхъ условіяхъ, но Бѣловъ отказался вступать въ какіе-бы то ни было переговоры. Тогда Пугачевъ взялъ крѣпость приступомъ; съ Бѣлова содрана была кожа, женѣ-же его отрѣзали груди и затѣмъ ее растерзали лошадьми. Обратно наши войска заняли большую слободу Шадринь, жители которой примкнули къ Пугачеву; все народонаселеніе слободы было перебито. Вообще всѣхъ, признавшихъ власть Пугачева, войско предавало смерти, тѣ-же, которые отказывались его признать, подвергались той-же участи по его приказанію. Эта жестокая война навела ужасъ на всѣхъ спокойныхъ жителей, которые находились въ страхѣ и подвергались крайней опасности какъ отъ одной, такъ и отъ другой стороны.

Выступивъ изъ Шадрини, мы ожидали, что Пугачевъ будетъ насъ атаковать съ сильнымъ отрядомъ, но оказалось, что лазутчики наши сообщали намъ ложное извѣстіе, ибо Пугачевъ, оставшись позади насъ, взялъ приступомъ крѣпость Троицкую и ограбивъ городъ, перебилъ всѣхъ жителей; участь эту раздѣлили и поляки, находившіеся въ составѣ гарнизона. Когда получено было это извѣстіе, генералъ Деколонъ бросился въ ту сторону съ отрядомъ въ 4,000 человѣкъ столь поспѣшно, что пѣхота принуждена была пройти въ теченіи дня 6 миль. Мы пришли подъ Троицкую на разсвѣтѣ; войско Пугачева предавалось пьянству и разврату; потому на встрѣчу намъ вышелъ только отрядъ въ 500 козаковъ подъ начальствомъ полковника Бородина, но и они были совершенно пьяны и потому всѣ погибли въ сѣчѣ. Мы пошли на приступъ двумя колоннами и успѣшно проникли въ крѣпость съ двухъ сторонъ; мы застали бунтовщиковъ пьяныхъ и сонныхъ и убивали всѣхъ поголовно. Самъ Пугачевъ съ 1,000 конницы успѣлъ однако ускользнуть, но на дорогѣ онъ наткнулся на маіора Михельсона, спѣшившаго къ намъ на помощь съ отрядомъ въ 500 гусаръ; въ стычкѣ Пугачевъ потерялъ большую половину своего отряда и едва спасся съ его остатками; на нѣкоторое время послѣ этого онъ исчезъ

безвѣстно и вновь появился подъ Казанью только 2 мѣсяца спустя съ отрядомъ въ 20,000 человѣкъ, набраннымъ вновь изъ крестьянъ и татаръ, которые отовсюду къ нему стекались. Онъ овладѣлъ городомъ и сжегъ его, но не могъ взять крѣпости, защищенной каменною стѣною. Вскорѣ однако къ Казани подошли генералы Голицынъ и Суворовъ съ значительными силами, разбили мятежниковъ и выгнали ихъ изъ города; тогда Пугачевъ переправился черезъ Волгу и ушелъ по направленію къ Астрахани; въ погоню за нимъ отправились генералъ Суворовъ и маіоръ Михельсонъ. Отряды мятежниковъ, дѣйствовавшіе отдѣльно отъ главнаго скопища, около Царицына, Екатеринбурга, Камышина и въ другихъ мѣстахъ, были также атакованы войсками, разбиты и разсѣяны. Жившіе тогда въ Казани поляки, и въ томъ числѣ панъ Пулавскій, староста черешинскій, предложили свои услуги правительству для защиты города противъ Пугачева; вслѣдствіе этого, немедленно послѣ усмиренія бунта, они были отпущены на родину. Въ то-же время четыре поляка, находившіеся въ составѣ оренбургскаго гарнизона, были оговорены въ томъ, будто они вели между собою переписку, въ которой высказывали намѣреніе бѣжать къ Пугачеву, въ случаѣ, если какой нибудь отрядъ мятежниковъ приблизится къ городу; вслѣдствіе этого обвиненія они, по приказанію генерала Деколона, подвергались наказанію плетьми въ теченіи трехъ дней и затѣмъ освобождены были изъ подъ ареста. Послѣ выхода изъ Оренбурга генерала Деколона на его мѣсто пришелъ съ своимъ отрядомъ генералъ Станиславскій; узнавъ объ упомянутомъ дѣлѣ, онъ приказалъ обвиненныхъ вновь арестовать, подвергнуть новому наказанію плетьми и наконецъ повѣсить.

Между тѣмъ Пугачевъ съ незначительными силами скитался въ окрестности Астрахани; одни отряды войска преслѣдовали его, другіе старались его окружить для того, что-бы пресѣчь ему путь къ бѣгству; маіоръ Михельсонъ преслѣдовалъ его особенно дѣятельно и не давалъ ему ни минуты отдыха. Въ это время татаре, принявшіе сторону Пугачева, частью были истреблены, частью разбѣжались по домамъ и самъ Пугачевъ потерялъ всякую надежду на успѣхъ своего дѣла.

Тѣмъ не менѣе эта внутренняя смута была тягостна для Россіи въ томъ отношеніи, что побудила ее прекратить войну съ Турціею, не смотря на самый успѣшный ходъ ея; съ Портою заключенъ былъ договоръ, который былъ подписанъ въ Силистріи графомъ Румянцевымъ и великимъ визиремъ; вслѣдъ за этимъ изданъ былъ приказъ о томъ, что-бы освободить и отпустить на родину всѣхъ плѣнныхъ турокъ, татаръ и волоховъ; такое-же распоряженіе послѣдовало и относительно поляковъ, къ несчастію оно не распространялось на тѣхъ, которые были зачислены въ военную службу. Вообще въ то время всѣхъ поляковъ въ плѣну находилась 9,800, изъ нихъ 5,600 были причислены къ арміи и лишены права возвратиться въ отечество, 356 разновременно умерли, 429 присоединились къ православію, остальные были отпущены на родину, вмѣстѣ съ маршалами своими, послѣ заключенія мира Россіи съ Турціею.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГАЛАГАНОВСКІЙ ФАМИЛЬНЫЙ АРХИВЪ.

Фамильный архивъ Галагановъ хранится въ сокиринской усадьбѣ Гр. П. Галагана. Прилуцкое село Сокиринцы получено Игнатіемъ Галаганомъ, родоначальникомъ фамиліи, отъ гетмана Скоропадскаго въ 1716 г. Получивъ кромѣ Сокиринецъ еще нѣсколько селъ, Игнатій Галаганъ ни въ одномъ изъ нихъ не устранвался; жилъ онъ и умеръ въ своемъ полковомъ городѣ Прилукѣ. Сынъ Игнатія, Григорій Галаганъ, унаслѣдовавъ богатства отца, въ половинѣ XVIII в. оселился въ Сокиринцахъ; здѣсь онъ жилъ, здѣсь и умеръ. Такимъ образомъ сокиринская усадьба, существуя болѣе вѣка, принадлежитъ къ числу старѣйшихъ „панскихъ“ усадьбъ въ Малороссіи. Такихъ усадьбъ въ Малороссіи немного и уже по этому одному сокиринская усадьба заслуживаетъ вниманія, представляя въ себѣ остатки и домостроительства и вкуса нашихъ предковъ. Обширный домъ сокиринскаго владѣльца, судя по архитектурѣ, относится къ началу настоящаго вѣка. Постройки этого времени въ Малороссіи не отличаются особеннымъ изяществомъ, на которое, какъ видно, не было тогда особеннаго спроса. Первые богачи въ Малороссіи конца XVIII в. и начала XIX вѣка, возводя сельскіе дома свои, заботились едва-ли только не объ одной ихъ обширности, лучшимъ примѣромъ чего можетъ служить домъ фельдмаршала Румянцова въ с. Качановкѣ, сохранившій и донынѣ первоначальную свою архитектуру [1]). Исключенія впрочемъ были; такимъ исключеніемъ былъ домъ бывшаго гетмана Разумовскаго въ Батуринѣ, такъ называемая *Тепловка,* печальныя полуразвалины которой сохраняются по настоящее время, какъ наглядный укоръ нашего отношенія ко всякаго рода исто-

[1]) Нынѣ принадлежитъ В. В. Тарновскому.

рическимъ памятникамъ. Другимъ исключеніемъ былъ Лялицкій домъ гр. П. В. Завадовскаго, приведенный нынѣ въ запустѣніе. Лялицкій домъ, какъ по своей архитектурѣ и мѣстоположенію, такъ и по печальной своей судьбѣ заслуживаетъ особаго очерка со стороны любителя мѣстной старины, который разсказалъ-бы о томъ, чѣмъ былъ Лялицкій домъ и чѣмъ онъ теперь сталъ, послѣ недавняго его расхищенія, сдѣланнаго евреями-торгашами. Во второй четверти настоящаго вѣка появились въ Малороссіи дома, построенные архитекторомъ Ефимовымъ; это уже были постройки, свидѣтельствовавшія о несомнѣнномъ вкусѣ ихъ хозяевъ. Изъ Ефимовскихъ домовъ мы можемъ указать на домъ Миклашевскихъ въ с. Понуровкѣ и Дуниныхъ-Борковскихъ въ с. Романовкѣ. Распространились мы здѣсь о старинныхъ „панскихъ“ малороссійскихъ усадьбахъ изъ желанія вызвать у мѣстныхъ любителей старины нѣкоторое вниманіе къ нимъ и получить о нихъ хотя короткія свѣдѣнія, какъ необходимый матеріалъ для исторіи мѣстной культуры. Свѣдѣнія эти тѣмъ болѣе желательны, что старинныя усадьбы за послѣднее двадцатилѣтіе пустѣютъ и рушатся, памятниковъ-же о нихъ у насъ не остается ровно никакихъ. По крайней мѣрѣ, мы не знаемъ по этому предмету ничего, кромѣ малоизвѣстной книги нѣмца Гуна [1]), который, сопровождая въ 1805 г. гр. Ал. К. Разумовскаго при его поѣздкѣ въ Малороссію, подробно описалъ Почепскій его домъ и срисовалъ часть Ивайтенскаго сада Гудовичей и Бакланскій домъ того-же Разумовскаго. Все это находится въ его книгѣ, хотя названной „поверхностными замѣчаніями“, но заключающей въ себѣ не мало обстоятельныхъ свѣдѣній о малороссійской домашней жизни начала настоящаго вѣка. Рисунки, приложенные къ книгѣ Гуна, сдѣланы на столько добросовѣстно, что обращаютъ на себя вниманіе и теперь.

Обращаемся къ Галагановскому архиву, причемъ считаемъ долгомъ принести нашу искреннюю благодарность настоящему его владѣльцу за ту просвѣщенную готовность, съ которою бумаги архива были предоставлены нашему обозрѣнію.

---

[1]) Поверхностныя замѣчанія по дорогѣ отъ Москвы въ Малороссію въ осени 1805 года. Соч. Оттона фонъ-Гуна. М. 1806 г. 3 части, съ рисунками.

Прежде всего мы должны сказать, что бумаги Галагановскаго архива находятся въ такомъ порядкѣ, котораго намъ не приводилось встрѣчать при осмотрѣ другихъ домашнихъ архивовъ. Благодаря этому порядку, мы могли познакомиться съ содержаніемъ архивныхъ бумагъ въ самое короткое время. Архивъ заключаетъ въ себѣ, кромѣ бумагъ, принадлежащихъ собственно фамиліи Галагановъ, еще и бумаги Дарагановъ, перешедшія къ первымъ ко женитьбѣ Ивана Григорьевича Галагана на дочери кіевскаго полковника Ефима Дарагана († 1726 г.)

По содержанію своему Галагановскій архивъ заключаетъ въ себѣ, какъ и другіе мѣстные фамильные архивы, преимущественно юридическіе акты на разнаго рода земельныя угодья. Бумагъ чисто историческаго характера въ архивѣ находится сравнительно не много; особенно мало нашли мы бумагъ по частной перепискѣ, которая такъ хорошо рисуетъ бытовую сторону жизни нашихъ предковъ. Тѣмъ не менѣе, пересмотрѣвъ бумаги Галагановскаго архива, мы извлекли изъ него много интересныхъ отрывочныхъ свѣдѣній, съ которыми надѣемся познакомить читателей въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь-же мы приведемъ нѣсколько актовъ, извлеченныхъ изъ Галагановскаго архива, которые по своему историческому интересу заслуживаютъ отдѣльнаго ихъ напечатанія. Первое мѣсто между ними принадлежитъ автобіографіи Григорія Игнатьевича Галагана, которая, не смотря на свою краткость, представляетъ любопытный историческій памятникъ второй половины XVIII в. Григорій Игнатьевичъ Галаганъ, единственный сынъ родоначальника фамиліи извѣстнаго полковника Игнатія Галагана, вмѣстѣ съ богатствомъ отца, унаслѣдовалъ и отцовскій урядъ — прилуцкое полковничество. Полковникомъ онъ былъ поставленъ въ началѣ 1740 г., еще при жизни отца, уволеннаго отъ службы „за старостью“. Григорію Галагану въ это время было всего 23 года (род. 20 ноября 1716 г.). Такихъ молодыхъ полковниковъ въ Малороссіи не бывало. Маркевичъ въ своихъ Запискахъ (II, 106) отмѣчаетъ, что прилуцкое полковничество Григоріемъ Галаганомъ получено „по именному указу“; но именный указъ послѣдовалъ конечно на представленіе Румянцева, тогдашняго правителя Малороссіи, а у Румянцева выпрошенъ Григорію Галагану полковничій перначъ, разумѣется, отцомъ его, старымъ пріятелемъ Румянцева.

Послѣ 23-хъ-лѣтняго управленія полкомъ, Григорій Галаганъ попросился въ отставку; ему въ это время было всего 47 лѣтъ. Власть малороссійскаго полковника была настолько обширна и самостоятельна, что съ нею по своей волѣ вообще не разставались; мы покрайней мѣрѣ не знаемъ *ни одного* примѣра, чтобы полковникъ самъ отказывался отъ этого уряда. Григорій Галаганъ просился въ отставку по болѣзни, но Разумовскій не хотѣлъ его уволить окончательно: „мы по той просьбѣ вашей нынѣ отъ исправленія полку прилуцкаго полковыхъ дѣлъ, по причинѣ слабости и болѣзни вашой, впредь до разсмотрѣнія, васъ увольняемъ, а дабы за онымъ вашимъ увольненіемъ въ дѣлахъ по полку прилуцкомъ остановки быть не могло, для чего къ присутствію въ полковой прилуцкой канцеляріи обще съ старшиною полковою до того времени, пока вы дѣйствительно отъ всѣхъ службъ увольненіе по желанію вашему получите, опредѣленъ отъ насъ бунчуковый товарищъ Иванъ Галаганъ. Покинувъ службу въ 1763 г., Григорій Галаганъ прожилъ еще 14 л; но эти послѣдніе годы были для него непрерывнымъ рядомъ нравственныхъ страданій, источника которыхъ автобіографія не указываетъ. Вообще и вся жизнь Григорія Галагана, какъ видно изъ той-же автобіографіи, была рядомъ старческихъ и нравственныхъ недуговъ: въ юношескіе годы онъ часто и тяжко болѣлъ; въ 22 года женился „не по своей волѣ“, 30 лѣтъ онъ остался вдовцомъ съ тремя малолѣтками. Затѣмъ слѣдуютъ разныя мелкія невзгоды, пока въ 1763 г. не умираетъ его мать, что дѣйствуетъ на 47-лѣтняго сына до такой степени сильно, что онъ отказывается отъ полковничьяго уряда и рѣшается „поселиться въ уединеніи *вѣчно*“. Два года Галаганъ выдерживаетъ такое „уединеніе“; затѣмъ снова входитъ въ жизнь, но здѣсь снова встрѣчаютъ его разныя невзгоды. Такое непрерывное слѣдованіе, одной за другою, жизненныхъ невзгодъ наводитъ Галагана на мысль подвести итоги всей жизни: въ 55-ть лѣтъ онъ записываетъ на двухъ листкахъ бумаги главныя событія своей жизни и выводитъ слѣдующее заключеніе: „и такъ якъ разсмотрѣть мою жизнь обстоятельно, которая уже продолжается 55 лѣтъ, то не много можно въ ней найти благополучныхъ лѣтъ, которіи за нѣчто почесться могутъ!“ Явившаяся у Галагана потребность—оглянуться на

свою жизнь и передумать ее всю, отъ младенчества до старости, показываетъ, что это былъ исключительный человѣкъ между его современниками; а оставшіеся послѣ него два листка бумаги, озаглавленные: „моя жизнь“, являются любопытною страницею въ исторіи малороссійскаго общества второй половины XVIII в.

О другихъ печатаемыхъ здѣсь актахъ мы не распространяемся, въ виду очевиднаго интереса ихъ для изученія Малороссіи XVIII в.

9 октября 1883 г. **Ал. Лазаревскій.**

1.

Два универсала прилуцкаго полковника Игнатія Галагана объ освобожденіи нѣкоторыхъ жителей его полка отъ общественныхъ повинностей за „роковой чиншъ“ въ пользу его, полковника, 1714—1717 г.

А) Его царскаго пресвѣтлаго величества войска Запорожскаго полковникъ прилуцкій Игнатій Ивановичъ Кгалакганъ.

Всѣмъ, кому о семъ вѣдати належатиметъ, а меновите пану сотникови Журавскому з товариствомъ и войтови с посполитими людми, симъ писаніемъ нашимъ ознаймуемъ, иж Василь Бущакъ, житель Журавскій, далъ намъ роковій чиншъ копъ шѣсть, з братомъ своимъ, за рокъ 1714, которого мы Василя и брата его уволняемъ отъ всякихъ посполитыхъ дачокъ, такъ поборовыхъ, яко воженя подводъ отъ станцій компанѣйцевъ и великороссійскихъ людей и всякихъ тяглостей мирскихъ и сторожовщины, на цѣлій годъ отъ нижеписанного числа, и для того даемо имъ сей нашъ листъ уволненій, жадаючи, абы имъ и наименшой въ томъ заживаню волности нѣ отъ кого не дѣялося кривди и долегливости жадной, мѣти хочемъ и приказуемъ. Данъ въ Прилуци, декамбрія 22, року 1714. Звишъ меновавний полковникъ прилуцкій.

За сей рокъ 1715 далъ чиншъ Василь копъ 6,
з братомъ своимъ, волни во всемъ. Декабра 9.
И за сей 1716 годъ отдалъ Василь копъ шесть,
уволенъ зостаетъ отъ тяглостей посполитихъ.

Б) (Послѣ титула) Всѣмъ, хто-бы того потребовалъ вѣдати, а меновите пану сотникиви Ичанскому, отаманови городовому з товариствомъ и войтови тамошнему з посполствомъ симъ нашимъ универсалнихъ ознаймуемъ писаннемъ, иж Марья Романиха Оковитая, жителка Ичанская, презентовала намъ чиншовій листъ на уживанье волноста, ей отъ бывшаго антецессора пана Горленка виданной, который ми теперъ

ствержаючи, беремо оную подъ свою полковничую оборону и одобравши въ неи (якъ она и за пана Горленка за пять копъ рокъ седѣла) належного на сей рокъ 1717, мѣючійся одъ ниже въ листѣ положенного числа почати и зновъ в прійдучомъ 1718 року о томъ-же числѣ кончити, чиншу копъ пять, увольняемъ помененую Романиху Оковитую отъ воженя подводъ, поборовихъ датковъ, конпанѣйскихъ станцій и всякихъ посполитихъ громадскихъ повинностей, въ которомъ то заживанню ей волности дабы такъ одъ помянутой старшины Ичанской, яко и одъ кого колвекъ жадной и наименшой оной же Оковитой не чинилося трудности, перепони и долегливости, пилно мѣти хочемъ и властію нашею приказуемъ. Данъ въ Прилуцѣ, іюня 3, року 1717. Звишъменованый полковникъ прилуцкій.

1718 року, 19 іюня, Марья Романиха Оковитая отдала чиншового датку копъ пять; свободна есть.

И за сей 1719 рокъ іюня 4 Марья Оковита отдала належній чиншъ копъ 5; волна есть отъ всякихъ посполитихъ тягостей [1]).

2.

Письмо Инатія Галагана къ гетману Скоропадскому, съ оправданіемъ противъ навѣтовъ за „нѣякуюсь противность“ къ гетману. 1717 г., 11 сентября.

За прибутемъ въ Прилуку пана Стефана Максимовича, канцеляриста войскового, зосланного отъ велможности вашей, пана моего и добродѣя, для разграниченія степу между Васкувцями, Бережувцями да Сокиринцями будучого, просилемъ оного по должности моей, выражаючи честь поважной особѣ велможности вашей, въ домъ свой на кушанне, которій пришовши, заразъ вмѣсто благодарствія, наругался мнѣ укоризними слови, не якъ одъ самого себе, але якъ би по приказанню велможности вашей, договоруючи и фукаючи на мене нѣби на своего хлопца, за цедулу до велможности вашей з сторони хуторца моего к Переводу найдуючогося писанную, же будто въ оной нѣякаясь противность моя ку велможности вашей по-

---

[1]) Этого рода акты встрѣтили мы въ первые въ Галагановскомъ архивѣ. Пересмотрѣвъ тысячи актовъ въ различныхъ мѣстныхъ архивахъ, мы нигдѣ ихъ болѣе не встрѣчали; между тѣмъ такіе „оборонные универсалы“ были обыденнымъ явленіемъ въ Малороссіи; не говоря о томъ, что въ одномъ Галагановскомъ архивѣ мы нашли ихъ до 30-ти, выдача ихъ производилась, какъ видимъ, уже и Дмитріемъ Горленкомъ, который правилъ прилуцкимъ полкомъ при Мазепѣ. Галагановскіе универсалы не говорятъ, къ какому сословію принадлежали лица, которыя откупались отъ исполненія общественныхъ повинностей; но нѣтъ сомнѣнія, что это были почти исключительно такъ называемые „ратущные подданные“.

казалася, в томъ не чуючи себе быть виннимъ, сице мое приношу велможности вашей оправданіе: что о помянутомъ хуторѣ моемъ не велѣлемъ до велможности вашей нѣякъ противно (чего мнѣ и не дай Боже) писати; толко казалемъ в оной цедулѣ виразити прилѣжное прошеніе, даби хуторецъ мой не былъ оттуду знесенъ; а если инакше якъ оная писалася, а не з прошеніемъ, то в томъ писара моего полкового, которій не пилнуетъ самъ отправляти дѣлъ и велитъ хлопцамъ писать (а я человѣкъ есть не книжный, не всего могу в писаніи домыслитись) найдуется вина; еднакъ понеже ко мнѣ за несправность его писара нѣякаясь противность, о которой я отнюдь не вѣдаю, жебымъ казалъ противно що в оной цедулѣ писати, причиталася, теди покорственно прошу в семъ велможности вашей, премилостивѣйшаго моего пана добродѣя, ласкавого отческого пробачення и впредь за тое на мене, слугу велможности вашей, не покладати панского своего гнѣву. Тутъ-же еще доношу велможности вашей о томъ разграниченню, для которого поменутий панъ Максимовичъ отъ велможности вашей зосланъ, что когда зъехали туда между помянутими селами чинить оного и п. сотникъ Иваницкій з старшими людми, сотенцями своими, внехалъ, онъ панъ Максимовичъ не далъ тимъ людямъ и Сокиринчанамъ говорить, але тилко приймалъ въ дѣло рѣчъ людей еднихъ Васкувскихъ, почому староста Васкувскій объехалъ поле бережувское мало не до царини ихъже Бережувцовъ и теперь великое стиснение Бережувцямъ в ихъ полю, такъ-же Сокиринчанамъ (же за двое будетъ болшъ поля до Васкувецъ, нежели до Сокиринецъ, а не по ровной части найдуется) учинилося.

3.

Автобіографическій очеркъ Григорія Игнатьевича Галагана (р. 20 ноября 1716 г. † 24 декабря 1777 г.).

Жизнь моя.

1716 года родился в окончаніи года.

Въ три года отъ роду убитъ былъ мало не до смерти.

Въ пять лѣтъ боленъ былъ цѣлій годъ.

Въ семь лѣтъ паки упалъ изъ того убился.

Въ 11 лѣтъ в Кіевѣ былъ боленъ горячкою.

Въ 15 лѣтахъ былъ боленъ два года отчаенно, а послѣ годъ въ Пѣтербурхи былъ.

Въ 18 лѣтахъ убился съ коня мало не до смерти, отчего и теперъ во весь вѣкъ не въ состоянію здоровья.

Въ 20 лѣтахъ паки былъ боленъ цѣлый годъ.

Въ 22 (года) оженился не кстатѣ и не по своей волѣ и терпѣлъ неудовольство чрезъ десять лѣтъ [1]).

Въ 1738 (былъ) въ Днѣстранскомъ походѣ.

Въ 1740 г. пожалованъ околнимъ (?) полковникомъ и того года в розграниченю подъ Богомъ былъ.

Въ 1714 г. в разграниченю коло Азова, (при) подорваніи его мѣнами, и во всѣхъ сихъ походахъ претерпѣвалъ несказанную трудность и бѣды.

Въ 1742 годѣ былъ въ Москвѣ, при коронаціи государинѣ Елизавети.

1743. Былъ в комисіи воловой, у Глуховѣ.

1744. Былъ (при) встрѣчи съ полкомъ подъ Батуриномъ, якъ изволила въ Кіевъ шествовать государиня Елисавета Петровна.

1747. Жена моя умре и дѣтей трое въ сей годъ. Много претерпѣлъ печали.

1748. Отецъ мой умре. Послѣ сей несносной печали, претерпѣлъ еще превеликіи клопоти и напасти. 16 тысячъ на волы (насчитани?) на мене отъ суда.

1749. Также не меншій клопотъ и бѣда была мнѣ по ложному дѣлу Струтинцкого.

1750. Былъ с полкомъ у Глуховѣ, при елекцѣи (Разумовскаго). Сегожъ года и членомъ билъ при енеральной канцеляріи цѣлий годъ.

1751. Былъ съ полкомъ в зимномъ походѣ въ Лялинцахъ, а напередъ в прежнѣхъ походахъ зимнѣхъ.

1752. Былъ (при) встрѣчи противъ гетмана, съ полкомъ.

1753. Былъ и паки (при) встрѣчи противъ гетмана, якъ полки объижалъ.

1754. Былъ в собраніи у Глуховѣ, и тамъ судили Кунчинскаго за Безбородка [2]).

1755. Другого плута судили, Феодоровича.

1760. Отправленъ билъ . . . . тисячною командою въ пруській походъ, и тамъ чрезъ цѣлий годъ при арміи, въ чрезвычайныхъ трудахъ и бѣдахъ, з немалимъ убиткомъ имѣній монхъ, обритался; а въ добавокъ еще, идучи изъ сего походу, и карантенъ семь недѣль стоялъ.

1763. Матка моя скончалась, отъ якой несносной печали я и самъ толко что не луснувъ. И того жъ году, все оставивши, преселился на свое уединеніе вечно.

1764 и 1765 годъ. Сіи годи оба прожилъ я въ своемъ уединеніи якъ-бы благополучно; и казалось, что судьбина утомившись мене гнать, оставила на нѣс-

---

[1]) Григорій Галаганъ былъ женатъ на Душинъ-Борковской (дочери Андрея Васильевича?)

[2]) Филиппъ Кунчинскій, сотникъ Яготинскій, по распоряженію Разумовскаго, судился генеральною старшиною и полковниками, за доносъ на генеральнаго писаря Безбородка. См. Русскій Архивъ. 1875 г., 312—314.

колко в покои; но и тутъ не совсѣмъ спокоенъ билъ, якожъ сусѣду одному по мировой принужденъ заплатить напасти 2,700 рублей напрасно.

1766. Сей безщаснѣйшій годъ всѣхъ годовъ въ жизни моей: такая напасть, страхъ, печаль и клопотъ билъ, что вже не радъ былъ жизни своей....

1767. Еще мнѣ годъ не лучше прошлого билъ, якожъ еще и отъ того шпари не отошли....

1768. Сей годъ смертно былъ боленъ лихорадкою и чрезъ 40 дней нѣчого не могъ исти; тилко самимъ пойломъ живъ былъ, а якъ закомунѣковался (пріобщился св. таинъ), заразъ одужалъ.

1769. Сего года хотѣлось поихать у футуръ; однакъ и то не удалось: изъ одноколки опрокинула лошадь у ровъ и плече совсѣмъ съ мѣста упавши было, отчего не могъ болѣе полгода рукою владѣтъ, да и теперъ съ нуждою руку у гору поднимаю.

1770. И сей годъ билъ в великомъ страхи по нѣкоторому случаю. Однакъ Богъ и Мати Божія недоведомими своими судбами мене грѣшника не допустили у вѣчное посрамленіе и отъ всѣхъ бѣдъ избавленъ помощію Всевышняго Творца преславно.

1771. Сей годъ окончилъ слава Богу спокойно; кромѣ скуки и обыкновенной моей слабости, нѣчого болше не претерпѣлъ. И такъ—якъ разсмотрѣть мою жизнь обстоятельно, которое уже продолжается 55 лѣтъ, то не много можно въ ней найти благополучнихъ лѣтъ, которіи за нѣчто почестся могутъ.

4.

Письмо Григорія Игнатьевича Галагана къ сыну о своемъ удаленіи „въ уединеніе“, 1763 г.

Любезный синъ, Иванъ Григориевичъ. Я иду в мое намѣренное давно уединеніе, куди мене Богъ приведетъ, не дожидаясь лѣта, когда мой рокъ сталъ сиръ. Вамъ же желаю всякого благополучія и тихого мирного житя, дабы щасливѣе жите било отъ моего ваше! а не дай Богъ такого, якъ мое било, и татарамъ не желаю. Притомъ все вамъ и тое, чимъ я владѣлъ, препоручаю. Владѣйте и користи со всего отбирайте себѣ и обстоюйте, такъ какъ найлутче. А мнѣ для моего содержанія въ годъ присилайте, гдѣ я ни буду, изъ провента: муки житной семъ осмачокъ, гречаной чотири осмачки, пшеничной четверикъ, фасолѣ двѣ коробки, олѣи вѣдеръ восемь, горѣлки сивухи куховъ двѣ, саловъ, денегъ (*и т. д.*). А я, ежели мнѣ понравится мое уединеніе, може и вѣкъ тамъ останусь. Ежели же паче чаянія не понравится и не схочется тамъ, на пустынѣ, умѣрать, а между тимъ

бура вѣющая утихнетъ и Богъ насъ помилуетъ чимъ добримъ, то може и къ вамъ еще павернуся; ежели вамъ батко надобенъ и не противенъ, то ви его увѣдомте по времени обо всемъ чрезъ того человѣка, которой будетъ знать, гдѣ я обрѣтатимусь. Григорій Галаганъ.

5.

Завѣщаніе Григорія Инатьевича Галагана, 1771 года.

Завѣщаніе дѣтямъ моимъ, синовѣ Ивану и дочерамъ Еленѣ и Параскевіи, що по смерти моей дать изъ денегъ имѣютъ моихъ, оставшихся в Сокиринцяхъ, на сорокоусти и в милостиню нищимъ и свойственникамъ, за грѣшную мою душу, и що себѣ оставить, и якимъ порадкомъ раздѣлить между себе, на три части, значитъ ниже сего.

1) На монастири Пустинскій и Ладинскій дать по 100 рублей, а на сорокоусти въ тиежъ два монастира на служащихъ, на крилашанъ и на панамарей и в болницѣ, особливо дать по 30 рублей.

2) На сорокоустъ на свѣцкіе церквѣ, на тіи всѣ, на которіе и бѣлетики здѣ сообщени, по толикому числу при бѣлетикахъ заразъ и розослать, на якую написано, всенепремѣнно в одинъ день.

3) Въ Кіевъ послать тисячу рублей на сорокоусти по всѣмъ церквамъ и монастирамъ; особливо пятсотъ рублей, изверхъ той тисячи, тудажъ в Киевъ послать на нищие и на бурсу, и на тихъ, которіе по турмахъ сидятъ, и то все тамъ раздѣлить по пристойности порядочно, все из сихъ денегъ, котории найдуются в Сокиринцяхъ.

4) Тутъ же останется, мнится мнѣ, в Сокиринцяхъ, отъ роздачи еще двѣ тисячи рублей и з лишкомъ, да полтори тисячи талерей, да тисяча червонихъ поединковихъ, да особливо имперѣяловъ и дукатовъ разной величины; сіи денги всѣ мною нажитіе роздѣлить дѣтямъ моимъ на три части между себе. Имперѣяловъ всѣхъ 400.

5) Тутъ еще остается в Сокиринцяхъ перстенковъ 12, коначковъ 4, табакерокъ золотихъ 2, да сундуковъ два з сребною посудою, разного моего набитя, между которимъ и материзное мое и Борковскаго малая часть есть, да часовъ четверо и скринь двѣ, в которихъ в едной платя, а въ другой—бѣле, шабель шесть, дорогихъ кинчаловъ и прочое все, и рухли (?), оловяную и медную посуду, и всѣ рухомости, скоро сколко якихъ найдется в Сокиринцяхъ, все дѣтямъ моимъ раздѣлить между себе на три части.

6. А особливо в Прилуцѣ еще, в Преображенской церквѣ, по правую сторону въ коморки, стоитъ сундукъ, мною поставленной, отческій, въ которомъ всей сум-

ми 6 тысячъ и 400 рублей старинныхъ рублевиковъ; все также раздѣлить дѣтямъ моимъ на три части между себе, кромѣ одной тисячи рублей, которую legовалъ еще покойній отецъ на церковъ, впредь для реставраціи оной, которую тамже в Преображенской церквѣ и положить оную тисячу имѣете.

7) Понеже дочъ моя Елена во вдовствѣ остается и замужъ итить желанія не имѣетъ, для чего по смерть ей опредѣлено для прожитія домъ мой жилій со всѣмъ убором, такъ какъ оной теперь есть, и мастность мою село Секиринцѣ, со всѣми приналежитостми и угодіи, и мелницю одну въ Дегтяряхъ, о двухъ колахъ, якожъ въ селѣ Сокиринцяхъ нетъ, кромѣ одного вешняка, о чомъ сыну моему Ивану вѣдать и нѣкакого препятствія и помѣшателства и обѣди во владѣніи не начинать, по жизнь ей Елени, всенепремѣнно; а ежели-би паче чаянія, чего я на васъ не надѣюся, якое помѣшательство и обиди (отъ васъ или отъ кого другого отъ дѣтей моихъ, забивъ страхъ Божій и мое завѣщаніе) могли происходить, то вѣчное мое родительское неблагословеніе да пребудетъ на немъ всенепремѣнно.

8) Еще зверхъ всѣхъ сихъ роздачей отложить 500 рублей изъ Секиринскихъ денегъ, которіе для роздачи нашимъ свойственникамъ бѣднимъ, хто толко назовется кревнимъ нашимъ, давать по 10 рублей, по кобилѣ или по коровѣ всякому, и тѣмъ, хто би жаловался на мене, що чимъ его изобидилъ, то и тѣмъ давать изъ сихъ же денегъ всенепремѣнно. 1771 г., мая 13 дня, в Сокиринцяхъ. П. Григорій Галаганъ.

6.

Эпитафіонъ Григорія Галагана, 1778 года [1]).

Надгробіе здѣ опочивающему госп. полковнику прилуцкому, Григорію Игнатьевичу Галагану.

Григоріемъ тогда назвался,
Когда я былъ рожденъ на свѣтъ;
А Галаганомъ прозывался
Еще изъ самихъ давнихъ лѣтъ.
Рожденъ отъ Рождества Владыки
Семь сотъ шестнадцатомъ годѣ,
Когда былъ страшенъ Петръ Великій—
И на земли и на водѣ.

---

1) Находится надъ гробомъ Григорія Игнатьевича Галагана, похороненнаго въ старой Сокиринской церкви.

Игнатій, мой отецъ покойной,
Сему монарху вѣренъ былъ,
За что, какъ человѣкъ достойный,
И чинъ полковничій имилъ.
Горячность и преданность точно
И я пяти государямъ
Являя въ службѣ безпорочной,
Бывалъ въ походахъ многихъ самъ;
Отцевскою за то и честью
В полку прилуцкомъ предпочтенъ.
Но днесь лежу покрытый перстью—
О день, о злополучный день!
Розлученъ будучи со свѣтомъ
И съ сродниками в родъ и родъ
Предвѣчнымъ Вышняго совѣтомъ,
Жилъ шестдесятъ единый годъ;
И вторый сверхъ сего начался
Въ день двадесятый ноября;
Но въ двадцать четвертый скончался
Того-жъ году, декабря.
И смертный часъ, увы, предъ очи
Въ то время сталъ являться мнѣ,
Когда ужъ всякой о полночи
Покоился въ глубокомъ снѣ.
Гробъ для меня жилищемъ вѣчно
Уже опредѣленъ съ небесъ,
Которій жребій всеконечно
Падетъ на всѣхъ живущихъ днесь.
А ты, читателю премудрый,
Скажи самъ внутренно себѣ,
Что есть-ли не теперь, такъ утро,
Тажъ участь слѣдуетъ и мнѣ.
Люби умершихъ всѣхъ, а паче
Отъ зла удержи свой языкъ
. . . . Ты любви горячей
Прозябленнымъ пребудешъ въ вѣкъ.
Ангелъ насъ трубою пробудитъ,
Пробудитъ также и тебя.
И Вышній самъ судити будетъ
Къ концу вселенныя всея.

Глазами умными своими
На то взирая каждый день,
Молю, да сядетъ со святыми
Григорій Галаганъ причтенъ.
Адама ты спасалъ, Владыко,
Проливъ свою кровь за него,
Спаси по милости великой,
Ты нынѣ такъ-же и сего!
На Авраамовомъ сѣсти лонѣ
Его душѣ самъ повели,
В освященномъ твоемъ Сионѣ
И память вѣчную посли!

Сочинялъ Петръ Тарнавскій, генваря 17 дня 1778 году.

7.

Реестръ даденнимъ вещамъ, сребру, деньгамъ, манеллямъ, лошадямъ з поездомъ, в посаъ за женою моею, дочерю полковника прилуцкого, его велможности, Григорія Игнатиевича г. Галагана, Параскевіею, которие по сему мною дѣйствително приняти, а оние вещи ниже сего показанни.

Зъ сребра. Коновокъ з кришками дві: одна под гербомъ Борковскихъ, а другая подъ гербомъ отческимъ.

Лихтарей з трубками на свѣчи, подъ гербомъ Борковскихъ, два.

Кубков великих гладких пивних, з середини и около вѣнецъ визолоченних, сѣмъ: три подъ гербомъ Борковскихъ, а четире подъ гербомъ другимъ Борковскихъ.

Кубковъ менших медовихъ, визолоченних, чеканенних з середини и около, безъ гербу, 12, отческіе.

Кубковъ такожъ медовихъ на седесахъ (постаментахъ) визлоченних з середини и около, чеканенних, подъ словами П. Г., шесть—отческого сребра.

Чарокъ чеканенних 12—отческихъ.

Подносъ чеканенній круглій одинъ—отческій.

Талѣрокъ подъ гербомъ Борковскихъ з визолоченними винцями дві.

Ложокъ з апостолами, подъ гербомъ Борковскихъ, 8.

Ложокъ другого подобного-жъ тѣмъ фазона, подъ гербомъ Борковскихъ, 16.

Фляшек з крушками, по угламъ визолоченних, подъ гербомъ Борковскихъ, 2.

Сахарница чеканенная з кришкою одна—отческая.

Чайникъ гладкій одинъ—отческій.

Кофейникъ чеканенній одинъ—отческій.

Зъ перель и другихъ манеліовъ.

Перелъ великихъ 12 лотовъ въ 10 шнуркахъ.

Перелъ меншихъ 7 лотовъ въ 27 шнуркахъ.

Ланцужекъ одинъ з финіѳомъ въ 12 лотовъ.

Ланцужекъ другій, дощатій, 3 лота и 2 золотника з осмушкою.

Коначокъ алмазній въ 10 алмазахъ и 1 рубинъ.

Коначокъ рубиновій з великимъ шафіромъ и около дияменти, цена оному тисяча рублей.

Серегъ паръ три: одни шмарадгдовие з дияментами, другие рубиновие з перликами, третіе рубиновіе.

Перстенковъ пять золотихъ: 1 з паленимъ шафиромъ, 2 з алмазами, 3 з алмазами, 4 рубиновій з алмазами, 5 з каменемъ жолтимъ и вкругъ алмазами.

Платья бѣлого. Скатертэй 8 сувоевъ. Сервєтъ сувоевъ 12. Скатерть шитая заполочю 1. Ручниковъ тканихъ заполочю сувой 1. Полотна тонкого 6 сувоевъ. Постель швабская золотомъ из шолкомъ шитая одна. Постель матеріялная gрезетовая з павилліономъ и ковдрою gрезстовіе. Постелей бѣлихъ 2. Полотенокъ бѣлихъ 5, в томъ числѣ швабское 1. Павилліоновъ бѣлихъ 2. Рубашокъ мужескихъ швабскихъ 8. Скатертей простихъ 2. Ручниковъ простихъ 6. Ручниковъ швабскихъ 3. Серветъ простихъ 40. Серветъ швабскихъ 24. Скатертей швабскихъ 2.

Зъ суконъ. Кунтушъ парчевій понсовій з сѣткою золотою.

Кунтушъ кривавій парчевій з сѣткою золотою.

Кунтушъ блакитній златоглавній з сѣткою златою.

Кунтушъ бѣлій парчевій з gазомъ золотимъ.

Кунтишъ люстриновій зеленій з gазовою сѣткою.

Кунтишъ кривавій люстриновій з gазовою сребраною сѣткою.

Кунтишъ понсовій люстриновій з сребраною сѣткою.

Кунтишъ попелястій люстриновій з золотою сѣткою.

Кунтишъ жолтій gрезетовій з сѣткою сребраною.

Кунтишъ матеріи перевень з сѣткою сребраною.

Парчевая бѣлая сподница з золотимъ газомъ.

Сподница парчевая понсовая з пестрою корункою.

Сподница gрезетовая кривавая з сребраною сѣткою.

Сподница штофу французского зеленая.

Сподница gрезетовая понсовая.

Сподница матеріи бруссель.

Сподница черная gрезетовая.

Корсетъ алій сребраній gрезстовій.

Корсетъ понсовій парчевій з золотою газовою сѣткою.

Шнуровка бархатная, красная, гантованая золотомъ.
Корсетъ кривавій grезетовій.
Корсетъ зеленій grезетовій.
Запаска красная суто парчевая золотая.
Запаска бѣлая парчевая.
Запаска grезетова понсовая.
Шубы. Шуба бѣлая парчевая под соболями.
Шуба понсовая люстриновая на рисяхъ.
Шуба бѣлопасовая на лисицахъ.
Шубейка брусселіова на сѣбѣркахъ чорна.
Кохта кривавая парчевая.
Кохта grезетовая понсовая.
Мантилля парчевая бѣлая на рябомъ брушковомъ футрѣ.
Ковдра канфовая красная.
Шапокъ парчевихъ 2.
Чепцовъ по бархату гантованихъ 2.
Шапочній вершокъ золотомъ з сребромъ плетенній.
Зъ колясокъ и лошадей.—Карета городская новая з наборними шорами.
Берлинецъ спалній з простими шорами.
Коней воронихъ цугъ.
Лошадей гнѣдихъ цугъ.
Коней подъ палубами 8.
Конь верховой одинъ.

Зъ скота. Овецъ 300. Барановъ 30. Коровъ 20. Бугаіовъ 2. Кобилъ 20. Жеребцовъ 2. Воловъ рабочихъ 16.

Денегъ.—Червонихъ 1000. Рублевъ 2000.

Да противу хутора Нарицкаго, даннаго Еленѣ Григорьевнѣ, за которій дано 600 р., принялъ деньгами 600 р.

Вишеписанніе въ семъ регистрѣ вещи, денги, сребро, лошадь, скотъ и протчое, в посагъ данніе, я з женою моею Параскевнею приняли и впредъ якъ къ родителемъ нашимъ, такъ и къ наслѣдникамъ его никакой претенсѣи ни въ чомъ имѣть не должни, в томъ и подписались: *бунчуковый товарищъ Стефанъ Лашкевичъ, Параскевия Галагановна Лашкевичева.*

8.

Универсалъ гетмана Разумовскаго бунчуковому товарищу Ефиму Дарагану о присутствованіи, совмѣстно съ генеральнымъ бунчужнымъ Оболонскимъ, при „елекціи" кандидатовъ на мѣсто архимандрита кіево-печерской лавры.

Графъ Кирилло Разумовскій гетманъ и кавалеръ. Бунчуковому товарищу Евфиму Дарагану.

Понеже височайшою ее императорского величества грамотою, намп сего ноября 23 полученною, всемилостивѣйше повелено на мѣсто умершого архимандрита кіево-печерской лавры, Іосифа Оранского вибрать кандидатовъ, достойныхъ того сана, мужей трехъ или болѣе, из монаховъ в печерской и въ инпихъ тамошнихъ кіевских обителях находячихся, или ис такихъ, которіе оттуда отбыли и обрѣтаются гдѣ в великороссійскихъ монастыряхъ, по древнему обычаю соборнѣ, в присудствіи преосвященного Тимофея архіепископа, митрополита кіевского, и при присланныхъ от насъ, волною элекціею, и по избраніи, для височайшого благоусмотрѣнія и конфѣрмаціи, кому из тѣхъ кандидатовъ архимандритомъ быть, прислать къ ея императорскому величеству, за руками всѣхъ будучихъ на той элекціи, з засвидѣтельствованіемъ о достоинствѣ к той архимандріи онихъ кандидатов, виборъ: того ради для бытія в присудствіи з его преосвященствомъ, г. архіепископомъ митрополитомъ кіевскимъ, отцемъ Тимофеемъ и з протчимъ, имѣючимъ быть тамо духовенствомъ, при элекціи кандидатов въ архимандриты кіево-печерскія лавры опредѣленъ отъ насъ генералній бунчучній господинъ Оболонскій, да вы, и о томъ къ отцу намѣстнику з братією той лавры отверстой вамъ дается нашъ универсалъ, ис которымъ вы должны, съѣхавъ в показанную кіево-печерскую лавру, быть у того присудствія, и кто обще всѣмъ тѣмъ собраніемъ кандидаты избраны будут на оныхъ выборахъ, и вы подписаться имѣете, и чтобъ за подписомъ всего собранія учиненніе виборы присланы были к намъ чрезъ васъ, по прежнему обикновенію, для взнесенія к ея императорскому величеству при нашемъ представленіи: о томъ вы его преосвященству и протчему тому собранію духовному объявить имѣете. 1751 году, ноября 27 дня. Гетманъ графъ К. Разумовскій.

По поводу послѣдняго изъ помѣщенныхъ здѣсь документовъ, не можемъ не обратить особаго вниманія читателей на ту ближайшую, живую связь между церковію и обществомъ, какая существовала въ то и даже болѣе позднее время. Выборное начало лежало въ основѣ всего общественнаго, военнаго, гражданскаго

и церковнаго строя Малороссіи, и изслѣдователь ея старины во всей ея жизни отъ самыхъ верхнихъ до самыхъ нижнихъ слоевъ не можетъ указать сферы или малѣйшаго уголка, гдѣ-бы это начало не имѣло самаго широкаго примѣненія; но для насъ особенно важно и дорого то, что примѣненіе этого права соразмѣрялось всегда съ сферою интересовъ, которымъ оно должно было служить, и потому какъ духовенство пользовалось правомъ участія въ дѣлахъ общественныхъ, такъ въ свою очередь люди мірскіе имѣли право участія въ дѣлахъ церковныхъ. На этомъ держалась нравственная связь между церковію и обществомъ, вліяніе духовенства на общество, сочувствіе послѣдняго дѣламъ и нуждамъ церкви и особый высшій настрой общеста, который такъ пріятно поражаетъ насъ въ прошедшемъ и на отсутствіе котораго въ настоящее время мы слышимъ всеобщія жалобы. Выборы, конечно, не спасаютъ общество отъ злоупотребленій, ошибокъ, погрѣшностей, равно не дѣлаютъ избираемыхъ совершенными, но, говоря вообще, они даютъ лучшихъ людей, одушевляютъ избираемыхъ, привлекаютъ къ нимъ и ихъ послѣдующей дѣятельности вниманіе избирателей, возвышаютъ ихъ и самыя учрежденія, во главѣ которыкъ они поставляются, и эти азбучныя истины вполнѣ оправдываетъ и подтверждаетъ наша исторія. Такъ и въ данномъ случаѣ. Исторія помнитъ многихъ архимандритовъ кіево-печерской лавры отъ Никифора Тура и Елисея Плетенецкаго до Зосимы Валкевича и не помнитъ ни одного изъ такъ названныхъ послѣ 1786 г. священно-архимандритовъ ея и ничего не можетъ сказать о дѣятельности ихъ для лавры и лавры для общества. Прежній архимандритъ, какъ показываетъ и приведенный документъ, избирался не только духовными, но и мірскими представителями страны, выборъ утверждался верховною властію и о самомъ наступленіи выборовъ возвѣщалось съ высоты трона. И знала выбраннаго страна, высоко чтила учрежденіе, надъ которымъ ставила его, и зорко слѣдила за его жизнію и дѣйствіями. Кто знаетъ такъ названныхъ намѣстниковъ лавры, кто помнитъ ихъ чередованіе? Если лавра кіево-печерская и теперь влечетъ насъ къ себѣ, то только своею исторіею и своею святынею, а прежде она влекла и дѣятельностію стоявшихъ во главѣ ея и входившихъ въ число ея братіи. Кромѣ подвижниковъ благочестія она давала иногда ученыхъ богослововъ, полемистовъ и апологетовъ, проповѣд-

никовъ слова Божія, борцевъ за вѣру и народность. Измѣнился строй жизни, измѣнилась и самая жизнь. Много было въ этомъ строѣ недостатковъ и несовершенствъ, но много было и такого, на что не безъ пользы можно оглянуться и теперь, въ чемъ можно почерпнуть урокъ для настоящаго времени, или врачевство отъ одолѣвающихъ наше общество недуговъ. Живая, тѣсная связь общества съ церковію, въ какой-бы формѣ она ни была возстановлена, и есть тотъ завѣтъ сѣдой старины нашей, надъ которымъ по преимуществу мы должны остановиться и для котораго не можемъ придумать болѣе подходящей формулы, кромѣ давно сказанныхъ словъ: *помянухъ дни древнія и поучихся...*

Уставъ кіевскаго цирюльническаго цеха 1767 года.

Уставъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ уцѣлѣвшихъ документовъ, которые въ общей совокупности своей даютъ намъ понятіе о внутренней жизни кіевскаго городскаго общества въ половинѣ XVIII ст.

Повторяемъ, такихъ документовъ уцѣлѣло не много, въ печати ихъ почти нѣтъ. Отъ прежняго вѣковаго архива кіевскаго магистрата не осталось, кажется, и слѣда. Спросите нынѣшнюю думу, или ея управу, гдѣ тѣ жалованныя грамоты царскія, королевскіе привилеи, гетманскіе универсалы, которые такъ бережно и почтительно хранились прежнимъ магистратомъ въ дорогихъ ящикахъ и витринахъ, на бархатныхъ подушкахъ, еще въ концѣ прошлаго столѣтія, и съ такою гордостію были представляемы членами магистрата посѣщавшему Кіевъ наслѣднику русскаго престола, великому князю, впослѣдствіи императору, Павлу Петровичу и его супругѣ? Многочисленныя дѣла кіевскаго магистрата — административныя, судебныя и хозяйственныя давно сдѣлались добычею пламени или невѣжества, какъ и самое его помѣщеніе и оригинальное имущество, между прочимъ, въ орудіяхъ наказаній, пушкахъ, ружьяхъ, знаменахъ и т. под. Между тѣмъ жизнь идетъ своимъ чередомъ; поколѣнія слѣдуютъ одни за другими, составъ населенія Кіева мѣняется приливомъ все новыхъ элементовъ, традиціи утрачиваются, связь новой жизни съ прежнею прерывается и не по чему провѣрить ни ея роста, ни отклоненій и задержекъ въ развитіи, погрѣшностей и ошибокъ, въ силу забвенія прежнихъ порядковъ и обычаевъ.

Едва-ли есть надобность говорить о необходимости и пользѣ для каждаго общества знакомиться съ своею прежнею жизнью въ

общемъ и въ частностяхъ по тѣмъ письменнымъ документамъ, какіе сохранились отъ прежняго времени; но прежде надо собирать самые документы. Ихъ собралъ и издалъ старинный Витебскъ, а болѣе древній, древнѣйшій по преимуществу Кіевъ такого собранія не имѣетъ. Между тѣмъ и теперь можно найти хотя обрывки ихъ въ мѣстныхъ архивахъ и въ частныхъ рукахъ. Изъ частныхъ рукъ, отъ одного изъ членовъ нынѣшняго цирюльническаго цеха достался намъ и помѣщаемый ниже документъ.

Содержаніе его несложно и просто; оно представляетъ собою памятникъ прежней автономной жизни кіевскаго общества, или одну частичную ея принадлежность. Цехи—древнѣйшая форма общественной жизни южно-русскихъ городовъ, привившаяся въ нее съ Запада въ періодъ литовскій, вмѣстѣ съ магдебургскимъ правомъ, и широко разросшаяся на новой почвѣ, въ слѣдствіе близости ея къ древнему укладу нашей вѣчевой жизни. Это свободныя наши ассоціаціи, группировавшія людей всевозможныхъ профессій въ правильно организованные кружки, объединяемые общностію церковно-религіозныхъ и общественныхъ интересовъ, а также полною автономіею своего внутренняго управленія. Цехи гончарные, купперскіе, кравецкіе, кузнецкіе и другіе находимъ во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, пользовавшихся магдебургскимъ правомъ, и даже въ селахъ, гдѣ существовали подобные профессіи въ сколько нибудь значительномъ размѣрѣ. Иногда цехъ былъ вмѣстѣ и братствомъ церковнымъ, или-же нѣсколько цеховъ соединялись въ одно братство, но, и не пося названія братства, цехъ служилъ одновременно цѣлямъ церкви. Собственно организація цеха и братства одна и таже, хотя цѣли ихъ различны, ибо тогда, какъ цехъ преслѣдуетъ главнымъ образомъ развитіе ассоціаціи и ея профессіи, братство на оборотъ имѣло въ виду преимущественно религіозно-нравственныя потребности. Впрочемъ въ служеніи цѣлямъ общественнымъ они сходились, и въ этомъ, равно какъ и однообразномъ ихъ устройствѣ, заключается причина того, что цеховая организація усвоялась даже такими кружками, которые собственно не принадлежали къ обществу, какъ кружки нищихъ и въ частности слѣпцевъ. Нужда въ кружковой, общей жизни чувствовалась въ такой степени, что при недостаточномъ числѣ въ данномъ городѣ лицъ извѣстной профессіи и невозможности образовать самостоятельный цехъ, они при-

соединялись къ людямъ другой профессіи, или другому цеху; такъ соединялись кушнера и кравцы, кузнецы и слесаря и т. д.

Такъ именно случилось и съ кіевскими цирюльниками. До 1766 г. они находились въ соединеніи съ цехомъ кравецкимъ; но кравцы (портные) относились къ нимъ презрительно, не считали ихъ настоящими цеховыми, не давали имъ голоса въ дѣлахъ, не касающихся ихъ профессіи, не обстаивали ихъ въ возникающихъ по ихъ кружку дѣлахъ, не допускали ихъ къ выборамъ въ цеховыя должности, какъ-то цехмистра, ключника и пр. Эти обстоятельства, а также и увеличившееся вѣроятно число цирюльниковъ въ Кіевѣ побудили ихъ просить магистратъ о выдѣленіи ихъ въ особый самостоятельный цехъ. Просьба ихъ была удовлетворена спустя около двухъ лѣтъ, что даетъ поводъ заключать, что кравцы не желали такого отдѣленія, не выгоднаго для нихъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшались ихъ платежныя силы и доходы. Уставъ въ 10-ти пунктахъ былъ составленъ самими цирюльниками, по образцу какого либо другаго устава и на основаніи старыхъ обычаевъ и порядковъ. Въ основу устава полагается принципъ равенства членовъ, взаимнаго другъ къ другу уваженія и почтенія къ старшимъ, за тѣмъ опредѣляются взаимныя отношенія цеховыхъ по выполненію ихъ профессіи, положеніе поступающихъ въ обученіе мастерству, свободныхъ работниковъ и прибывающихъ вновь мастеровъ, и наконецъ очерчивается кругъ профессіональныхъ занятій членовъ цеха. Каждый пунктъ устава носитъ на себѣ историческій отпечатокъ, но особенно оригиналенъ пунктъ 1-й, по которому цирюльники принимаютъ на себя артиллерійскую службу въ городской милиціи, и обязываются во время церемоній [1]) „пушечную пальбу производить порядочнымъ образомъ“, подвергая себя за неисправность тюремному заключенію и внесенію въ цехъ по пяти фунтовъ воску. Послѣдній видъ штрафа, повторяемый и въ другихъ пунктахъ устава, заимствованъ изъ уставовъ братскихъ и указываетъ на то, что такого рода штрафы обращались въ пользу церкви и что слѣдова-

---

[1]) Объ этихъ церемоніяхъ см. статью: Кіевское представительство прежняго времени. «Кіевск. Старина», 1882 г., майск. книжка, стр. 177—193.

тельно цехи и теперь еще не утратили своей прежней связи съ братствами; внутренняя организація цеха была безъ сомнѣнія опредѣлена съ большею подробностію, но не письменно, а живымъ обычаемъ. На это мы имѣемъ довольно данныхъ въ находящейся у насъ подъ руками записной книгѣ кіевскаго кравецкаго цеха съ 1798 по 1835 г., а также записей гончарнаго цеха въ с. Дыбинцахъ, кіевской губерніи, за болѣе древнее время; но группировку этихъ данныхъ отлагаемъ до другаго времени, ограничиваясь на сей разъ помѣщеніемъ лишь акта объ учрежденіи кіевскаго цирюльническаго цеха. Вотъ текстъ его.

По указу ея императорскаго величества зъ магистрата кіевского данна сія винись цылюрнического собрания началнику Григорию Иванову сину Хотяновскому зъ братіею; для того въ ономъ магистратѣ слушано доношенія, поданного отъ оного началника Хотяновского зъ братіею, и приложеннихъ при томъ ихъ доношеніи пунктовъ, въ какомъ содержаніи быть ихъ цылюрническому собранію, съ прошеніемъ, дабы въ то ихъ собраніе на содержаніе оного дать з оного магистрата ухвалу, понеже имъ обойтись безъ того невозможно. Въ техъ же ихъ цылюрниковъ пунктахъ показано:

1-е, чтобъ всякъ зъ братіи майстерства цылюрнического на сходки общей, а паче во время бываемой при магистратѣ кіевскомъ церемоніи и пушечной палбы былъ, и ту пушечную палбу производилъ порядочнимъ образомъ, а естли кто въ томъ окажется противнимъ, таковогo съ вѣдома мигистрата кіевского штрафовать турмою и взятьемъ до собрания пяти фунтовъ воску, 2-е, каждой брата своего не толко уничижать, а себе возвышать не долженъ, но еще оного почитать, а притомъ старѣйшему себе честь отдавать долженъ, 3-е, ежели кто зъ братій подрядится кому класть къ каковой либо ранѣ пляйстеръ, то другой уже въ томъ препятствовать и своего пляйстра безъ началникового вѣдома и дозволенія прикладать не долженъ, а буди кто въ томъ окажется противнимъ, съ таковогo взискивать до собранія по пяти фунтовъ воску, договореннымъ же деньгамъ отъ сторони той, которая требувала прикладать пляйстеръ, оставатся при первомъ майстру, 4-е, ежели которой братъ для

производства своего майстерства въ кого наймет хату или баню, то другой уже въ томъ ему до уговоренного сроку перебивать и цени подвишать не долженъ, а если кто сіе преступить, съ такового взискивать до собранія воску по десяти фунтовъ, хатѣ-жъ и банѣ оставаться за наемщикомъ, 5-е, буди которой братъ не имѣетъ въ себе цылюрнѣ, таковому въ другихъ, какъ и прежде было, работать на своихъ харчахъ и на всѣхъ своихъ-же инструментахъ и мылѣ съ половины, и уже на сторонѣ того своего майстерства безъ вѣдома майстерского производить, а ни кровѣ пускать ни подъ какимъ видомъ не долженъ, 6-е, каждый майстеръ отъ другого майстра молодика къ себѣ оттоваривать не долженъ, 7-е, молодикамъ майстерства цылюрнического служить въ своихъ майстровъ, какъ и прежде, съ третей копейки, а на харчахъ и всѣхъ инструментахъ майстерскихъ, 8-е, ежели отколь прийдетъ сторонной паробокъ, то такового безъ вѣдома магистрата кіевского въ собраніе майстерства цылюрницкого не принимать и въ число другихъ не записывать, а представить объ немъ въ оный магистратъ и ожидать на то резолюціи, 9-е, никто зъ сторонихъ майстерства цылюрницкого, не поеднавши того майстерства собраніе, работать не долженъ, а еслибъ кто въ томъ оказался противнимъ, такового весь его инструментъ забирать въ собраніе, 10-е, оное майстерство цылюрницкое имѣетъ состоять въ томъ: бреить, кровъ жилную и зашкурную пускать, рани гоить рубанние, пробитіе и стреляние, а особливо въ вирваніи зуба и въ излѣченіи французской и шолудней болѣзней, въ поставки крастеровъ и въ шлюфованіи бритовъ.

А по справки въ магистратѣ кіевскомъ явилось, что по поданному въ оній магистратъ отъ предпоказанних цылюрниковъ, прошлаго 1766 году, іюня 10, доношенію о содержаніи ихъ кравецкимъ цехомъ, подъ которимъ они состояли, въ крайнемъ презрѣнии и о признании ихъ же не настояще цеховими, какъ де въ другихъ цехахъ всякого ромества люде безъ изятія равно всѣ признаются, но полуцеховими, и въ неимѣніи онимъ кравецкимъ цехомъ за нихъ въ случаючихся ихъ нуждахъ никакова обстоятельства, и въ непроизвожденіи ихъ противъ находячихся въ томъ цеху кравцовъ ни въ какия званія, и въ протчихъ по тому ихъ доношению значащихся обидахъ, отъ оного-жъ кравецкого цеху причиняемихъ, съ прошеніемъ о исключении ихъ съ того кравецкого цеху и о принятіи подъ особое ма-

гистратское вѣдомство, такожъ и о учрежденіи ради обыкновенного приниманія ремества ихъ ремесниковъ въ майстры, такожъ визволки учениковъ и вписиванія въ обученіе ремества хлопцовъ, и другихъ ремесленнихъ обрядовъ между ими собранія, а притомъ и о порученіи имъ магистратскихъ пушекъ въ добропорадочное во всякой исправности смотрение, и въ пристойное зъ нихъ при случающихся церемоніяхъ палби производство — учинить въ семъ магистратѣ опредѣление. Состоявшимся въ ономъ магистратѣ, прошлого 1767 году, априля 16 дня, приговоромъ велено: въ силу прописанныхъ въ ономъ приговорѣ высокомонаршихъ, сему магистрату жалованнихъ грамотъ, королевскихъ привилегій и другихъ обстоятелствъ, онихъ цырулниковъ съ показанного кравецкого цеху исключить, и быть особливому цырулническому собранию, по примѣру другихъ здешнихъ цеховъ, подъ дѣйствителнимъ магистрата кіевского во всемъ видѣніемъ, имѣя имъ между собою по произволительнному обще всѣхъ вибору начальника, и оное свое цырулницкое ремество въ принимании того ихъ ремества майстровъ, въ визволки учениковъ, и вписивании входящихъ въ обучение ремества хлопцовъ, и въ прочихъ обыкновеннихъ ремесленнихъ, установленнихъ по цехамъ, поведенияхъ содержать добропорядочно, а притомъ имъ цырюлникамъ и пор учить магистратскіе пушки, обовязатъ притомъ особливо ихъ подпискою, что они какъ тѣ пушки въ добромъ смотреніи содержать, такъ изъ онихъ въ случае какихъ церемонѣй палбу порядочнимъ образомъ производить имѣютъ, въ силѣ которого приговора означенние цырулники подпискою въ семъ магистратѣ и обовязались, и какъ въ ономъ магистратѣ обявили и началника себѣ по общему своему согласію зъ промежъ себе показанного Григория Хотяновского собрали, почему нинѣ иного нечего и не остается, какъ толко оное цылюрническое собраніе, дабы, по новости оного, какихъ въ немъ непорядковъ или несогласій послѣдовать не могло, утвердить дачею особливо въ оное собраніе отъ сего магистрата ухвали, или виписѣ, вслѣдствіе чего вишеписанніе, представленніе отъ онихъ цылюрниковъ въ оний магистратъ пункта, касаючіесь къ содержанію обявленного ихъ цылюрнического собранія, въ магистратѣ кіевскомъ въ полномъ собраніи доволно и разсматривани, и по разсмотренію являются всѣ-жъ пункта правилние, для того оний магистратъ, имѣя по высокомонаршимъ жалованимъ оному-жъ магистрату грамотамъ и ут-

верженимъ онимъ майдебурскимъ правамъ власть всякіе въ семъ городѣ учреждать порядки, показанніе, представленніе отъ нихъ цылюрниковъ пункта апробуетъ, зъ тѣмъ, что оніе цылюрники по представленному своему цылюрническому майстерству во всемъ противъ тѣхъ пунктовъ всенепременно поступать имѣютъ, такожъ приходящихъ сюда въ Кіевъ людей безъ письменныхъ свидѣтелствъ и безъ представленія въ сей магистратъ въ оное свое собраніе принимать, а особливо внутреннихъ и другихъ къ тому ихъ цылюрническому майстерству неподлежащихъ болѣзней, кромѣ какіе они въ тѣхъ своихъ пунктахъ показали, отнюдь лѣчить не имѣютъ, да й тѣ отъ нихъ показанніе болѣзни и рани имѣютъ лѣчить они со всякою осторожностію и какъ зъ найлучшимъ смотреніемъ, безъ малѣйшого какова либо кому во излѣченіи тѣхъ болѣзней и ранъ вреда, или другого какого коварства, подъ опасеніемъ, ежелибъ отъ кого зъ нихъ противно сему что воспослѣдовать могло, не токмо исключеня оного зъ того цылюрнического собранія, но еще и учиненія съ нимъ по всей строгости законовъ, чего особливо за ними цылюрниками всенайприлѣжнѣйше какъ нинѣшнему оного цылюрнического собранія началнику Хотяновскому, такъ и по немъ будучимъ началникамъ наблюдать, о чемъ всемъ и дать въ оное цылюрническое собраніе, за руками присутствующихъ въ магистратѣ кіевскомъ и приложеніемъ обикновенной печати, випись, которая и дана. Іюня 30 1769 году.

Ея императорскаго величества прародительной отчины Богомъ хранимаго города Кіева: Надворный совѣтникъ и войтъ Григорій Пивоваровъ. Бурмистръ и степеный Данило Величковскій. Бурмистръ Василий Балабуха. Бурмистръ Аѳанасій Александровичъ. Бурмистръ Козма Кулешъ. Бурмистръ и депутатъ Іосифъ Василиевъ Гудимъ. Бурмистръ Іосифъ Ивановъ Гудимъ. Писаръ Иванъ Давидовскій. Райца Иванъ Силенко Нѣчай. Райца Іосифъ Козельскій. Райца Герасимъ Кувечинскій. Райца Гаврилъ Росускій.

Канцелярист Захарій Репертовичъ.

(М. П.)

Письмо князя Константина Острожскаго, воеводы кіевскаго, къ сыну его Янушу, каштеляну краковскому. 7 мая 1607 года.

Извѣстный ревнитель и защитникъ православія и народности русской въ XVI ст., князь Константинъ Константиновичъ Острожскій жилъ около ста лѣтъ и болѣе полустолѣтія наполнилъ своими громкими, въ потомство перешедшими, дѣяніями. По роду своихъ дѣйствій, по своему первенствующему во всѣхъ отношеніяхъ положенію въ южной Руси, по своимъ фамильнымъ и общественнымъ связямъ, онъ имѣлъ чрезвычайно обширныя и самыя разнообразныя сношенія и несомнѣнно велъ огромную переписку; но время не пощадило произведеній его пера, какъ не пощадило всѣхъ его просвѣтительныхъ и благотворительныхъ учрежденій и самаго рода его. Изъ громадной его переписки—частной и дѣловой сохранилось лишь нѣсколько писемъ, помѣщенныхъ въ IV томѣ актовъ Западной Россіи, „Исторіи возсоединенія Руси“, Кулиша, и „Кіевлянинѣ“ Максимовича. Три письма достались намъ. Одно изъ нихъ помѣщаемъ здѣсь. Оно совершенно семейнаго характера, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ большой историческій интересъ. Острожскій — отецъ коротко пишетъ старшему своему сыну, Янушу, о поведеніи его жены и выражаетъ свой мѣткій взглядъ на южно-русскую женщину того времени: „вѣка повторяются,—это вторая Амазонка“, говоритъ онъ о своей невѣсткѣ. Это тотъ взглядъ, къ которому пришелъ современный намъ польскій историкъ, извѣстный докторъ Антоній І., послѣ многолѣтнихъ архивныхъ изысканій, представившій намъ увлекательные и крайне оригинальные типы украинской женщины XVI и XVII ст. Мѣтко схваченное свѣтлымъ и проницательнымъ умомъ

князя Острожскаго явленіе тогдашней общественной жизни и даетъ всю цѣну его письму, не смотря на краткость его содержанія.

Подлинникъ письма—на польскомъ языкѣ; это новая его особенность. Могущественнѣйшій русскій князь, къ котораго слову прислушивалась вся Польша, патріотъ до мозга костей, меценатъ русскаго просвѣщенія и языка, родному сыну своему о дѣлѣ семейномъ пишетъ по польски. Это не уступка вкусу давно ополячившагося и окатоличившагося сына,—это уступка всесильному духу времени и вліянію польской культуры.

Кто-же однако эта амазонка? Къ какой именно женѣ князя Януша относится отзывъ его отца?—Съ точностію сказать этого не можемъ. Янушъ женатъ былъ три раза: въ первый разъ на внучкѣ венгерскаго магната Середы, второй на Катеринѣ *Любомирской* и третій на Ѳеофилѣ *Тарло*. Первая жена его умерла въ 1593 г думаемъ, что все сказанное княземъ Константиномъ относится къ второй женѣ Януша, Катеринѣ Любомирской.

„Слугами„ своими князь называетъ завѣдывавшихъ его имѣніями и дворомъ, а также надворною его милиціею, число которой простиралось иногда до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ. Ермолинскій, о которомъ упоминается въ письмѣ, былъ изъ числа командировъ милиціи, съ чиномъ ротмистра.

Въ языкѣ подлинника, кромѣ особенностей тогдашняго польскаго правописанія, которое удержано и нами, есть въ нѣкоторыхъ словахъ и даже въ буквахъ *руссицизмы*, показывающіе, что князь пишетъ не на природномъ ему языкѣ, хотя вообще владѣетъ имъ довольно свободно. Мы помѣщаемъ и подлинникъ и переводъ.

Moy naymilszy panie Crakowsky!

Juz widzę, ze wszystkie wicki maią swoi obroth, bo coś my tylko podania pierrwszei słychali o bylych Amazonkach, to czasy naszemi na oko wiedziemy, ze IMC. P. Woiewodzina, Pani sinowa moia, drugą Amazonką się bydz okazuię: niedosycz miala na tem sama wstempowacz w szranki to z Wczią, to ze wszystkimi nami, domowniki swemi, ale tez y przez harcowniki swoie naprzod z X. Czarthoryskim, potem z Duchowieństwem, a prawie z Bogiem samem, więcz na ostatek z sługami memi, jako sie na tych dniach owdzie od

Konarskiego, Archimaadrita Uniiowskiego i od Badzynskiego słudze naszemu, P. Iermolinskiemu dokazuie. A naweth ija sam o takie nieuszanowanie od nich przychodzę, że wszetecznych mow prozen bydz nie mogę, nie telko aby na pisanie, a podzas na prozbę moie wzgląd iaki miecz mieli. W czem się W. M. opowiadam, ze za takim moim owdzie niezwazeniem zal mie do tego przziwiedzie, ze ym podobno cierpiecz dalci nie będę. Zycze y Pana Boga prosze, abym rychlo dobrze zdrowego W. M. u siebie widział. Z Ostroga. 7 maia. 1607 r.

W. M. wszelkiego dobra W. M. zyczliwy oyciec,
Constantin Xiąze Ostroski, Woiewoda Kiiowski.

Prosze tez, racz mi dacz znacz, yako sie mam rychło W. M. do siebie spodziewacz.

(Переводъ).

Мой милѣйшій панъ Краковскій!

Вижу, что вѣка повторяются, ибо то, что мы только какъ преданія слышали о древнихъ амазонкахъ, теперь видимъ во очію: ея милость, пани воеводина, невѣстка моя, оказывается другою амазонкою. Она не ограничилась тѣмъ, что заводила ссоры то съ вашею милостью, то со всѣми нами, своими ближними, но чрезъ своихъ наѣздниковъ воеводила сперва съ кн. Чарторижскимъ, потомъ съ духовенствомъ, точнѣе съ самимъ Богомъ, а наконецъ и съ слугами моими, какъ это на сихъ дняхъ производится тамъ съ слугою моимъ Ермолинскимъ отъ Конарскаго, архимандрита Унеіовскаго и отъ Бадзынскаго. Даже самъ я подвергаюсь такому отъ нихъ неуваженію, что не могу быть свободнымъ отъ постыдныхъ толковъ, что не только письма, но даже просьбы мои не могутъ имѣть на нихъ какого либо вліянія.

По этому предупреждаю вашу милость, что мое огорченіе отъ такого ко мнѣ неуваженія доведетъ меня до того, что, кажется, долѣе терпѣть имъ я не буду.

Желаю и Господа Бога молю, чтобы въ скорости я видѣлъ вашу милость у себя въ добромъ здоровьи.—Изъ Острога. 7 мая 1607 г.

Всего добраго вашей милости желающій отецъ,
Константинъ князь Острожскій, воевода кіевскій.

Прошу такъ же, изволь ваша милость дать мнѣ знать, какъ скоро я могу ожидать вашу милость къ себѣ.

На оборотѣ этого письма, въ листъ, оплаточная печать съ гербомъ и надпись: IMCI Panu Ianuszowi Xięciu Ostrogskiemu, Casztelanowi Crakowskiemu, Naymilszemy Sinowi (Его милости, пану Янушу князю Острожскому, каштеляну краковскому, милѣйшему сыну).

Библіографія.

Русская историческая библіотека, издаваемая археографическою коммисіею. Т. VII. Памятники полемической литературы въ западной Руси. Кн. 2-я. Спб. 1882.

Этотъ объемистый томъ «Библіотеки», изданный подъ редакціею П. А. Гильдебрандта, вышелъ еще къ концѣ прошлаго года, но о немъ не было до сихъ поръ никакого отзыва въ западно-русской печати, а между тѣмъ составъ его представляетъ немаловажный историческій интересъ. Помѣщенные въ немъ памятники полемической литературы изъ эпохи возникновенія религіозной уніи и первыхъ временъ ея распространенія, числомъ девять, всѣ, за исключеніемъ одного, были въ свое время напечатаны, но теперь сдѣлались библіографическими рѣдкостями, извѣстными иногда только въ упикатахъ, огромному большинству изслѣдователей той эпохи почти недоступныхъ, и потому нельзя не благодарить археографическую коммисію за новое ихъ изданіе. Памятники, здѣсь помѣщенные, слѣдующіе.

1. *Вопросы и отвѣты православному съ папежникомъ*, 1603 года, извѣстные до сихъ поръ только по «Описанію рукописей московской синодальной библіотеки» Горскаго и Новоструева, теперь напечатаны вполнѣ. Независимо отъ содержанія, представляющаго общепонятное, по своему времени, изложеніе различій между православіемъ и католицизмомъ, съ полемикою противъ послѣдняго,—интересъ представляетъ и самая рукопись «Вопросовъ и отвѣтовъ». Годъ ея написанія опредѣленъ по одному мѣсту въ срединѣ текста; одно время она пронадлежала какому-то священнику Іосифу, промѣнявшему ее «за Молитовникъ рускій» Іоанну Шуцкому; въ половинѣ XVII вѣка владѣлъ ею «Іоаннъ Нечай»,—

очевидно, извѣстный «Чаусовскій» полковникъ, мужъ одной изъ дочерей Богдана Хмельницкаго, которую Максимовичъ (соч., I, 700) именуетъ почему-то Настею, тогда какъ въ Volumina legum (IV, 359, изд. Огрызки) она подъ 1661 годомъ названа Стефанидою; впослѣдствіи эта рукопись составляла собственность ростовскаго святителя Димитрія, т. е. Данила Савича Туптала, «сотниченка кіевскаго» (Величко, III, 84). На поляхъ рукописи сохранилось много неизвѣстно кому принадлежащихъ примѣчаній, поясненій и ссылокъ на св. писаніе, которыя и напечатаны въ сноскахъ.

2. *Унія аль бо выкладъ преднейшихъ артыкуловъ, ку зъодночекью Грековъ съ костеломъ Рымскимъ належащихъ*, напечатана съ виленскаго изданія 1595 года, сохранившагося въ одномъ только, и то неполномъ экземплярѣ, въ московской городской (прежней Чертковской) библіотекѣ. Ее приписываютъ извѣстному пропагатору уніи Ипатію Потѣю, а предназначена она была для осторожнаго ознакомленія православныхъ съ чуждыми православію догматами католицизма и къ еще болѣе осторожному утвержденію ихъ истинности. Сохранившійся экземпляръ имѣетъ на поляхъ также много замѣтокъ, написанныхъ очевидно православнымъ, имѣющихъ характеръ полемическихъ возраженій противъ текста брошюры.

3. Изъ той-же библіотеки заимствована и другая рѣдкость: *Гармонія альбо согласіе вѣры, сакраментовъ и церемоней святое Восточное церкъви съ костеломъ Рымскимъ*, 1608 года, тоже посвященная защитѣ уніи и отличающаяся какъ рѣзкостью изложенія, такъ и его языкомъ: оно идетъ перемежаясь то порусски, то попольски, и напечатано двумя шрифтами.

4. Обширное сочиненіе знаменитаго проповѣдника, іезуита Петра Скарги: O iedności kościoła Bożego pod iednym pasterzem y o greckim od tey iedności odstąpieniu», перепечатано тоже съ униката перваго изданія 1587 года, находящагося въ петербургской публичной библіотекѣ; изданіе это было въ свою пору почти все сожжено, а болѣе извѣстное второе, 1590 года, во многомъ отъ него различается. Всѣ эти различія, равно какъ и замѣтки на поляхъ книги, помѣщены въ выноскахъ. Добавленныя или совсѣмъ предѣланныя въ этомъ изданіи главы помѣщены особою,

5-ю статьею, подъ заглавіемъ «Новыя статьи Петра Скарги 1590 году».

6. Незначительная брошюра іезуита Бенедикта Гербеста: Wiary kościoła rzymskiego wywody y greckiego niewolstwa historya: dla iedności»,

была въ свое время довольно распространена, какъ видно изъ нерѣдкихъ упоминаній въ полемическихъ сочиненіяхъ православныхъ.

7. Одно изъ такихъ сочиненій представляетъ книга острожскаго священника Василія: «О единой истинной православной вѣрѣ и о святой соборной апостолской церкви, откуду начало и како повсюду распростреся», изданная въ 1588 году и заключающая въ себѣ разборъ и опроверженіе мнѣній, высказанныхъ въ уніатскихъ изданіяхъ: «Унія» и «Гармонія» (см. выше, №№ 2 и 3), выгодно отличаясь отъ нихъ сдержанностью и серьезностью полемики.

8. Вслѣдъ за брестскимъ соборомъ 1596 г, на которомъ установлена была отступившими отъ православія епископами недоброй памяти религіозная унія, тотъ-же Скарга издалъ сочиненіе: «Synod Brzeski», защищая его дѣянія. Перваго изданія этого сочиненія (1596) археографическая коммисія не могла добыть, а напечатала его съ изданія 1738 г., сообщеннаго ей профессоромъ кіевской духовной академіи, Ив. Игн. Малышевскимъ.

9. Отвѣтомъ на сочиненіе Скарги послужилъ со стороны православныхъ знаменитый «Апокрисисъ, албо отповѣдь на книжки о съборѣ берестейскомъ, именемъ людей старожитной релѣи греческой, черезъ Христофора Филялета врихлѣ дана», занимающій почти половину настоящаго тома «Библіотеки» (столбцы 1003—1820). Здѣсь помѣщенъ онъ въ двухъ текстахъ: польскомъ, съ *перваго* изданія 1597 г., единственный экземпляръ котораго имѣется у М. О. Кояловича, и русскомъ, болѣе извѣстномъ, изданномъ около двухъ лѣтъ спустя. По поводу «Апокрисиса» въ предисловіи находимъ слѣдующее интересное замѣчаніе: «это сочиненіе, какъ и нѣкоторыя другія, извѣстно въ настоящее время въ двухъ текстахъ: польскомъ и западно-русскомъ. Апокрисисъ имѣетъ уже не одного изслѣдователя, имѣетъ даже и переводчиковъ на современный русскій языкъ (профессоръ кіевской духовой академіи С. Т. Голубевъ), но тексты его доселѣ не были воспроизведены. При сличеніи западно-русскаго текста съ польскимъ оказывается, что *послѣдній* изъ нихъ есть *оригиналъ* сочиненія, а *западно-русскій*—переводъ, или, вѣрнѣе, *вторая* редакція, не во всемъ объемѣ своемъ согласная съ изданіемъ 1597 года. Эта редакція представляетъ большое количество стмѣнъ, поправокъ, пропусковъ, вставокъ, сокращеній и развитій, имѣющивъ большую цѣну и значеніе для историка и богослова; самый-же текстъ перевода кромѣ того весьма важенъ и для языкознслѣдователя».

Таковъ богатый составъ седьмого тома «Исторической Библіотеки». Къ сожалѣнію, мы не имѣли до сихъ поръ возможности ознакомиться

съ относящимися къ нему указаніями: 1) лицъ, 2) мѣстъ, и 3) предметовъ и рѣченій, которые должны были выйти, вмѣстѣ съ примѣчаніями къ тексту памятниковъ, особою брошюрою; не знаемъ даже, появилась-ли она уже въ свѣтъ.

Ив. Новицкій.

Малорусскія изданія 1882 года.

Въ іюньской книжкѣ «Кіевской Старины» мы разсмотрѣли малорусскія книги, вышедшія въ 1882 г. новыми изданіями, и указали, такъ сказать, raison d'être появленія каждой изъ нихъ; теперь скажемъ о книгахъ новыхъ, впервые явившихся въ печати въ 1882 г.,—держась той мысли, что и произведенія беллетристическія, съ которыми мы на этотъ разъ имѣемъ дѣло, могутъ быть въ своемъ родѣ памятниками историческими, если вѣрно передаютъ картины дѣйствительной жизни въ данную эпоху.

Оригинальныхъ произведеній въ малорусской литературѣ появилось въ прошломъ году пять, а именно: *1) Збірникъ творівъ М. Л. Кропивницького, 2) Оповиданія про комахъ, О. Степовыка, 3) Про дифтеритъ або обкладки, М. Хвыдоровського, 4) За злыми людьми й хата не зіорить, Алексѣя Грабины и 5) За крашанку—писанка, Данила Слѣпченка Мордовця.*

1) Збірникъ творівъ М. Л. Кропивницького. Т. 1-ый. Кіевъ 1882 г. Въ напечатанномъ 1-мъ томѣ помѣщены три драмы и одинъ водевиль, а именно: 1) «Дай серцю волю, заведе въ неволю», драма въ 5 дѣйствіяхъ и 6 картинахъ; 2) «Глитай, або-жъ навукъ», драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ и 5 картинахъ; 3) «Невольникъ», драматическія картины, и 4) «Помирились», водевиль въ 1 дѣйствіи.

Содержаніе драмы: «Дай серцю волю, заведе въ неволю» заимствовано изъ сельскаго украинскаго быта и представляетъ не вполнѣ обыденный моментъ простонародной жизни, а скорѣе исключительное явленіе, что однако не помѣшало автору начертить нѣсколько характерныхъ типовъ.

Парубокъ Семенъ Мельниченко, ходившій на все лѣто на заработки, возвращается осенью въ родное село и, не заходя домой, идетъ повидаться съ Одаркой, любимой имъ дѣвушкой, которая отвѣчаетъ ему взаимностью. Вскорѣ подходитъ къ нимъ Микита, сынъ старшины, про котораго Одарка сообщаетъ Семену, что онъ неотступно сватается за нее. Не желая видѣться съ нимъ, она поспѣшно уходитъ въ хату. Прос-

ходитъ первая сцена между двумя соперниками, предвѣщающая что-то недоброе. Къ концу этой сцены появляется Иванъ Непокрытый, сирота-бѣднякъ, названный братъ Семена (побратимъ), и между прочимъ сообщаетъ, что сейчасъ соберутся сюда *парубки обирати березу*, т. е. своего старшаго. Дѣйствительно, вскорѣ появляются парубки, и происходитъ прекрасная оживленная бытовая сцена парубоцкихъ выборовъ и между прочимъ столкновеніе Ивана съ Микитой, котораго, очевидно, никто не любитъ за его гордый нравъ и за то, что онъ разыгрываетъ роль панича. Сцена заканчивается превосходной чумацкой пѣсней: «Гулявъ чумакъ на рыночку». Затѣмъ дѣйствіе переноситъ насъ въ хату Морозихи, вдовы, у которой въ теченіе всей зимы собираются «вечерницi». Микита сидитъ за столомъ, очень насмурный; дівчина Маруся, которую прежде любилъ Микита,—тутъ-же. Постепенно собираются сюда дівчата и парубки и между прочими Одарка, Семенъ и Иванъ. Изъ отдѣльныхъ сценъ и разговоровъ Микиты съ Морозихой, Марусей, Одаркой и Иваномъ видно, что на душѣ у него что-то недоброе, такъ какъ онъ, сынъ старшины, статный и богатый парубокъ, не можетъ помириться съ мыслью, что Одарка выйдетъ замужъ за Семена, а не за него—что онъ можетъ получить отказъ. Между прочимъ, онъ въ разговорѣ съ Морозихой довольно ясно намекаетъ на то, что въ случаѣ крайности онъ готовъ рѣшиться на преступленіе. Дѣйствіе заканчивается опять прекрасной бытовой картинкой *вечерниць*. Въ слѣдующемъ дѣйствіи мы узнаемъ изъ разговора двухъ *дівчатъ*, что Микита дѣйствительно что-то затѣваетъ, такъ какъ уже три дня назадъ отправился къ *ворожбиту;* а между тѣмъ Семенъ, ничего не подозрѣвая, посылаетъ сватовъ къ Одаркѣ и, конечно, получаетъ полное согласіе. Сейчасъ-же являются *парубки и дівчата* въ хату Одарки, гдѣ и *справляютъ сватання*. Какъ разъ въ это время возвращается въ село Микита и, узнавъ о совершающемся сватаньи, проситъ одну изъ дѣвушекъ вызвать изъ Одаркиной хаты Семена. При появленіи послѣдняго, Микита кидается на него съ ножемъ, но благодаря Ивану Непокрытому, еще раньше замѣтившему его и спрятавшемуся въ сторонѣ, Микита схваченъ и связанъ выбѣжавшими на шумъ парубками. Этой трагической сценой и заканчивается третье дѣйствіе. Дѣйствіе 4-ое знакомитъ насъ съ событіями, совершившимся черезъ три недѣли послѣ свадьбы Семена. Въ то время, какъ счастливая молодая пара проводила медовый мѣсяцъ, старшина, отецъ Микиты, мстя за своего сына, устроилъ дѣло такъ, что Семена назначаютъ въ рекруты. Понятно горе, которое охватило молодыхъ; но Иванъ, желая доказать, что *побратимство* онъ понимаетъ не на словахъ только, объявляетъ имъ, что онъ намѣренъ идти замѣстителемъ, какъ человѣкъ,

которому терять нечего. Это дѣйствіе сравнительно очень короткое, исполнено сценичности и можетъ быть названо самымъ удачнымъ. Послѣднее дѣйствіе, четыре года спустя, вводитъ насъ въ семью Семена, который теперь уже сотскимъ. Семья эта увеличилась, благодаря возвращенію раненнаго Ивана, который въ качествѣ семьянина, поселился тутъ; почти въ тоже время появляется и Микита, котораго, какъ бѣглаго, водворяютъ на мѣсто жительства въ родное село. Но такъ какъ у Микиты теперь ничего нѣтъ, благодаря пожару, истребившему все имущество отца, то Семенъ предлагаетъ ему поселиться съ ними и забыть все старое. Микита соглашается, но не къ добру повело это. Хотя онъ теперь совсѣмъ больной, но старая страсть-ревность, помимо воли его, заговорила опять. И вотъ однажды ночью, мучимый болѣзнью и ревностью, онъ рѣшилъ было покончить со спящимъ Семеномъ, и только ласковый голосъ Семена сквозь сонъ останавливаетъ его. Тутъ кстати просыпается Иванъ и пробуетъ успокоить его, но изнемогшая душа Микиты не выдерживаетъ этого послѣдняго испытанія, и онъ умираетъ: по выраженію Ивана, «не здолавъ сердега свого горя»

Какъ видитъ читатель, въ драмѣ г. Крапивницкаго не мало бытовыхъ чертъ, иллюстрирующихъ народную жизнь столько-же въ ея прошломъ, какъ и въ настоящемъ; но много въ ней и такого, что запечатлѣвъ художественностію созданія настоящее, могло-бы служить цѣннымъ матеріаломъ для послѣдующей исторіи народной жизни. На сколько однако вѣрно воспроизведены современныя черты малорусской деревенской жизни въ созданныхъ авторомъ драмы типахъ, сказать не рѣшаемся. Намъ кажется, что иное тутъ создано по готовому шаблону, иное почерпнуто изъ другихъ сферъ, а не срисовано съ дѣйствительности. Съ большею увѣренностію можемъ говорить объ общемъ планѣ драмы и соотношеніи его частей. На нашъ взглядъ въ ней нѣтъ центра дѣйствія, и отсутствіе его особенно рѣзко сказывается при чтеніи. Судя по основной мысли драмы, можно думать, что центръ дѣйствія будетъ сосредоточенъ около Микиты, который и явится главнымъ героемъ, въ противовѣсъ-же ему будетъ поставленъ Семенъ, тѣсно связанный съ судьбой его. На дѣлѣ-же выходитъ, что Семенъ оказывается совсѣмъ безцвѣтной личностью: она добродѣтельна, какъ личность, но обладаетъ большими пороками, какъ дѣйствующее лицо въ драмѣ, нисколько не помогающее оживленію дѣйствія, а напротивъ—наводящее тоску. Да и самъ Микита во многихъ мѣстахъ уступаетъ первое мѣсто Ивану Непокрытому, который, сверхъ ожиданія, и является главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Авторъ слишкомъ увлекся типомъ Ивана и въ

жертву ему принесъ требованія драматическаго искусства. И правду надо сказать, что типъ Ивана Непокрытаго весьма привлекателенъ: типъ это рѣдкій, но очень характерный въ народѣ, такъ что, при видѣ его, невольно возстаетъ въ памяти мысль о томъ, что истинно-гуманные, высокіе принципы часто скрываются подъ неприглядной съ виду оболочкой. Иванъ—живая, свѣжая сила, въ которой такъ прекрасно слились видимая безпечность, такъ сказать—качества «забулдыги» съ любвеобильной, нѣжно чувствующей душой, способной на самые крайніе подвиги высокаго самоотверженія. Какъ забавно-милъ онъ со всѣми своими шутками, прибаутками во время «вечерницъ», и какъ торжественно-великъ онъ въ моментъ объявленія своего желанія стать замѣстителемъ Семена въ военной службѣ. Вообще нужно сказать, что Иванъ, и по идеѣ, и по выполненію, является на первомъ планѣ въ драмѣ г. Кропивницкаго, вопреки намѣренію автора. Менѣе обрисованъ главный герой—Микита. Это характеръ отталкивающій, хотя вполнѣ естественный, типъ самолюбиваго человѣка, гордящагося тѣмъ, что онъ сынъ старшины. Эта гордость проявлялась у него въ отношеніяхъ къ своимъ односельчанамъ — парубкамъ и дѣвчатамъ и за нее-то его и не долюбливаютъ всѣ. Самолюбіе его больше всего сказалось въ той трагедіи, которую онъ устроилъ по поводу любви своей къ Одаркѣ. Рѣшается онъ дѣйствовать такъ страстно не столько изъ ревности, сколько изъ самолюбія. Его гордый нравъ и самолюбіе въ связи съ неудачей въ любви и ставятъ его въ трагическое положеніе. Въ Микитѣ мы видимъ цѣльную, энергическую натуру, но эгоистически направленную, и авторъ, по нашему мнѣнію, самъ желалъ представить его такимъ, не задаваясь цѣлью вывести на сцену отрицательный типъ въ противоположность положительнымъ Семену и Ивану, а отыскивая въ народѣ не обще-житейскія, заурядныя личности, но выдающіяся, исключительныя, къ какимъ несомнѣнно и принадлежитъ Микита.

Что касается Одарки, то о ней говорить нечего, такъ какъ это избитый типъ малорусской дѣвушки и молодыці, который постоянно фигурировалъ въ малорусскихъ произведеніяхъ, начиная съ Наталки Полтавки Котляревскаго и заканчивая повѣстями г. Нечуя. Типъ этотъ обязательно нѣсколько сентиментальный, такъ что слащавость частенько дѣлаетъ его приторнымъ. Этого послѣдняго не избѣжалъ и г. Кротивницкій, томящій публику до тошноты сахаристыми рѣчами Семена и Одарки въ первыхъ двухъ явленіяхъ. Послѣдующія явленія свободны отъ этого недостатка; оживленностію дѣйствія, типичностію бытовыхъ

картинъ они сглаживаютъ непріятное впечатлѣніе отъ указанныхъ двухъ явленій, и мирятъ читателя съ недостатками въ отдѣльныхъ частяхъ драмы.

Другая драма г. Кропивницкаго: «Глитай або-жъ Павукъ» даетъ намъ интересный типъ современнаго малорусскаго кулака, который какъ бы глотаетъ всѣхъ и вся вокругъ себя и какъ паукъ опутываетъ сѣтями своихъ односельчанъ. Отъ этихъ качествъ его и драмѣ дано такое названіе.

Этотъ типъ представленъ въ лицѣ разбогатѣвшаго крестьянина Іосифа Бычка. Его всѣ величаютъ «Іосипомъ Степановичемъ», а про себя «глитаемъ» или «павукомъ». Всѣ у него въ матеріальной зависимости; всякій въ нуждѣ обращается къ нему за помощью, и онъ никому не отказываетъ, хотя прежде всего себя не забываетъ. Годъ отъ году Бычокъ богатѣетъ, уловляя въ свои сѣти каждаго, нуждающагося въ деньгахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ носитъ личину благочестія, и хотя это всякимъ легко распознается и оцѣнивается по достоинству, но не спасаетъ никого отъ его сѣтей, такъ какъ нужда оказывается сильнѣе всякаго разсужденія. Одною изъ первыхъ жертвъ его является Мартинъ Хандоля, богатый селянинъ, подверженный однако пьянству и отъ того часто нуждавшійся въ деньгахъ. Бычокъ охотно ссужалъ его деньгами и въ тоже время наровилъ за долгъ, едва достигающій 150 р., заполучить отъ Мартина его «половні волн», стоющіе не менѣе 200 рублей. Но не тутъ центръ драматическаго дѣйствія. Въ селѣ живутъ счастливые, но крайне бѣдные супруги—Андрій и Олена Кугуты и при нихъ мать ихъ Стеха, Бычокъ-же, при всей своей богобоязливости, давно уже увлекается Оленой. И мать ея и мужъ въ неоплатномъ предъ нимъ долгу. Чтобы поправить свои дѣла, Андрій рѣшается наняться на годъ къ заѣзжему мѣщанину и оставить на это время родное село и нѣжно любящую имъ Олену. Іосипъ Степановичъ помогаетъ ему устроить эту сдѣлку. Проходитъ больше года, Андрій не возвращается, въ семьѣ его полная бѣда: средствъ къ жизни нѣтъ, податей платить нечѣмъ, сама старуха мать убѣждаетъ дочь отправиться на поклонъ къ Бычку, а тотъ все время пристаетъ къ Оленѣ, перехватываетъ письма къ ней мужа, стараясь увѣрить ее, что мужъ ее покинулъ. Оленѣ и матери ея грозитъ наконецъ послѣдняя бѣда—продажа хаты съ публичнаго торга. Вся надежда ея, что вотъ-вотъ Андрій возвратится; но тутъ Бычокъ посредствомъ сфабрикованнаго имъ отъ Когута письма передаетъ ей ложное извѣстіе, будто Андрій «зрадивъ», полюбилъ другую. Олена въ отчаяніи, она не владѣетъ собой, не можетъ здраво разсуждать и, чтобы отомстить мужу за

невѣрность, сама рѣшается отдаться Іосипу Степановичу. Но рѣшимость ея была плодомъ нервнаго болѣзненнаго состоянія, близкаго къ помѣшательству. Олена въ домѣ Бычка, она нервно весела, Бычокъ торжествуетъ. Но и для него скоро становится яснымъ, что съ Оленой что-то неладно: рѣчи ея исполнены ажитаціи, которая усиливается съ каждой вновь выпитой чаркой. Три дня спустя возвращается Андрій, и пока онъ мучится надъ разгадкою случившагося, Бычокъ въ свою очередь мучится при мысли о скоромъ возвращеніи Андрія и при видѣ почти сумасшедшей Олены. Андрій спѣшитъ къ Бычку, а въ это время его Олена появленіемъ изъ другой комнаты окончательно убѣждаетъ Бычка и всѣхъ бывшихъ въ его домѣ въ своемъ безумствѣ. Входитъ Андрій; при видѣ его, она какъ-бы опомнилась, но черезъ нѣсколько минутъ отъ сильнаго волненія упала мертвою. Тутъ только Андрій узнаетъ, что она была жертвою низкаго обмана, и, видя крайній предѣлъ своихъ страданій, бросается на «глитая» и убиваетъ его.

Начерченный въ драмѣ типъ кулака деревенскаго, можетъ быть, и дѣйствительно распространенный теперь типъ; но только намъ кажется, что драматическая завязка—сластолюбивые замыслы Бычка едва-ли типичны для украинскаго міроѣда. Онъ настолько бываетъ поглощенъ матеріальными разсчетами и соображеніями, что для страсти любовной у него обыкновенно не остается мѣста въ душѣ. Что до частностей піесы, то они кажутся намъ еще менѣе естественными и возможными хотя-бы въ нынѣшней сельской средѣ. Болѣе натуральности, по видимому, въ остальныхъ типахъ. Такъ въ разбираемой драмѣ мы впервые встрѣчаемся съ женскимъ характеромъ,—до сихъ поръ большинство женскихъ ролей отличалось сентиментальностью и почти не имѣло личности, своего «я». Олена съ своими страданіями обнаруживаетъ признаки характера; но драматизмъ ея положенія не обусловленъ ея личнымъ характеромъ, а волей рока, случайностями и характерами другихъ лицъ, благодаря которымъ она очутилась въ трагическомъ положеніи, между тѣмъ въ искусствѣ гораздо большее впечатлѣніе производитъ то или другое трагическое положеніе въ зависимости отъ характера лица. Это обстоятельство авторъ, кажется, упустилъ изъ виду и потому хотя въ драмѣ главными трагическими героями являются Олена и Андрій (послѣдній слишкомъ мало дѣйствуетъ), но не на нихъ сосредоточенъ весь интересъ, а на Бычкѣ, ради котораго онъ вставилъ цѣлыя сцены, не имѣющія никакого отношенія къ главному сюжету драмы, а только бросающія новый свѣтъ на черты кулачества, міроѣдства, какъ напримѣръ: весь эпизодъ съ Мартиномъ Хандолею и постепеннымъ паденіемъ его, благодаря «глитаю», а равно—все первое явленіе 4-го дѣйствія, въ которомъ,

въ ущербъ оживленности дѣйствія, идетъ разговоръ двухъ крестьянъ о разныхъ кулаческихъ продѣлкахъ «глитая».

Въ заключеніе, нельзя все таки не сказать, что и эта драма г. Кропивницкаго даетъ нѣсколько бытовыхъ оживленныхъ картинъ и вполнѣ художественныхъ сценъ, такъ что читатель нисколько не пожалѣетъ, если возметъ книгу г. Кропивницкаго и прочтетъ эту горестную, хотя и не во всѣхъ частностяхъ точную, повѣсть нашихъ дней.

О третьей драмѣ г. Кропивницкаго «Невольникъ» приходится сказать немного, такъ какъ она является передѣлкой всѣмъ извѣстной поэмы Шевченка того-же заглавія. Самый сюжетъ дышетъ исторической правдой, и хотя въ передѣлкѣ г. Кропивницкаго онъ не достигаетъ полнаго развитія драматическаго дѣйствія, вслѣдствіе чего и самъ авторъ назвалъ піесу «драматическими картинами»,—но отдѣльныя сцены состявлены такъ художественно и типично, что оставляютъ самое благопріятное впечатлѣніе въ читателѣ и зрителѣ. Особенно мѣтко схвачены въ 3-мъ и 4-мъ дѣйствіяхъ запорожскій лагерь и запорожцы въ темницѣ. Что-же касается 1-го и 2-го дѣйствій, а особенно 1-го, то они должны быть слишкомъ скучны на сценѣ, какъ лишенныя всякаго драматизма.

Послѣдней, четвертой піесой въ книгѣ является шутка-водевиль «Помирились», въ которой очень живо схвачены нѣкоторыя сценки мѣщанской жизни; тутъ на первый планъ выступаетъ безпросвѣтная темнота мѣщанина Панаса Гурина, попавшагося въ руки мѣстнаго «аблоката» и, конечно, жида-шинкаря Гершка. Хотя во многихъ мѣстахъ допущенъ авторомъ шаржъ, но въ общемъ водевиль этотъ можетъ быть признанъ однимъ изъ лучшихъ, среди необильныхъ малорусскихъ драматическихъ піесъ.

Теперь намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о языкѣ драмъ г. Кропивницкаго. Конечно, тѣ сюжеты, которые избраны авторомъ для своихъ піесъ, много способствовали тому, что языкъ въ нихъ безукоризненно хорошъ, такъ какъ простонародная обстановка совершенно легко можетъ быть передана на малорусскомъ языкѣ, у насъ (мы не говоримъ о Галиціи) являющемся только языкомъ простонародія; но нельзя не видѣть въ то-же время, что г. Кропивницкій особенно хорошо и талантливо воспользовался матеріалами этого языка: всѣ слова и выраженія у него чисты, мѣтки и образны, особенно въ драмѣ: «Дай серцю волю», въ которой почти на каждомъ шагу попадаются прекрасныя поговорки, прибаутки и пословицы, заставляющія отъ души посмѣяться и въ то-же время задуматься надъ силою и мѣткостью народнаго ума и

способностью его подыскать въ своемъ родномъ языкѣ равносильно мѣткія выраженія.

2) За крашанку—писанка. Ц. Ол. Кулішевъ. Написавъ Данило Сліпченко-Мордовець. Спб. 1882 г.

Извѣстныя двѣ книжечки г. Кулиша «Хуторна поэзія» и «Крашанка», изданныя въ Галиціи, вызвали многихъ на размышленія о томъ, что сдѣлалось съ г. Кулишомъ въ послѣднее десятилѣтіе, начиная съ пресловутой „Исторія возсоединенія Руси". Постояннымъ читателямъ „Кіевской Старины" обѣ эти книжки знакомы по рецензіи, помѣщенной въ іюньской книжкѣ прошлаго года, а потому не будемъ останавливаться на поводахъ къ написанію г Сліпченко-Мордовцемъ своего отклика на „Крашанку" г. Кулиша. Въ формѣ живаго разговорнаго языка г. Сліпченко-Мордовець старается освѣтить и разъяснить поведеніе Кулиша, который „перекинувся задля культуры польской, задля лакомстаа цивилизаціи и слова свободы". Много тутъ отмѣчено темныхъ пятенъ въ жизни когда-то знаменитаго вождя украинской интеллигенціи, и благодаря прекрасному, сильному, острому слову г. Сліпчено-Мордовця, пятна эти проглядываютъ такъ рѣзко, что читателю приходится повторить вмѣстѣ съ авторомъ слова: „Панько вмеръ для Украины!", да заучить нѣсколько строчекъ изъ стихотворенія, шутливо посвященнаго тутъ-же г. Кулишу.

Вінъ Тарасови [1]) другомъ, бачъ, звався,
Щирымъ другомъ и Галці [2]) вінъ бувъ;
А теперъ у переднімъ кутку за кордономъ
Вінъ й рідную матіръ забувъ!

Чѣмъ-же объясняется все превращеніе въ Кулишѣ? А тѣмъ, что „вінъ—велика таки сила, велика душа; та тільки гордость ёго велику душу задавила"—говоритъ г. Сліпченко-Мордовецъ. «L'Oukraïne—c'est Koulichе!»—отъ-що написано у ёго на прапорі. А потому, когда сего не признали, Кулишъ прийшовъ за кордонъ зъ своимъ каганцемъ, котрый ёму погасъ бувъ у Мотронівці. [3])

Книжка г. Сліпченко-Мордовця такъ хороша, что трудно рѣшить, какое мѣсто въ ней характернѣе всего; пришлось-бы переписать почти

---

[1]) Шевченко.
[2]) Іеремія Галка—псевдонимъ Н. И. Костомарова.
[3]) Изданіе г. Кулиша.

всю книжку, а потому, предлагая читателямъ обратить на нее особенное вниманіе, мы ограничимся только одной еще замѣткой автора, сказанною по поводу слѣдующихъ словъ г. Кулиша въ «Исторіи возсоединенія Руси»: «отверженіе многаго, что написано Шевченкомъ въ его худшее время, было-бы со стороны общества актомъ милосердія къ тѣни поэта, скорбящей на берегахъ Ахерона о быломъ умонзступленіи своемъ. Усе минется, одна правда зостается—говоритъ наша пословица».—Вона, ця правда, замѣчаетъ г. Сліпченко-Мордовецъ, «и зосталася, тільки не Кулішеви досталася, а тому, кого вінъ докорявъ буцімъ-то неправдою».

За злыми людьми й хата не горить. Казка Алексѣя Грабины. Кіевъ 1882 г., ц. 10 к.

Эта слабенькая по мысли и по выполненію сказка, сочиненная А. Грабиною, невѣдомо по какимъ побужденіямъ, представляетъ изъ себя искуственно созданный разсказъ о томъ, какъ лѣнивый мужикъ хотѣлъ сначала повѣситься (неизвѣстно, впрочемъ, почему); но судьба распорядилась иначе—веревка оборвалась, и его застала жінка на мѣстѣ преступленія; затѣмъ онъ безпечно живетъ, пользуясь трудами жены; наконецъ отъ непосильныхъ трудовъ жена умираетъ, и онъ, по совѣту невѣдомо откуда взявшагося племянника, поступаетъ на службу въ экономію въ качествѣ плотника, откуда выкрадываетъ при содѣйствіи племянника колеса и прячетъ въ своей избѣ. Затѣмъ случился пожаръ въ его домѣ; онъ, боясь, чтобъ не открылась исторія съ колесами, мѣшаетъ людямъ тушить пожаръ, но въ концѣ концовъ все обнаружилось, и онъ попалъ въ острогъ. Разсказано это хорошимъ народнымъ языкомъ, но почему сіе важно?—только и остается спросить автора.

4) *Оповиданнл про комахъ Яка одъ ихъ корысть або шкода въ господарстві (съ 45 малюнками). О. Степовика.* Кіевъ 1882 г. ц. 50 к.

5) *Про дифтеритъ, або обкладки для селянъ и хуторянъ на Украйні. Зложивъ лікарь М. Хведоровський.* Харьковъ 1882 г. Ц. 10 к.

Объ эти книжки, изъ которыхъ первая довольно велика по объему, представляютъ научно-популярное изложеніе тѣхъ свѣдѣній, которыя необходимы простому человѣку въ его хозяйствѣ и семейной обстановкѣ. Мы въ прошлой статьѣ сказали уже нѣсколько словъ о томъ значеніи, какое могутъ имѣть подобныя книжки, будучи распространены въ народѣ на удобопонятномъ для него родномъ языкѣ. Особенно вторая, «Про дифтеритъ», явилась, какъ нельзя болѣе, кстати, такъ какъ въ ней указываются необходимыя средства и при томъ весьма доступныя

крестьянину для борьбы съ этимъ бичомъ нашихъ селъ. Что-же касается первой, то конечно свѣдѣнія о насѣкомыхъ, полезныхъ и вредныхъ, принесутъ пользу сельскому жителю, иногда, по невѣдѣнію своему принимающему полезное насѣкомое за вредное и наоборотъ, а еще чаще, не обращающему вниманія на истребленіе вредныхъ насѣкомыхъ. Мы боимся только, что значительный объемъ книжки, а вслѣдствіе этого и сравнительно высокая цѣна ея помѣшаютъ ей распространиться въ народѣ, т. е. тамъ, гдѣ слѣдовало-бы. Обѣ книжки эти написаны очень хорошимъ, простымъ, понятнымъ языкомъ.

Итакъ только 5 самостоятельныхъ новыхъ книжекъ дополнили въ 1882 г. необширную малорусскую литературу; но за то смѣло можемъ сказать, что 4 изъ нихъ качественно значительно увеличили ея достоинство.

Въ слѣдующей, послѣдней статьѣ мы познакомимъ читателей съ новыми переводными малорусскими изданіями 1882 года.

Ал. Андріевскій—Историческіе матеріалы изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Выпускъ V. Кіевъ. 1883 г.

Г. Андріевскій продолжаетъ въ нынѣшнемъ году изданіе своего интереснаго археографическаго матеріала, который онъ извлекаетъ изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. Только что вышедшій 5-й выпускъ заключаетъ въ себѣ 27 номеровъ—это частью цѣльные документы, напечатанные «in extenso», частью подробные экстракты изъ встрѣтившихся ему въ архивѣ дѣлъ, представляющихъ историческій интересъ.

Половина почти книги (№ 1—7 и 18—23) содержитъ дѣла, возникшія по поводу гайдамацкихъ набѣговъ на польскія области (1751—1752 г.) и дѣла пограничной коммисіи, судившей взаимныя претензіи русскихъ и польскихъ подданныхъ. Въ числѣ дѣлъ о гайдамакахъ помѣщено нѣсколько интересныхъ показаній, данныхъ гайдамаками о своихъ похожденіяхъ въ польской Украйнѣ; главнымъ образомъ показанія эти описываютъ походы тѣхъ гайдамацкихъ отрядовъ, которые формировались въ окрестности Кіева и предпринимали походы главнымъ образомъ въ кіевское Полѣсье; особенно интересенъ допросъ (№ 3) «двухъ Гриць ковъ»: Киселенка и Пархоменка, принимавшихъ участіе

въ набѣгѣ, который предпринятъ былъ на лодкахъ по Днѣпру, Припяти и Сожи; кромѣ интересныхъ подробностей самаго похожденія, къ допросу приложены списки сообщниковъ подсудимыхъ съ весьма характерными подробностями о мѣстахъ ихъ жительства и укрывательства. Въ допросѣ гайдамака Василія Сѣраго (№ 2) мы встрѣчаемъ разсказъ о походѣ многочисленнаго гайдамацкаго отряда, сформировавшагося въ предѣлахъ запорожскихъ степей съ участіемъ многихъ запорожцевъ; отрядъ этотъ вступалъ въ сраженія съ военными командами, угонялъ стада изъ крупныхъ экономій и благополучно съ добычею возвратился обратно въ степи. Интересна переписка гетмана Браницкаго (№ 7) съ русскими властями, возникшая по поводу набѣга польскаго полковника Ортынскаго на запорожскіе зимовники, гдѣ онъ произвелъ убійства и грабежи подъ предлогомъ преслѣдованія гайдамаковъ. Браницкій старается всячески выгородить своего подчиненнаго и упорно не понимаетъ того обстоятельства, что нападеніе вооруженнаго отряда на чужую территорію нарушаетъ основныя положенія международнаго права. Изъ дѣлъ пограничной коммисіи особенно интересно дѣло кіево-печерскаго архимандрита Зосимы (№ 22), жаловавшагося на шляхтича Спендовскаго за то, что послѣдній въ жалобѣ, поданной въ пограничную коммисію, «обезчестилъ отца Зосиму и весь соборъ непристойными терминами». Послѣ долгихъ проволочекъ, пограничная коммисія признала жалобу о. Зосимы справедливою и присудила Спендовскаго къ аресту и штрафу, но былъ-ли исполненъ этотъ приговоръ, изъ дѣла не видно.

Затѣмъ слѣдуютъ дѣла о польскихъ шляхтичахъ, поступавшихъ въ русское подданство или службу, и объ отношеніяхъ ихъ къ малороссійскимъ жителямъ (№ 8—10). Документы, относящіяся къ столкновеніямъ сербовъ, отправлявшихся для поселенія въ Славяносербію съ жителями Кіева и Малороссіи (№ 11—13); между ними оригинально предписаніе генералъ-губернатора Леонтьева кіевскому магистрату о томъ, чтобы мѣщане подольскіе обходились съ квартирующими у нихъ сербами «дружелюбно и ласково, а не грубіански». Распоряженіе это послѣдовало вслѣдствіе жалобы, поданной генералъ-губернатору о томъ, что «подольскіе обыватели и многіе студенты насмѣхаются надъ сербами, обзываютъ ихъ цыганами и, замѣтивъ у ихъ женъ голокной уборъ, утыканный булавками, утверждаютъ, что они прибыли въ Кіевъ для торговли булавками».

Изъ остальныхъ документовъ, относящихся къ разнообразнымъ дѣламъ, болѣе интересны: вѣдомость составленная кіевскимъ магистратомъ

о состояніи промысловъ и торговли въ Кіевѣ въ 1775 году (№ 15) и распоряженія о производствѣ промѣрки фарватера на Днѣпрѣ и Сожи въ 1784 году (№ 25).

В. А.

Мьстечко Курисово-Покровское (Балай тожъ). Статистическое описаніе поселенія, составленное статистическимъ отдьленіемъ при херсонской губернской земской управѣ. Одесса. 1883 г.

Открытіе статистическихъ отдѣленій при земскихъ управахъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ южнаго края (черниговской, полтавской и херсонской), оказало важную услугу научной литературѣ, помимо той практической пользы, которую учрежденія эти принесли земствамъ, доставляя имъ возможность точно опредѣлить дѣйствительную стоимость земель, облагаемыхъ земскими повинностями, и имѣть несомнѣнныя данныя о бытѣ и нуждахъ народонаселенія, подлежащихъ удовлетворенію со стороны земскаго управленія. Для близкаго знакомства съ краемъ, съ его экономическимъ положеніемъ, съ его мѣстною этнографіею и исторіею, изданія статистическихъ отдѣленій земскихъ управъ даютъ громадный матеріалъ и, нужно отдать справедливость, матеріалъ разработанный весьма тщательно и добросовѣстно съ соблюденіемъ точныхъ научныхъ пріемовъ. Книжка, заглавіе которой выписано выше, представляетъ какъ-бы образчикъ большаго труда, заготовляемаго статистическимъ отдѣленіемъ херсонской земской управы.

Кромѣ обильнаго и тщательно сгруппированнаго статистическаго матеріала, относящагося къ даннымъ о народонаселеніи, его движеніи и сельско-хозяйственной производительности, въ первой главѣ мы находимъ весьма интересныя свѣдѣнія объ исторіи основанія поселенія, о способахъ его колонизаціи, о возникновеніи условій вѣчнаго чиншеваго права съ разными его видоизмѣненіями и т. д. Всѣ эти свѣдѣнія подкрѣпляются свидѣтельствами документовъ, изъ которыхъ важнѣйшіе приведены цѣликомъ въ текстѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе весьма точно собранныхъ данныхъ, относящихся къ этнографической характеристикѣ народонаселенія. Описаны типическія постройки домовъ и хозяйственныхъ службъ, типическая обстановка и убранство жилищъ, мѣстный костюмъ и его украшенія, пріемы и орудія сельско-хозяйственнаго труда и т. д.

Вообще просмотрѣвъ книгу, читатель не только вынесетъ полное знакомство съ описываемою мѣстностью, но также убѣжденіе, что при точномъ изученіи даже единичныхъ мѣстностей края, открываются столь многочисленныя и богатыя научныя данныя, сводъ которыхъ можетъ дать единственную полную картину какъ прошедшаго, такъ и современнаго намъ состоянія края.

В. А.

Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

ЖИЗНЬ ЗАПОРОЖСКИХЪ КОЗАКОВЪ ПО РАЗСКАЗУ СОВРЕМЕННИКА-ОЧЕВИДЦА [1]).

Оставивъ островъ Хортицу, мѣсто бывшей Запорожской Сѣчи, первой по времени, основанной въ 1554 г. княземъ Д. И. Вишневецкимъ, я направился внизъ по Днѣпру къ мѣстечку Никополю, чтобы отсюда сухимъ путемъ подняться на сѣверъ въ село Чернышевку или Красногригорьевку, екатеринославской губерніи, вторую по времени у запорожцевъ Сѣчь, основанную около 1568 года. Отъ Хортицы Чернышевка отстоитъ на разстояніи шестидесяти верстъ, отъ Никополя—на разстояніи восемнадцати. Проѣхавъ Никополь, слоб. Николаевку, село Нечаевъ, балку Княжу́, я очутился въ самой Чернышевкѣ. Село—одно изъ большихъ, имѣетъ до 5 тысячъ жителей обоего пола, одну каменную церковь, двѣ школы, волость, нѣсколько лавокъ... Я остановился въ домѣ становаго пристава Н. П. Корнилова. Первымъ моимъ дѣломъ было осмотрѣть мѣсто Сѣчи, а затѣмъ уже обратиться къ старикамъ, стоящимъ болѣе или менѣе близко ко времени запорожскихъ козаковъ. Сѣчь осмотрѣлъ я постепенно, въ теченіе трехъ дней и только тогда обратился къ старикамъ. Мнѣ указали на двухъ стариковъ: Ѳедора Степановича Заброду (онъ-же Баранцовъ) и Ивана Игнатьевича Россолоду (онъ-же Недоступъ). Изъ нихъ первый былъ въ теченіи

[1]) Отрывокъ изъ имѣющагося вскорѣ выйти сочиненія: «Поѣздка на Запорожье».

25 лѣтъ сторожемъ казенныхъ плавень, жилъ на самой Сѣчи (на островѣ, по-теперешнему Городище, по-козацки Томаковка) и разсказываетъ о дѣлахъ не такъ давно прошедшихъ, второй живетъ на мѣстѣ своего отца запорожца и разсказываетъ о дѣлахъ очень давно прошедшихъ. Сообщенія послѣдняго, конечно, интереснѣе сообщеній перваго. По собственнымъ разсчетамъ Россолоды, ему около 113 лѣтъ; уже двѣнадцать лѣтъ, какъ онъ не пьетъ водки и не ѣстъ мясной пищи: однѣ „пампушки“ съ медомъ да мягкій хлѣбъ поддерживаютъ его бренное существо. Старикъ—довольно высокаго роста, худощавъ, держится сутуловато, имѣетъ узкую, средней величины бороду, на головѣ длинные, густые волосы, едва только посеребренные сѣдиной. Онъ чрезвычайно богомоленъ: каждый воскресный и праздничный день пѣшкомъ ходитъ въ церковь, живетъ отдѣльно отъ семьи, въ кельѣ, построенной въ саду, надъ рѣкою. Своимъ аскетическимъ образомъ жизни и глубокою религіозностью онъ внушаетъ къ себѣ со стороны всѣхъ своихъ односелянъ необыкновенное уваженіе. Дѣйствительно, старикъ имѣетъ въ себѣ какую-то неотразимую симпатію, невольно заставляетъ уважать себя. Онъ говоритъ мало, не болѣе 20 минутъ, затѣмъ устаетъ и засыпаетъ, но за то слова его звучатъ какъ гласъ какого-то ясновидца, какъ рѣчь ветхаго деньми патріарха. У Россолоды—три сына, онъ живетъ у меньшаго, выполняя по преимуществу роль няньки для своихъ маленькихъ внучатъ.

Нужно при этомъ сказать, что сообщенія Россолоды относятся собственно къ тѣмъ изъ запорожскихъ козаковъ, которые жили въ запорожскихъ степяхъ по зимовникамъ, т. е. хуторамъ и назывались у запорожцевъ, по словамъ самого-же Россолоды, *сидіями* или *гнъздюками*. Главныя ихъ занятія были: разведеніе скота, пчелы, ловля рыбы, охота, различныя ремесла. Они имѣли право жениться, но за то трактовались какъ подданные товарищества запорожскаго, т. е. тѣхъ безженныхъ, холостыхъ козаковъ, которые жили въ Сѣчи и которые, кромѣ войны, ничего знать не хотѣли. Къ такимъ-то гнѣздюкамъ или сиднямъ запорожскимъ принадлежалъ и отецъ Россолоды, Игнатъ Недоступъ, по крайней мѣрѣ подъ старость.

Было воскресенье, когда я явился къ Россолодѣ, прямо въ садъ, въ „келію“. Поздоровавшись и перекинувшись двумя-тремя словами о погодѣ, я объяснилъ о цѣли своего прихода къ нему и

тотъ часъ-же приступилъ къ разспросамъ о житьѣ-бытьѣ запорожцевъ.

— Скажи діду, ты не чувъ ничого про запорожцівъ?

— Якъ не чуть, коли мій батько та бувъ изъ самихъ тихъ запорождівъ.

— Онъ якъ!

— Такъ саме. Сперше вінъ бувъ служкою, коли чули, у Перебійніса.

— Якъ не чути? Чувъ.

— Ну, такъ отто вінъ бувъ служкою, бачивъ ту Січу, ходивъ и на війну, а потімъ зоставивъ Січь та й сівъ землянкою о тутъ саме, де й я сижу; сівъ землянкою та й женивсь, уже старенькимъ, таки годъ шестьдесятъ, мабуть, було. Довго покійникъ живъ... Найстаршимъ и найлюбійшимъ сыномъ бувъ у ёго я. Оце було якъ загуляе, заразъ: „эхъ, Яєько будешь у мене запорожець!“ Вінъ и водивъ мене по запорожськи: обрие голову, та такъ и ходишь, якъ салотовка.

— А бривъ чимъ?

— Бритвою. Гостра така була, то наче вінъ гладѣ, а не бреить.

— Такъ ты, діду, изъ запорожцівъ?

— Изъ запорожцівъ, и самъ трохи запорожець.

— Ну, то-жъ не чувъ ты, звідкіля вони набірались?

— Видно всюди. Вони приймали усякого: де хто съ-підъ пана утече, приймуть; де відъ батька та відъ матери біжить, приймуть; де який жінку покине, та такъ абы докотивъ до Січи, то й живе, приймають усіхъ. Прийде було до ихъ чоловікъ голый, босый, а вони ёго уберуть, якъ пана, бо у запорожцівъ тіхъ суконъ, грошей, одежи, такъ якихъ хочешъ сортівъ и скілько завгодно. Инколи такъ и дітей хапали по городамъ: примане гостинчикомъ та й ухопе.

— Ну, а зодягались запорожці добре?

— Зодягались добре, ходили браво, чепурно. Вони, бачите, головы брили: обрие голову та ще й мыломъ намаже, щобъ добре, бачъ, волосся росло, зоставляли одну тілько чуприну, довгу таку, зъ аршинъ мабуть, та чорну та кучеряву: замота за вухо разівъ два та й повісе, такъ вона й висить ажъ до самого плеча. А иншій такъ візьме та

перевьяже ту чуприну стрічкою, закруте ії на лобі та такъ и спить, а у ранці якъ роспусте, такъ вона зробиця, якъ хвістъ у вівци. То все на выхвалку. Бороды тежъ брили, одни вусы тілько були; вусы довги кохали; оце якъ нахвабрить ихъ, якъ начернить та якъ росчеше гребінкомъ, такъ хочъ вінъ и старый, а такий козакъ выйде, що хить-хить! Довгенни вусы були: иншій підниме ихъ та позаклада ажъ за вуха, такъ вони ще нижче вухъ звисають... Здоровый народъ бувъ, пикатий, та таки, якъ пообточувани. Одежа у ихъ усе на дроту, на шовковихъ шнуркахъ, та на бавити (на ватѣ); сукна тонки, усякихъ цвітівъ: було зелене, червоне, було голубе, хто якого пожела, тілько сорочка своеи рукодіи: бамаги ще тоді не знали. На голову надівали високу шапку, гостру, околиця смушева, пальцівъ три ширины, а вершокъ суконный на бавини, червоный, або зеленый, зъ золотою перепескою, а на самому вершечку ще й китиця висе. Шапки усе по курінямъ, який курінь, такий и цвітъ на шапці. Оце якъ накладати шапку, то заразъ отділе отъ чуприны пучечокъ волосся, чуприну замота за вухо, а пучечокъ напусте на передъ, та тоді вже й шапку наклада. Якъ наложивъ шапку, то вінъ уже и козакъ. Потімъ уже надівае каптанъ, червоный, зъ гудзиками на шовковихъ шнуркахъ, увесь на зборахъ: и по бокамъ и спереду, а на спині зъ усякими полосами, повималюваными та позакорлюченими; застебне той каптанъ гудзиками та ще й підъяже поясомъ, або шалевимъ, або тілько на половину перетканнимъ шовкомъ; поясъ робивсь широкий: вінъ спускався низче живота, а хватавъ ажъ підъ руки. Не такий якъ теперь, що замотують скілько тамъ разівъ на животі та ще й вузломъ завьязують, а такоі буде довжини, скілько треба, щобъ обхватити одинъ разъ живітъ чоловіка,—похожій на ті, що роблять черниці попамъ. Вінъ бувъ на гапличкахъ, зъ нряжечками, зъ ремінъчиками для пістолівъ та для люльки, съ китицями зъ заду, разныхъ цвітивъ: були зелени, жовти, голуби. Ото якъ надіне червоный каптанъ, тоді уже зверхъ ёго надіва черкеску, або жупанъ. Це вже довге таке та просторе, съ широкими рукавами, тежъ на шнуркахъ, отаке наче якъ у попа підризникъ. Черкеска на цвітъ уже голуба; каптанъ червоный, а черкеска голуба, або синя. Якъ надівъ на себе черкеску, то заразъ пристёбуе гапли-

комъ рукава до каптана, коло самои кисти, отъ воно й выходе, що коло кисти рукавъ вузенькій, а дальше, підъ мышками широкий та ще й съ проріхомъ, а здали такъ воно здаэтця, що у ёго чотирі рукава: два на бокахъ, а два на спині. По тімъ рукавамъ и пізнають було, де запорожець. Отака-то вона та одежа була; добра була, усе на шнуркахъ, на гудзикахъ, на гапликахъ та на бузументахъ. Штаны простори були, суконни, усякихъ цвітівъ, а найбільшъ синего цвіту, матни въ штанахъ таки, що ажъ до земли, такъ наче волочитця що; якъ иде запорожець, такъ и слідъ за собою замітае. Штаны були на очкурахъ, а очкури або шовкови, або вовняни, зъ золотими китицями на обохъ кіньцяхъ. А носились штаны якъ есть по турецьки: холоши не за голянища закладувались, а привязували зверху саньяновою, або шовковою підвязкою, та такъ, що й сама підвязка ховалась підъ штаны: ії зовсімъ и не видно було, тілько и вздришъ срібни або золоти китици відъ неи. Якъ иде козакъ, такъ ти китици такъ и тиліпаютця изъ-підъ штанівъ. Чоботы у запорожцівъ були саньянови, червони, жовти, зелени, съ срібними або золотими підковками. Чобітъ такъ и не вбачишъ: одні ніски та закаблуки й видко; такъ вони свои штаны напускають на чоботы. Здалека наче баба въ юпці стоить. Оце вамъ и одежа запорожьска. Дорога була, та тілько не всі вони такъ гарно и обряжувались. Бувало й такъ: обрие голову запорожець, завьяже ії платкомъ, натягне на себе опончину, надіне патиночки та й ходе такъ, якъ яка звірюка.

— Добре, дідусю! А скажи теперъ, дідусю, чимъ-же занимались запорожці?

— Та чимъ занимались? Усімъ. Межъ ними були усяки сословія: шевци, кравци, ковали, ганчари, були столяри и таки майстри, що робили гарбички, возы; тоді ціхъ німецькихъ бричокъ не було, а були невелички возы, абы хлібъ перевезти; були таки, що табуны стерегли, за товаромъ (рогатымъ скотомъ) гляділи, коло отаръ стояли, ці вже и звання имілі: *чабаны,* а то таки були, що й огородину розводили: капусту, кавуны, дини, огірки, табакъ, були лікари таки, що раны залічували, відъ гадюкъ відшептували, межъ ими були и *хлопці,* що начальству та старшині запорожські прислужували. Усякихъ було. Гра-

бари були, що копали колодязи та лёхи (погреба), де яки сиділи по пасікамъ, де яки й хлібъ засівали. Земля була у ихъ вільна, обтова, степівъ не ділили: де хто оббере собі місто, де кому охота припаде, тамъ и сіда. Ты живешъ тамъ, тамъ и владій. Копай собі землянку, заводь худобину яку та й кочуй, тілько уже звись не лицаремъ, а *сиднемъ*, або *гніздюкомъ*, *гречкосіемъ*. Цей уже и женився, відъ того вінъ звався ще баболюбомъ. Худоба то ёго и богатство було. А ті, що йшли на війну, ті вже тамъ розживались. Розбивали разни города лядськи та турецьки, та тамъ забирали, що тілько знали. Найбільшъ воювали съ туркомъ та татарвою, сусідське діло: татари жили на тімъ боці (на лёвомъ) Дніпра, а запорожці на цімъ (на правомъ), такъ ото вже частенько приходилось имъ битьця. Батько було часто розсказують [1]) про баталіи съ туркомъ. Оце якъ ускочуть запорожці у який турецькій городъ, то заразъ его съ трехъ концівъ запалюють, а на четвертому постановлятця та й выжидають турківъ, та якъ біжать яки, то заразъ ихъ тутъ-же й покладають. Отакимъ маніромъ якъ перебьють мужиківъ, тоді вже по хатамъ за жінокъ та за дітей. Ускоче який у хату, та заразъ глядить у пічъ, чи нема тамъ паляниць. Якъ е, то понастромля ихъ на ратище, повитяга та въ міхъ. Потімъ бере добро, яке есть, а далі вже беретця за жінокъ та за дітей. Дітей поставе до стіны у рядъ, придаве ихъ лавою підъ горло, такъ вони одъ разу и подушутця. Отакъ витворяли запорожці съ турками, а найлучше зъ ляхами. У лядську землю якъ ускочуть, то першъ усего луплють жидівъ, а потімъ уже берутця за панівъ, а народа не трогають. Нападуть на якого пана, то заразъ допрошують, де гроши. Гляди, вінъ не піддаетця, тоді: „а ну, хлопці, надіньте на ёго червону шапку!“ Це-бъ то: а знімить зъ ёго головы кожу! То хлопці такъ якъ пить дадуть, облуплять ёму голову. А якъ и тоди не піддаетця, то вже отаманъ кричить: „нуте ще червони чоботы ёму!“ Це вже, підшкварьте ёму ноги, або знімить зъ ихъ кожу! Живо й чоботы ёму дадуть. Тоді вже панъ признаетця, де й гроши, де й що друге.

---

[1]) Объ отцѣ и матери малороссы, даже заглазно, говорятъ во множественномъ числѣ.

Здорови були вояки. Батько старымъ уже були, а якъ почнуть розсказувати про запорожську удаль, про те, якъ вони били татаръ та турокъ, та якъ и ихъ кришили турки, та якъ скинуть сорочку та покажуть свое тіло, такъ воно усе якъ те решето побито кулями, а мякіть на ногахъ, такъ такъ и тіліпаітця. Таки-то ті запорожці.

— Не вже жъ, діду, запорожци усе воювали та воювали и не було имъ спочину?

— Якъ не було? Бувъ и имъ спочинъ Вони оце бьють—бьють ляхивъ, або туркивъ, а потимъ якъ приідуть на Січь та якъ загуляють, такъ неділи дві, або три купражуть. Горілка була дешева, такъ вони ту горілку, медъ, пиво, якъ воду тягнуть; танцюють, музыки водять, у карты грають. А якъ полягають коло куринівъ, то попихують изъ люлекъ, балакають міжъ собою та радятця, звидкиля знову заходити на турківъ.

— Такъ вони и люльки курили, кажешъ?

— А якъ же? Це саме перше діло було у запорожцівъ. А же жъ вы чули про того отамана, що балакають, якъ принесли ему паску на Великъ-день, а вінъ замість того, щобъ розгівлятьця и каже козакамъ: „нехай, хлопци, паска постое, а мы перше люльки потягнемъ“—ото жъ воно саме у запорожцівъ и було: люлька у ихъ саме перша подруга. У запорожцівъ отъ ще що водилось: окрімъ того, що кождый козакъ имівъ собі люльку, а то ще й у кожному куріні була обческа, велика люлька, повыцяцькувана бляхами, намистами, выбита гвіздками [1]).

— Кажешъ, діду, що запорожци и музыки водили?

— Водили.

— На чімъ же вони грали?

— На всякій усячині: на ваганахъ (лотки), на рилляхъ, на басахъ, на цимбалахъ, на сопилкахъ, на свистунахъ, на кобзахъ, на чімъ попало, на тімъ и грають. Оце якъ заграють, скілько тамъ е музикантівъ тіхъ, такъ ажъ сама земля танцює.

---

[1]) Одну изъ такихъ трубокъ мнѣ удалось найти въ селѣ Покровскомъ екатеринославскаго уѣзда, гдѣ была послѣдняя по времени запорожская Сѣчь. Трубка имѣетъ больше четверти длины и около четверти толщины.

— Ну, а сами запорожци добре танцювали?

— О, танцювали уже такъ, що противъ нихъ нихто на світі такъ не вытанцює. Увесь день музыканты не вгамують ихъ.

— Ты сказавъ, діду, що запорожци грали на кобзахъ,—що це воно таке?

— Це отъ що: кожа зъ ягнати надута, а въ кожу уставленъ пищикъ зъ дирочками; якъ хочешь грати, то бери кожу підъ ліву руку, а пищикъ у ротъ, тоди рукою придавлюй кожу, а пальцями перебирай по дирочкамъ, отъ вона тобі и гратиме, ото воно тобі й кобза.

— Розскажи жъ теперь, дінуню, яки були у запорожцивъ постройки, у чімъ вони жили, чи були у ихъ кріности.

— Кріности? Січь—ото у ихъ саме кріность: коло неи були окопы, валы, а въ серединѣ дзвініця була така, що въ неи и пушки ставлялись. Ото и всі кріности, а більшъ не чувъ, щобъ робили. А жили вони скрізь по степахъ, кущами, въ земляикахъ, або по ихнему *бурдюгахъ*, такъ чоловікъ по пьятнадцять, двадцять, а то й меньшъ. У Січі такъ тамъ усе по курінямъ, по скілько тамъ сотъ чоловікъ, та й куріни були велики, ставлялись курінь до куріня причілкомъ, а въ нихъ були стовбы и сволоки, а тутъ такъ просто усе було: одни двери та одно віконце, маненьке та таке якъ тарілочка кругле, а то й зовсімъ безъ вікна. Оце выкопа яму, обставе ii, чимъ тамъ попало, обліпе, обмаже, поставе мечеть (хлібъ пекти), зробе кабицю (страву варити) та й живе. Димарівъ тоді не було. Зимою якъ роспале камінь, такъ вінъ ажъ горить: уже холодно не буде. Де у якихъ землянкахъ було и вбранство: по стінамъ висіло оружжа всяке, а на покуті стояли образы, усе розмалевани, підъ золотомъ; по підъ стінами ставляли лавки, ослончичики, щобъ було де сісти. Землянокъ запорожци николи не замыкали, якъ ідуть куди, або йдуть, то такъ и кидають ихъ; нихто ничого не зачепе. У ихъ такъ, що хто хочъ, той и заходь у землянку, якъ хочешь істи, розводь огонь, бери казанъ, вари страву, яка тамъ зоставлена, іжъ, пий, спочивай,—запрету не було. А приіде хазяинъ, такъ ще й радъ гостеви, бо то тілько й родина ему на широкімъ стену, вінъ ему радъ, вінъ его и дривтиае. Теперь увійдешъ у хату, такъ вона красить вуглами, а не красить пирогами, а тогді не такъ: уся-

кого нагодують. Хозяинъ иде куди, такъ ще й зоставля страву для прохожаго. Хто хочъ, заходь. Та й заходять було; наідятця, напьютця дурнички, тілько шо зроблять хрестъ та поставлять его середъ землянки, це, значить, були гости и дякують хозяина.

— Добре, діду. А шо жъ іли запорожци?

— Іли рыбу, мясне іли, овощу, іли усячину, голодомъ себе не морили; бьють звірья, рыбу ловлять: поставлять ятері, запустять невідъ, отъ имъ имъ и есть на обідъ, та на цілый курінь, бо рыбы скрізь багацько було... Іли ласо, усячину потрібляли, тілько шо хліба печеного мало було: за все тетеря одвіча. Якъ шо, такъ заразъ за тетерю... Це тісто таке, тільке ріденьке, розведене водою. Спершу воно кисне у нихъ, кисне довго, а потімъ якъ уже загусне, то тоди вже можно его и потрібляти. Якъ захотівъ істи запорожець, то заразъ казанъ на кабицю, у казанъ воды, у воду тетери, а въ тетерю, якъ схоче, трохи пшона та й варе; наварівъ, бере ложку и ість. А якъ схоче якій до тетери ще рыбки, то заразъ на каюкъ,—а каюки у всякого були, таки жъ якъ и теперь,—до річки, наловивъ собі, чи удкою, чи ятеремъ рыби, раківъ, до куріня, заразъ у казанъ та й варе... Страву любили запивати горілкою, настойкою... Горілка завсігда була готова у ихъ: поідуть у городъ, наберуть ціли бочки та й понавозять до дому; а то й дома робили настойки, тілько бочки изъ городівъ привозили; у ихъ були и пивоварни, свое пиво було, вони уміли и ситу зъ медомъ робити; а то ще лучше—варена, це вже робилось изъ озюму, инжирю (винныя ягоды), винограду, усе сушене, паливалось горілкою та й парилось на огні; а то було таке, якъ начебъ то чай: то вже настій изъ травы комлицькои (калмыцкая) та овечого молока; до него давався ще й хлібъ, намазаный масломъ.

— Изъ чого жъ, діду, іли запорожци?

— Іли більшъ изъ корытъ, бо мисокъ не любили: блощицями, каже воняють. Черепья того тежъ не любили: посудъ бувь усе мідный або чавунный: казаны, кострюльки,—ото ихъ саме, а черепки брали у турецині, вони въ нихъ гроши та всяке добро ховали, сковородою накрые, або залізячкою якою небудь та й закопа у землю. Були у запорожцивъ коряки, більшъ верблови, добре выстругани, таки, що ажъ ви-

лискуютця, були ложки, деревьяни и таки, якъ теперь у панівъ, були баклаги, штопы.

— Ну, роскажи теперь мені, дідуню, яке було у запорожцивъ оружіе?

— Оружжа було добре, та все убрано въ серебро та въ золото: пушокъ мало; на шо имъ пушки, якъ у ихъ кулаки добри? Більшъ усе пистоли та ратища; ратища довги та гостри, якъ огонь, а пистоли коротеньки, такъ мабуть дві четверти, за те дирки у ихъ велики. Пистоли вішались на поясі, по два на каждому боці; тамъ же коло пояса у ланцюжці висіла и шабля у запорожця... Пистоли заряжувались кулями; кули були оливьяни (свинцовыя) и чавунни, оливьяни таки якъ горобьячи яйця, а чавунни побільше. Оце все оружжа и въ мене самого було: була шабля, пистоли, були й кули. Шабля такъ уся срібна була, а ручка до неи золота, зъ золотыми китицями; шабля вся закривляна та гостра—гостра якъ бритва. И въ пистоли ручка була золота... У нихъ скрізь коли не золото такъ серебро: вудели, сідла, стремена—усе воно було дороге. Якъ обряде було коня, такъ вінъ такъ и сяе. Було у мене все: и одежа, и оружжа, и зброя, та я на своемъ віку тричи горівъ, та богато погоріло, а то були таки, що й пороскрадали.

— А де жъ це вони брали таку дорогу зброю?

— Та де? То отбивали у ляхивъ та туркивъ, а то й купували.

— А за шо купували?

— За те, за що й мы купуемо, за гроши. У ихъ грошей багато та все золоти; були, правда, срібни и мідни, а бильшъ золоти; бумажокъ такъ зовсімъ не було... Такъ якъ и въ насъ, такъ и въ ихъ, були карбованци, полтынники, копійки, тілько шо въ ихъ були и руськи и турецьки, турецьки звались *паричками*. Усяки гроши треба було заводити: сегодня запорожець торгуетця зъ москалемъ, треба московьскі гроши; завтра зъ ляхомъ, треба лядцьки, а тамъ съ туркомъ, треба турецьки,—усяки гроши требувались ему... Турецьки гроши були більшъ срібни, тонесеньки таки, якъ зъ рыбы луска, лядцьки більшъ золоти, а руськи—такъ уже самый міднякъ. Якъ покидали запорожци Січь, такъ несли съ собою й гроши; яки закопували въ землю свою

казну, по прищметахъ (по примѣтахъ), а яки клали въ боченки та на залізнихъ цепахъ спускали у воду.

— Добре, діду. Теперь отъ що скажи мені: яке було начальство у запорожцівъ?

— Начальство отъ яке: кошовый, осаула, писарь та отаманы (куренные). Ото й начальство. Вони сами собі паны, сами цари и хрестяне... Выбирали всіхъ гуртомъ сами изъ себе; якъ выберуть кошового, такъ вінъ и командуе. Якъ добрый вояка, то й обирають и почитають, якъ батька діти, надівають на него шлемъ. Усіхъ поважають, ажъ поки сподобляютця имъ... Якъ хто кого обіде, то жалуватьця йдуть уже до кошового. Оце прійдуть позиватись, скілько тамъ ихъ есть чоловіка, то вінъ заразъ лагодить, щобъ помирились: „попрощайтесь, каже, козаки, а то гріхъ тяжьбу заводити“. То яки богобоязни та слухьяни, то заразъ и послухаютця: куплять горілки, выпьють ії та й помирятця. А яки невгомонни, то ти вже одъ разу и не послухають, тоди вже суде ихъ самъ кошовый: прикаже тамъ чи деньгами заплатити, чи, може, и наказати. А наказували тілько одними розками: одсічуть лозинами, та й годи. Хиба вже воръ, або измінникъ, то тоді вже выйме пистоль, бацне въ груди, отъ тобі й канутъ... Кошового уже всі слухались: и ті, що въ Січі, та й ті, що по степахъ у землянкахъ живуть. Оце якъ війна, то уже вінъ скрізь розсыла пісьма по-міжъ козаками, де хто е, щобъ шли воювать. Забіжить и въ бурдюгъ розсыльный відъ кошового: „отакъ-то й такъ, идить, каже, або тамъ на совітъ, або на війну, такій-то и такій городъ брати“. То вже и йдуть, нихто не може одказувати.

— Скажи-жъ теперъ, діду, здоровый народъ бувъ запорожці?

— Народъ середній бувъ, тілько що крінкий, хвабрый; теперъ якъ девьяносто літъ проживъ, такъ не бачe и стежки передъ собою, а тоді сто годъ—оце саме вікъ. На війну йде съ радістю, ажъ сміетця; бравый народъ бувъ та веселый. Оце якъ провоювали, такъ и пісню зложили, не такъ якъ теперъ; теперъ ось воювали турка, то-жъ ни однія пісни нема про ту війну. А тоди, чи побьютця съ туркомъ, чи пошарпають ляха, то заразъ и зложать про все те пісню... Хвабрый народъ: на війні кули ажъ свистять, а ёму й байдуже.

— А правда цёму, діду, що нибы міжъ запорожцями були якись-то характерники, таки, що ихъ ни куля не бере, ни шабля?

— Ні, це такъ тілько одна балачка, вони жили по Божому, не знали вони ни якихъ чаръ, вони все одно, що ченци: жінокъ не займали, молились Богу, хороше молились: знали „Отче нашу“ и „Вірую“, на війну йшли, такъ дуже молились... У ихъ були и школы: тамъ усяки грамотіи, півчіська содержувалась, така що въ церкві співала. У церкву запорожці рідко ходили, бо була далеко, а все-жъ вони богобоязьки були; вони й посты блюли, говіли, при старости літъ такъ и въ ченци йшли. А якъ приідуть було у Пітінбурхъ до царици, то заразъ по церквамъ... Духовнихъ поважали, награждали усячиною.

— А де-жъ ихъ духовенство жило?

— Та жило въ Січі, жило въ манастырі, а по землянкахъ уже, звісно, ёго не було. Тамъ якъ умре козакъ, то вже запорожці сами ёго ховають, а священника привозили уже на-впослі.

— А де-жъ вони ховали своихъ покійникивъ?

— Якъ умиравъ на Січі козакъ, то тамъ було особе кладовище, тамъ и ховали, а якъ де на зимовнику, то ховали прямо на степу, надъ річкою, тамъ, чи въ бальці; де живе, тамъ и ховають. А ховали при всімъ козацькімъ убранстві: у шапці, въ каптані, у черкесці, у сапьяньцахъ, у труну ставили штопъ горілки, клали люльку. А труны робились изъ соснини, дубини, вербини; на могилі ставляли хресты камьяни: хресты робили каждый собі за живота.

— Ну скажи-жъ, діду, багато було усіхъ запорожцівъ!

— Разно було, а саме більше, такъ сказать, тысячъ сорокъ. Привілля велике було, треба було и людей багацько.

— А велике було привілля?

— Привілля такъ уже привілля! Теперъ такого нема. Бжолы теи, такъ батечки мои! Тоді усяки цвіты цвіли, травы великі були, бо цееи погани—ховрашківъ та гусеници, що теперь плодитця, тоді и не чути було; такъ древа, травы, звірья и не пройдешъ. Медъ и по насікамъ, и по землянкамъ, такъ и стоить у липовникахъ. Скілько хочешь, стілько й бери. А звіру ще більша сила: вовківъ, лисъ, чокалківъ (той-же вовкъ, тілько злійшій надъ вовка), такъ ціла біда; дикі коні

табунами ходили, мишасти та товсти таки, невелички—косяківъ три, чотирі, такъ и ходютъ. Оце якъ іде запорожець кобылою, то вже бережись, а то одібьють. Выскоче дикий жеребецъ та й загоне геть, тоді вже й не найдешь, хочъ увесь день шукай. Було й птиці вдовіль: качокъ, лебецівъ, дрохвівъ, охитвы такъ—хо-хо-хо!.. Стрепетівъ сільцями ловили, а лебеди було якъ заведутця битьця, та якъ піднимуть крикъ, такъ батько выскочуть изъ землянки та давай стріляти ихъ изъ пистоля, щобъ порозгонить. Трава така, якъ лісъ стоить; якъ запалишь, такъ вона горить неділь дві, або три. Та все перії, а не то що щириця, або лобода. Теперь такихъ и близько нема, а тоді стілько її було, то Боже мій! Оце де теперь Чернышівка, не однісенькоі хати не було, усе батькове привілля, а теперь де той и народъ набрався... Очамъ своимъ не вірю... За тежъ и кони водились тутъ, вівці, такъ на диво. Та все то по волі паслось, хиба тілько коло отаръ и були чабаньці.., Зимы тоді були теплійши, якъ теперь, це вже до насъ руські своими лантями попаносили холоду, а тоді зімы теєи не дуже чутно було, такъ уся худоба такъ и ходе собі по степу, зіму й літо; сіна не запасали, хиба тілько для тихъ коней, що підъ верхомъ ходили... Батечки мои, де воно те й ділось?!.

— А де ділись сами запорожці, діду?

— Де ділись? Зійшли геть.

— Чого такъ?

— Не помирились, бачьте, съ Катериною, такъ вона й попрогонила ихъ відціль... Яки пішли підъ турка, а яки тутъ позоставались проміжъ людьми; тоді и мій батько зостався тутъ. Першъ, якъ ще запорожцівъ не выгонили, такъ тутъ сама цариця пробігала, оглядала місця,—тутъ на Камьянці и мили стояли, де вона бігла, а потімъ уже приіхавъ до нихъ Потёмка, выглядівъ усю справу та й зігнавъ ихъ геть.

— Далеко зігнавъ?

— Підъ турка жъ. Довго вони жили тамъ десь, ажъ поки не обрали кошовымъ Гладкого; такъ той уже перевівъ ихъ знову сюда. Коли чули, есть Черноморьски козаки, такъ то запорожскаго званія... Те та не те"!..

Вотъ тотъ небольшой, но весьма цѣнный разсказъ о жизни запорожскихъ козаковъ, который сообщилъ мнѣ Иванъ Игнатовичъ Россолода. Въ заключеніе я осмотрѣлъ мѣсто бывшей землянки отца Россолоды. Землянка находится въ огородѣ меньшаго сына его, Ивана; она имѣетъ длины 8 аршинъ и ширины 4, похожа была скорѣе на монашескій скитъ, около нея росла „вербина", недавно только срубленная Иваномъ Россолодою. „Уж ся ёго пополаявъ за ту вербину... Воно бувъ поставляный коло землянки стовпъ вербовый, та той стовпъ принявся, та й выросла изъ ёго вербина, а вінъ (сынъ) візьми та й зрубай"... У Ивана Игнатовича отъ отца оставался еще „мшаникъ", погребъ для пчелъ, но онъ очень давно завалился; теперь отъ него осталась одна только яма, въ огородѣ средняго сына Россолоды, Самойла.

Д. Зварницкій.

Харьковъ.

КЪ ИСТОРІИ ЮЖНО-РУССКИХЪ СВАДЕБНЫХЪ ОБЫЧАЕВЪ.

Полная драматизма, богатая поэтическими пѣснями южно-русская свадьба давно уже обратила на себя вниманіе этнографовъ. Описаніе украинскихъ свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ было составлено Калиновскимъ въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда въ русскомъ обществѣ и литературѣ не было ни малѣйшаго интереса къ словесному поэтическому творчеству простаго народа. Крошечная брошюра Калиновскаго представляетъ довольно полную и вѣрную картину украинскаго „весилья" сто лѣтъ назадъ. Изъ книги Калиновскаго видно, что крестьянская малорусская свадьба во второй половинѣ XVIII вѣка справлялась торжественно, пышно, съ тѣми-же религіозно-миѳическими пѣснями и обрядами, которые и въ настоящее время составляютъ необходимую принадлежность украинскаго „весилья".

Изслѣдователь украинскаго свадебнаго ритуала не находитъ почти никакихъ письменныхъ, документальныхъ указаній о малорусской свадьбѣ болѣе древняго времени. Напрасно онъ перелистываетъ объемистыя сочиненія кіевскихъ ученыхъ и писателей конца XVII вѣка. Онъ находитъ въ нихъ лишь сухія наставленія

о святости брака, о супружеской вѣрности и т. п. Свѣтлый геній жизни оставилъ кіевскихъ ученыхъ второй половины XVII вѣка. Отъ твореній Барановича, Гизеля, Галятовскаго, Радивиловскаго несетъ мертвымъ схоластическимъ духомъ.

На рубежѣ двухъ половинъ XVII столѣтія стоитъ „Лиѳосъ, або камень, брошенный съ пращи правды православной церкви" (1644 г.), полемическое сочиненіе Евсевія Пимина (Петра Могилы), направленное противъ „Перспективы" Кассьяна Саковича. „Въ „Лиѳосѣ" говорится о таинствахъ православной церкви, объ исхожденіи св. Духа, о римскомъ ученіи о главенствѣ папы и т. п. религіозныхъ и церковныхъ предметахъ, волновавшихъ умы южно-русскихъ людей двѣсти лѣтъ назадъ, говорится безъ схоластическихъ ухищреній, безъ риторическихъ словоизверженій и прикрасъ, довольно просто, ясно и, главное, съ ссылками и указаніями на современные церковные и бытовые порядки или, точнѣе, безпорядки. Эти указанія для историка южно-русской церкви, равно какъ для историка южно-русскаго быта представляютъ большой интересъ. И тотъ, и другой найдутъ въ „Лиѳосѣ" драгоцѣнные факты, ярко обрисовывающіе умственное и нравственное состояніе южно-русскаго общества въ первой половинѣ XVII вѣка. Читатель Лиѳоса знакомится съ старинной южно-русской религіозной полемикой въ наиболѣе рѣзкомъ ея видѣ, узнаетъ главные пункты религіозно-церковной борьбы православныхъ съ латино-уніатами, узнаетъ, кромѣ того, любопытныя подробности о церковной утвари, часто весьма бѣдной, объ иконахъ плохаго письма, о торжественныхъ постригахъ младенца, о нравахъ духовныхъ лицъ, объ обычаѣ колядованія.

Небольшой отдѣлъ Лиѳоса о бракѣ (164—170 стран.) заключаетъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ указаній на южно-русскіе свадебные обычаи первой половины XVII в.

Кассьянъ Саковичъ въ „Перспективѣ" говоритъ, что у православныхъ не бываетъ въ церкви оглашенія брака. Евсевій Пиминъ считаетъ достаточнымъ, что священникъ на заручинахъ дѣлаетъ опросъ, не состоятъ-ли вступающіе въ бракъ въ кровномъ или духовномъ родствѣ. При этомъ Пиминъ замѣчаетъ, что заручины совершаются „ceremonialiter", съ особенными молитвами, съ обмѣномъ перстнями. Какъ извѣстно, заручины, или руковины и въ на-

стоящее время въ Малороссіи совершаются торжественно въ домѣ невѣсты, въ присутствіи жениха и сватовъ. Перевязываютъ рушниками молодого, его отца и старостъ и благословляютъ молодыхъ хлѣбомъ. Въ настоящее время, сколько намъ извѣстно, не приглашаютъ священника на заручины и молитвъ не читаютъ.

Саковичъ замѣчаетъ, что православные священники часто вѣнчаютъ въ почное время похищенныхъ дѣвицъ, причемъ и сами бываютъ пьяны и пьяныхъ вѣнчаютъ. Похищеніе это, нужно думать, было довольно обыкновеннымъ въ старину уводомъ дѣвушки, большею частью по предварительному съ нею соглашенію, какой уводъ практиковался еще въ недавнее время въ тѣхъ дворянскихъ семействахъ, гдѣ господствовалъ родительскій произволъ, не признававшій за дочерью-дѣвушкой права свободнаго выбора мужа, произволъ, сталкивавшійся съ жениховскимъ молодечествомъ, ломавшимъ искусственныя преграды, полагаемыя родительской властью для бракосочетанія. Евсевій Пиминъ не отрицаетъ того, что вѣнчанія похищенныхъ дѣвицъ бывали. Онъ только относитъ эти вѣнчанія къ тому времени, когда православная церковь не имѣла своего митрополита и епископовъ, т. е. до Іова Борецкаго (избранъ кіевскій митрополитъ въ 1620 г.). Такимъ образомъ, виновной въ этомъ церковно-общественномъ настроеніи является унія. Затѣмъ, Евсевій Пиминъ говоритъ, что священникъ по неволѣ вѣнчаетъ похищенныхъ дѣвицъ, когда къ нему обращаются со словами: „albo szlub daj, popie, albo w łeb strzele“. Если панъ былъ заинтересованъ въ совершеніи бракосочетанія подчиненнаго ему лица съ похищенной дѣвицей, то угрожалъ священнику палками или сажалъ его въ тюрьму, съ цѣлью принудить его совершить бракосочетаніе.

Саковичъ обвиняетъ православныхъ священниковъ въ томъ, что они вѣнчаютъ родственниковъ, вѣнчаютъ также мужчинъ женатыхъ и замужнихъ женщинъ. Пиминъ или отрицаетъ справедливость обвиненія, или считаетъ его несвоевременнымъ, вызваннымъ такими случаями, которые имѣли мѣсто въ то время, когда у православныхъ не было духовныхъ пастырей.

По словамъ Саковича, православныхъ дѣвицъ вѣнчаютъ иначе, чѣмъ вдовъ. Пиминъ говоритъ, что разница состоитъ только въ нѣкоторыхъ молитвахъ, причемъ сущность таинства не измѣняется. И въ настоящее время свадьба дѣвицы значительно отличается по

пѣснямъ и обрядамъ отъ свадьбы вдовы. Можно думать, что особенности свадебнаго ритуала въ данномъ случаѣ вліяли въ старину на обрядъ вѣнчанія дѣвицы и вдовы.

Саковичъ говоритъ, что священникъ, обводя бракосочетающихся вокругъ аналоя, во время пѣнія „Святые мученики и проч.“, вторилъ пѣвчимъ и шелъ въ припрыжку, какъ-бы плясалъ. Кромѣ того, по замѣчанію Саковича, молодымъ подстригали волоса. Пиминъ отвергаетъ эти обвиненія, какъ вымыселъ и клевету. Послѣднее обвиненіе Саковича нельзя назвать безъосновательнымъ. Посвященіе волосъ молодыхъ богамъ встрѣчается у разныхъ народовъ земнаго шара, встрѣчалось и на Украйнѣ. Обыкновеніе отрѣзывать косу невѣстѣ, имѣвшее нѣкогда значеніе посвященія невѣсты богамъ, распространено въ Сербіи, Польшѣ, встрѣчается на Волыни и у гуцуловъ. Впрочемъ, полное отрѣзываніе косы въ славянскомъ мірѣ встрѣчается рѣдко. Обычно частичное отрѣзываніе, сопровождаемое въ иныхъ мѣстностяхъ продѣваніемъ пучка волосъ въ кольца и прижиганіемъ ихъ свѣчей. Въ Великороссіи и Малороссіи обрѣзываніе или подрѣзываніе косы невѣсты почти повсемѣстно замѣнено простымъ обрядовымъ расчесываніемъ.

На 307 страницѣ Лиѳоса находится довольно любопытное замѣчаніе, что на свадьбахъ по окончаніи обѣда одинъ изъ сидящихъ за столомъ начиналъ пѣть и благодарить хозяина и хозяйку за обѣдъ, а другіе въ-слѣдъ за нимъ повторяли. Обыкновеніе это общеславянское. Оно сохранилось до настоящаго времени у сербовъ, поляковъ, великоруссовъ, малоруссовъ и особенно у бѣлоруссовъ.

Саковичъ говоритъ, что православные епископы разрѣшали разводъ по самому пустому поводу, взявъ съ просителя о разводѣ 100 или 200 злотыхъ. Пиминъ считаетъ это обвиненіе неосновательнымъ. Онъ указываетъ на какой-то разводъ супруговъ изъ знатныхъ католиковъ, совершившійся на Волыни и, должно быть, въ свое время надѣлавшій много шума. Разводъ совершился по пустому поводу, и Пиминъ упрекаетъ Саковича, что онъ умолчалъ объ этомъ разводѣ.

Любопытно замѣчаніе Саковича, что не только православные крестьяне, но и священники позволяли себѣ мѣняться женами. Пиминъ находитъ это обвиненіе неосновательнымъ. При этомъ Пиминъ, по своему обыкновенію, зло издѣвается не только надъ

личностью своего одноухаго противника, другое ухо котораго будтобы свиньи съѣли, но зацѣпаетъ и его родителя. Такъ, въ отвѣтъ на слова Саковича, что православные священники мѣняются женами, Пиминъ замѣчаетъ: „chyba ty swojim ojcem probować będziesz“. Отецъ окатоличившагося К. Саковича, какъ извѣстно, былъ православный священникъ.

Вообще, замѣчанія Евсевія Пимина объ украинскихъ свадебныхъ обрядахъ немногочисленны. Одни замѣчанія относятся собственно къ церковному чину вѣнчанія, другія къ простонароднымъ обрядамъ. Повидимому, въ первой половинѣ XVII вѣка въ Малороссіи въ чинѣ вѣнчанія попадались мѣстныя своеобразныя особенности, происшедшія отъ двухъ причинъ. Во первыхъ, отъ невѣжества духовенства, того „грубьянства, на которое жаловался еще князь К. К. Острожскій въ 1593 г. въ посланіи къ Ипатію Потѣю и которое особенно ясно обнаружилось на кіевскомъ соборѣ 1640 года. Созывая соборъ, Петръ Могила писалъ: „наша церковь, оставаясь непарушимою въ догматахъ вѣры, сильно искажена въ томъ, что касается обычаевъ, молитвъ и благочестиваго житія“. Во вторыхъ, главнымъ образомъ отъ вторженія въ религіозно-церковную сферу простонародныхъ повѣрьевъ и обрядовъ. Въ XVII вѣкѣ народная жизнь била ключемъ, отличалась необыкновенной внутренней силой. Это было время могучаго народнаго духовнаго творчества, выразившагося въ созданіи превосходнаго цикла пѣсенъ о борьбѣ малороссовъ съ поляками, въ созданіи и развитіи братствъ, шпиталей, острожской и кіевской науки. Бурный потокъ народной жизни увлекалъ священно и церковно служителей, ставилъ ихъ, даже противъ ихъ воли и желанія, на крестьянскую точку зрѣнія на церковныя дѣла и общественныя отношенія, вносилъ въ религіозно-церковную сферу чисто народные элементы, какъ собственно украинскіе, такъ и сохранившіеся на украинской почвѣ элементы старославянскіе, языческіе.

Н. Сумцовъ.

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПОВѢРІЙ О ЧОРТѢ.

Всѣмъ извѣстно, что малороссы глубоко вѣрятъ въ чорта, а также и въ то, что его можно видѣть лицемъ къ лицу, нужно

только знать способы вызвать его на этотъ свѣтъ. Одинъ изъ такихъ способовъ былъ сообщенъ намъ крестьяниномъ Н.....ъ. Вотъ въ чемъ состоитъ онъ. Необходимо достать черную кошку и спрятать ее въ мѣшокъ, предварительно глухо на глухо завязавъ его, чтобы его можно было развязать только послѣ нѣкоторыхъ усилій и потери времени. Съ такимъ мѣшкомъ нужно выйти на перекрестокъ. Черезъ нѣсколько времени къ дѣлающему опытъ подойдетъ человѣкъ, котораго нельзя съ виду отличить отъ простого человѣка. Онъ спроситъ, за сколько продается товаръ. Цѣну можно назначать, какую угодно: чортъ не поскупится. Послѣ того какъ деньги будутъ получены и мѣшокъ переданъ чорту, нужно со всѣхъ ногъ бѣжать домой, пока чортъ не развяжетъ мѣшка, потому что если онъ увидитъ черную кошку, то непремѣнно погонится за продавцемъ и догнавъ убьетъ кошкою.

Но если продавецъ достигнетъ своей избы, дѣло чорта проиграно: онъ долженъ ни съ чѣмъ возвращаться во свояси.

Таковъ общихъ чертахъ разсказъ, переданный мнѣ крестьяниномъ Н.....ъ.

Я полюбопытствовалъ спросить, не дѣлалъ-ли кто-нибудь изъ крестьянъ опыта, и получилъ утвердительный отвѣтъ.

— Когда-то (началъ Н.) вышелъ на перекрестокъ одинъ изъ моихъ сосѣдей, съ мѣшкомъ, а въ томъ мѣшкѣ была черная кошка.— „Оце й підходить къ єму якійсь чоловікъ... Що, каже, продаешь?— Продаю, каже сосідъ.—Кілько куштуе?—10 корбованцівъ“. Вотъ чортъ далъ єму деньги, а самъ принялся развязывать мѣшокъ. Сосѣдъ между тѣмъ улепетываетъ на чемъ свѣтъ стоитъ. На бѣду его мѣшокъ былъ завязанъ не крѣпко. Не успѣлъ сосѣдъ пробѣжать и половины пути, какъ чортъ увидѣлъ черную кошку и пустился догонять сосѣда. Оборотился сосѣдъ... видитъ дѣло плохо: за нимъ, какъ вѣтеръ. летитъ чортъ, а до избы еще довольно далеко... Онъ прибавилъ шагу. Изба все ближе и ближе, но и чортъ несется по пятамъ. Точно вихорь влетѣлъ сосѣдъ въ избу и только что за нимъ захлопнулась дверь, какъ чортъ со всего размаха хватилъ по ней черною кошкою: чуть не сорвалъ съ петель... А сосѣдъ цѣлый день стоялъ на одномъ мѣстѣ и трясся, какъ въ лихорадкѣ.—„Оце его й досі трусить“, заключилъ разскащикъ.

— А съ грішьми що зробилось? спросилъ я.
— Або то були гроши? Такъ собі щось такее...

30 августа 1883 года.

Александръ Ом—скій.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Милостивый государь!

Второй разъ я встрѣчаю въ вашемъ почтенномъ журналѣ заявленіе г. А. Титова о томъ, что бумаги покойнаго профессора московскаго университета, Осипа Максимовича Бодянскаго, достались ему *всѣ безъ исключенія*.

Очень радъ, что по крайней мѣрѣ вашъ журналъ не забываетъ этого первоучителя нашего по славянству и такъ-ли-иначе поминаетъ еще честное имя достойнаго труженика и учителя нашего. Но, какъ ученикъ и другъ покойнаго, я не желалъ-бы допускать какого нибудь недоразумѣнія касательно всего относящагося къ Осипу Максимовичу; поэтому считаю долгомъ разсѣять и то недоразумѣніе, въ которое кѣмъ-то введенъ г. А. Титовъ.

Вамъ, конечно, извѣстно о погибели дорогой библіотеки О. М. Бодянскаго.

Я цѣнилъ ее дорого и не осмѣливался мечтать о пріобрѣтеніи ея, послѣ его смерти, полагая, что ни университетъ, въ которомъ 30 лѣтъ трудился ученый, ни Общество Исторіи и Древностей россійскихъ, всѣмъ обязанное его неутомимой дѣятельности, ни министерство народнаго просвѣщенія, не допустятъ, что-бы эта замѣчательная библіотека пріобѣтена была въ частныя руки.

Оказалось на дѣлѣ, что я былъ до смѣшнаго наивенъ.

Университетъ и Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ ограничились тѣмъ, что поспѣшили только выбрать изъ библіотеки книги и рукописи, принадлежавшія имъ, и сдѣлали представленіе о пріобрѣтеніи библіотеки, совершивъ оцѣнку ея крайне скудно, т. е. отнеслись къ дѣлу только формальнымъ образомъ: души заботящейся объ этомъ сокровищѣ, руководящей дѣломъ, не нашлось въ Москвѣ. Переговариваться о библіотекѣ съ неразвитой и не въ мѣру подозрительной наслѣдницею О. М. Бодянскаго не было ни у

кого охоты. Близкіе люди покойнаго поторопились, конечно, перехватить то-другое изъ попавшаго имъ на глаза...

Мнѣ пришлось узнать о невниманіи къ библіотекѣ Бодянскаго со стороны близкихъ ему общественныхъ учрежденій только тогда, когда библіотека была продана букинисту (на толкучій, что называется, рынокъ) за 3,000 руб. Букинистъ распродалъ ее въ розницу на сумму около 30,000 руб; университетъ-же оцѣнилъ ее всего въ 12 тысячъ, или около того, а Министерство Народнаго Просвѣщеніе, вслѣдствіе-ли жестокой вражды противъ Бодянскаго со стороны тайнаго совѣтчика и секретнаго руководителя тогдашняго министерства, или вслѣдствіе иныхъ причинъ, затруднялось распорядиться даже такою суммою на пріобрѣтѣніе библіотеки профессора Бодянскаго.

На толкучкѣ, у Троицы въ поляхъ, въ палаткахъ букиниста, люди, знавшіе составъ древнихъ рукописей библіотеки Бодянскаго, какъ напримѣръ, ректоръ г. Тихонравовъ, тотчасъ выкупили все существенно важное.

Вмѣстѣ съ книгами попала къ букинисту и часть бумагъ, находившихся въ проданныхъ шкафахъ. Но это была лишь небольшая часть, случайно заложенная покойнымъ тамъ-сямъ между книгами. Бумаги, хранившіяся у О. М. Бодянскаго особо, его хотя и малограмотная супруга отдѣлила отъ проданной библіотеки, выбрала изъ столовъ, конторокъ и этажерокъ и сложила въ особую кучу.

Эту кучу бумагъ я засталъ еще у г-жи Бодянской, когда здоровье дозволило мнѣ навѣстить ее. Это было на другой день послѣ увоза библіотеки букинистомъ.

Старуха встрѣтила меня, по вдовьему обычаю, слезными жалобами на свою безпомощность, на невниманіе къ памяти покойнаго даже со стороны лицъ всѣмъ обязанныхъ ему и т. под., что ее водили съ покупкою библіотеки и довели до такого отчаянія, что она рѣшилась продать ее за 3 тысячи первому торговцу.

Я поинтересовался пересмотрѣть бумаги, надѣясь найти въ нихъ переданныя мною покойному Осипу Максимовичу копіи съ дѣла Гаркуши (съ рукописи библіотеки Маркевича), съ перевода на малорусскій языкъ (книга XVI в.) Псалтыри, и въ особенности собственноручные отвѣты Полуботка на вопросы слѣдственной коммисіи въ Петербургѣ и проч.; но, слегка пересматривая кучу, не

встрѣтилъ близко знакомыя мнѣ рукописи и доселѣ не знаю, куда дѣвались онѣ. О показаніяхъ Полуботка покойный В. И. Масловъ извѣщалъ меня, что рукопись эта попала де въ число книгъ и рукописей, отобранныхъ соединенною коммисіею, какъ принадлежавшихъ Обществу Исторіи и Древности Россійской. На сколько это справедливо, я доселѣ не справлялся.

Къ кому-бы эта рукопись ни попала, я убѣдительно просилъ-бы возвратить ее мнѣ, по принадлежности, хотя-бы за значительное вознагражденіе, такъ какъ она мнѣ необходима для давно изготовляемаго мною изслѣдованія о Полуботкѣ.

Но не найдя своихъ вещей среди бумагъ покойнаго, я встрѣтилъ тамъ собственноручныя лекціи Осипа Максимовича по исторіи и частью по филологіи славянъ, переписку его съ графомъ Строгановымъ и другими лицами, прекрасную копію съ Четьи-Миней Макарія и многое иное.

Г-жа Бодянская всѣ эти бумаги въ нѣсколько пріемовъ переслала мнѣ, вмѣстѣ со многими дипломами покойнаго и рисунками, и даже съ оттоманомъ, на которомъ Осипъ Максимовичъ обыкновенно леживалъ и читалъ, послѣ безконечныхъ своихъ занятій у канторки. Онъ обыкновенно занимался стоя.

Я внесъ покойной Бодянской небольшую сумму денегъ и намѣревался, приведя въ свободное время въ какой-нибудь порядокъ пріобрѣтенныя мною его бумаги, принести ихъ въ даръ университету св. Владиміра, если даръ этотъ будетъ ему не непріятенъ.

Изъ пріобрѣтенныхъ мною бумагъ Осипа Максимовича Бодянскаго я подарилъ только Черногоріи его собственноручныя лекціи „по исторіи черногорцевъ“. читанныя имъ намъ еще въ началѣ 50-хъ годовъ. Лекціи безъ начала.

И такъ ясно, что г. А. Титовъ, говоря о пріобрѣтеніи имъ всѣхъ бумагъ Бодянскаго, *безъ исключенія*, былъ кѣмъ-то введенъ въ ошибку и надѣюсь, не оставитъ съ такою-же, какъ прилагаемая исповѣдь, откровенностью разъяснить это недоразумѣніе, разсказавъ, гдѣ и какъ пріобрѣтены имъ бумаги Бодянскаго.

Пріймите и пр.

А. Гатцукъ.

СУДЬБА НАСЛѢДСТВА ПОЛКОВНИКА ИСКРЫ, КАЗНЕННАГО МАЗЕПОЮ.

Кому неизвѣстна трагическая судьба малороссійскаго полковника Искры, пострадавшаго вмѣстѣ съ генеральнымъ судьею Василіемъ Кочубеемъ за вѣрность свою царю Петру. Обличители измѣны Мазепы они отданы были царемъ въ руки Мазепы и этимъ послѣднимъ казнены въ обозѣ подъ Борщаговкою отсѣченіемъ головы, послѣ мучительныхъ пытокъ. Прахъ ихъ покоится въ кіево-печерской лаврѣ близъ трапезной церкви. Исторія отмѣчаетъ великодушіе Петра 1-го, старавшагося возвратомъ имѣній казненныхъ ихъ наслѣдникамъ загладить свою ошибку. Родъ Кочубея былъ счастливѣе наслѣдниковъ Искры, а что случилось съ имѣніями послѣдняго, показываетъ слѣдующее письмо одного изъ его потомковъ къ графу Безбородку.

Сіятельнѣйшій графъ!

Порываемый ревностію услужить государямъ, прадѣдъ мой полковникъ Искра намекнувъ про измѣну Мазепы; но за то имѣніе и голову потерялъ, какъ шапку. Въ тотъ моментъ прояснилась и правда его, но голова не карнизъ.

Государь, поправя ошибку, своею особою предалъ прахъ страдальца землѣ, и наслѣдникамъ возвратилъ то имѣніе въ Украйнѣ: послѣ Украйну отдалъ полякамъ, а наслѣдникамъ обѣщалъ дать въ Малой Россіи; но тѣ были тогда малолѣтны; покуда возмужали, государь скончался; и тогда и теперь все равно: вездѣ пишутъ, что наградить насъ должно, но ничего не даютъ.—Это древность, графъ.

Я просился изъ военной въ гарнизонную, а меня отпустили въ чистую, словно какъ будто-бы въ награжденіе, чтобъ я за долговременную и безпорочную службу околѣлъ изъ голоду.—И это прошедшое графъ!

Я сюда доѣхалъ, то изъ дружбы на облучку, то по нуждѣ на долгихъ; годъ мѣста былъ въ полсыта и проѣзжалъ на извощикахъ, другой и третій пѣшій боролся съ голодомъ, а теперь уже и премудрость не помога, кромѣ развѣ Діогену въ слѣдъ. Служить нѣгдѣ, а дома жить не у чего.—Вотъ это настоящее, графъ!

Но то для вельможи не новизна; а для чувствительной души состраданіе. Ваше сердце преисполнено сей доброты, такъ помогите, мнѣ. Вѣкъ времени проходитъ, что правительства (бывшій гетманъ Малой Россіи и генералъ-губернаторъ тамошній, а наконецъ и сенатъ) за то отшедшее имѣніе присудили наградить насъ; но и поднесь мы были въ чаяніи будущихъ благъ. Докладъ сената два года лежитъ у господина Державина, хотя и послѣдовала высочайшая резолюція о воздаяніи намъ, а теперь нѣсколько мѣсяцевъ лежитъ у господина Попова, которому императрица имянно и точно повелѣтя благоволила взять и доложить, а я все хлѣбаю завтраки.

Братъ мой, тоже маіоръ, подъ Анапою здѣлался безъ руки, а у меня обѣ уцѣлѣли, но только для того развѣ, чтобъ протягивать въ тактъ подъ визгъ: подайте Христа ради! и тогда, когда въ цѣлое столѣтіе кровъ предковъ, потъ и увѣчіе потомковъ непрерывныя суть жертвы вѣрности.

Сіятельнѣйшій графъ! ревнитель еси истинны и у трона ходатайствующій о ней; заступи насъ. Единое слово ваше здѣлаетъ больше, нежели столѣтіе, а мы естьли не забвенны будемъ у васъ, то вы незабвенны будете у Вседержителя. Благъ бо мужъ щедря; рогъ его вознесется во славѣ.

Вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Андрей Искра.

Сообщ. **А. Лазаревскій.**

ПѢСНЯ О ПАНЩИНѢ.

Время минувшей панщины отмѣчено въ народѣ множествомъ самыхъ разнообразныхъ пѣсень. Одну изъ нихъ, какъ мнѣ кажется, наиболѣе характерную, хотя еще и не вполнѣ отшлифовавшуюся въ народномъ обращеніи, удалось мнѣ записать при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ 1868 году это было. Народъ веселился въ лѣтній праздничный день: музыка, пляска, смѣхъ говоръ слышны были со всѣхъ сторонъ; гулъ стоялъ въ воздухѣ надъ м. Коростышевомъ, какъ въ самый большой ярмарокъ. Съ трудомъ пробрался

я въ „заѣздный дворъ арендаря Ицька“, и попалъ въ самый разгаръ народной „*бесѣды*“, тутъ-же происходившей.

— Морду побью тому, говорилъ *Стецюкъ*, бывшій уже навеселѣ, хто мене *мужикомъ* звать буде: я такій-же *обыватель*, якъ и графъ.

— Я роблю, а щобъ хто паномъ бувъ, не люблю; о! не люблю, кричалъ *Олекса Глухій*.

Наймитъ *Зинько* повторилъ для меня пѣсню, которую только что спѣлъ по просьбѣ одного крестьянина.

Вотъ эта характерная пѣсня.

Не дивуйте, добри люди,
Що мужикъ гуляе:
Зъ ласки Божои хазяинъ,
Ще й панъ ёго знае.

Мае плуга, мае рало,
И все, що потрібно:
А заграйте, капелисты,
Да не дуже дрибно.

Та не грайте теи
Що то ріжуть січки;
А заграйте спроквала,
Ще й по старосвіцьки.

Не на кою злисть я маю,
Якъ на тою жида;
Хочь я ёю зибью, злаю,
Все-жъ я зъ ёъо таю.

И горілки наборъ дасть,
И грошей чекае;
А якъ ква)рту—дві принише,
Хто-жъ тамъ памьятае?

Стережися, вражій жиду,
Бо обирву пейсы;
Роступитыця, люде добри,
Нехай кричить: вей миръ.

Намахався я косою,
Набухався ціпомъ;
Пригнавъ волы зъ росы,
То вже передъ світомъ.

Осаула изъ півночи
Ходитъ підъ оконцемъ,
Загадуе на папщину
Передъ сходомъ сонцемъ

А присяжный не вважае
На снасть, на худобу;
Бере хлопа зъ его мостю
Сыпле ёму бобу.

Не завези копу ясць,
Не вклонися низько;
То вінъ тобі дасть у морду,
Щобъ не стоявъ близько.

Колибъ не ти осаулы,
Бувъ-бы мужикъ паномъ;
Черезъ тіи экономы
Мусить бути хамомъ.

Мужикъ дурень, мужикъ бідный,
Ще й гірше собаки:
Бо обсіли ёго злыдни.
Щипають, якъ раки.

Цежъ никто не знае,
Якъ то я женився;
То попови, то дякови,
Ледьви оплатився.

То попови, то дякови,
Наламару тоже;
А це-жъ чую—кажсе:
Ще и на храмъ Божій.

Notus.

ЗАПОРОЖСКАЯ ПѢСНЯ[1]).

Ой изъ-за горы, зъ-за горы
Летіло два орлы
Летючи, говорили стиха
О своій горьки біді.
Ой годі летіти,
Треба спуститься.
Ой въ степу, брате,
Дві доріжки;
Треба, брате, розлучиться.
Одна доріжка ажъ до зеленого гаю,
А друга стежка-доріжка
Ажъ до тихого Дунаю.
Та крути бережки
У далеки Украини.
Охъ плавлю я, плавлю
По тихому Дунаю.
А оглянусь я на обидва боки,
Самъ не знаю, воды поки.

КЪ ПОРТРЕТУ КН. КОНСТАНТИНА ОСТРОЖСКАГО.

«Солодкая завжды того зацного княжати маетъ быти у насъ память».
Изъ Палинодіи Захарія Копыстенскаго.

Князь Константинъ Константиновичъ Острожскій, котораго портретъ прилагается къ настоящей книжкѣ, по своимъ великимъ и неоцѣненнымъ заслугамъ для православія и народности русской, не только принадлежитъ къ числу выдающихся дѣятелей южнорусской исторіи, но достоинъ занять въ ней одно изъ первыхъ мѣстъ, на ряду съ великимъ вождемъ народнымъ Богданомъ Хмельницкимъ и славнымъ учителемъ м. Петромъ Могилою.

---

[1]) Изъ Сборника сообщеннаго А. А. Скальковскимъ.

Всѣ современные ему и послѣдующіе южно-русскіе писатели не находятъ словъ, чтобы восхвалить высокія качества его души и славныя его дѣянія. Лѣтописцы и историки польскіе отдаютъ полную справедливость его уму и достоинствамъ и посвятили не мало страницъ какъ лично ему, такъ и его роду, но внесли путаницу въ его генеалогію, производя родъ князей Острожскихъ (Нѣсецкій, Папроцкій и др.) отъ князя Даніила Романовича Галицкаго,—путаницу, которую разъяснилъ неопровержимыми данными извѣстный нашъ ученый и историкъ М. А. Максимовичъ въ своихъ письмахъ о князьяхъ Острожскихъ [1]). По его изслѣдованію, князья эти произошли отъ *Владиміра святого*, чрезъ его правнука *Святополка Изяславича*, внукъ котораго *Юрій Ярославичъ* былъ дѣдомъ *Владиміра* князя Пинскаго, а этотъ отцемъ *Юрія* или Георгія, родоначальника князей Острожскихъ. Первый съ этимъ родовымъ именемъ является *Димитрій*, сынъ *Юрія*, а по немъ въ нисходящей линіи слѣдуютъ *Даніилъ*, *Ѳедоръ*, *Василій*, *Иванъ*, *Константинъ* и сынъ послѣдняго *Василій*, о которомъ у насъ рѣчь, извѣстный болѣе подъ другимъ его именемъ,—*Константина*. Преданность интересамъ своего народа и страны, защита ихъ съ оружіемъ въ рукахъ сколько отъ притязаній польскихъ, сколько и отъ набѣговъ татарскихъ и турецкихъ, глубокое благочестіе въ соединеніи съ воинскими доблестями и образованіемъ составляютъ отличительныя черты этого рода, но въ особенности выдались въ немъ, по своимъ дарованіямъ и высокимъ подвигамъ, Ѳедоръ, принимавшій участіе въ гусситскихъ войнахъ и заимствовавшій оттуда прославленное въ козацкихъ войнахъ укрѣпленіе таборомъ, а потомъ подвизавшійся въ кіевскихъ пещерахъ и почившій въ нихъ нетлѣнно, и Константинъ Ивановичъ, котораго гробница красуется и нынѣ въ кіево-печерской лаврѣ. Только такой даровитый и богатый родъ, совершенствуясь вѣками, и могъ дать такого даровитѣйшаго и совершеннѣйшаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, какимъ былъ князь Василій-Константинъ Константиновичъ Острожскій.

По своему обширному, свѣтлому уму, блестящему образованію и разностороннимъ свѣдѣніямъ, несокрушимой твердости, но глу-

---

[1]) См. Собр. его соч., т. 1, стр. 164—196.

бокому и неподдѣльному благочестію, по своей толерантности, ласковости и добротѣ, по своимъ мягкимъ, истинно княжескимъ и даже царскимъ пріемамъ, по своей величественной, высоко-изящной и прекрасной наружности, при несмѣтныхъ богатствахъ, роскоши и великолѣпіи, щедротѣ и благотворительности, онъ своею широкою, разностороннею и неустанною дѣятельностію привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ, начиная отъ короля и его придворныхъ и кончая послѣднимъ его слугою, и пользовался всеобщимъ уваженіемъ и любовію. Имя его извѣстно было не только на всемъ пространствѣ польско-литовскаго государства, но въ земляхъ славянскихъ и на отдаленномъ востокѣ. Сынъ великаго гетмана литовскаго, онъ въ свою очередь занималъ выдающееся положеніе воеводы кіевскаго. По своимъ родовымъ связямъ онъ стоялъ въ самыхъ близкихъ связяхъ съ знатнѣйшими родами не только русскими, но литовскими и польскими, а все это вмѣстѣ обезпечивало ему широкое участіе въ государственныхъ и общественныхъ дѣлахъ. Подобно отцу своему, онъ ознаменовалъ себя воинскими доблестями въ неоднократномъ отраженіи нападеній татарскихъ и въ войнѣ Стефана Баторія съ Москвою. Но не это дало ему славу и безсмертіе въ потомствѣ: титло „верховнаго хранителя и защитника православной церкви на Руси“, которымъ величалъ его могущественнѣйшій изъ польскихъ королей Стефанъ Баторій,—вотъ что составляетъ вѣнецъ его славы. Онъ пробудилъ дремлющую Русь, когда кругомъ ея стояли враги, готовые поглотить ее, онъ воскресилъ и обновилъ ее, онъ поддержалъ ее всѣмъ своимъ вліяніемъ, всею силою своего характера въ рѣшительную пору двухъ уній—люблинской и брестской, онъ приготовилъ ей лучшихъ бойцевъ, далъ ей лучшее оружіе для дальнѣйшей борьбы.

Чтобы понять все значеніе личности и дѣятельности князя Константина Острожскаго для православія и народности русской, надо глубоко и всесторонне изучить бурную эпоху XVI ст. вообще и въ частности въ польско-литовскомъ государствѣ, надо представить себѣ ту чудовищную лаву политическихъ стремленій и религіозныхъ разномыслій (соцініанства, протестанства, кальвинизма ересей московскихъ, іезуитства и наконецъ уніи), какая устремилась широкимъ потокомъ на беззащитную и нимало не приготовленную Русь, надо наконецъ взять въ разсчетъ то невѣжество, въ

которомъ она коснѣла, и ту глубокую деморализацію, какая произведена была въ высшихъ и отчасти среднихъ слояхъ русскаго общества, а наиболѣе въ тогдашней нашей іерархіи, предшествовавшею политическою и общественною неурядицей, въ особенности-же примѣненіемъ къ Руси польскаго государственно-общественнаго строя, широкими льготами польско-католическому элементу въ явный ущербъ и попраніе правъ русскаго населенія. По самому характеру и цѣли нашей замѣтки мы не можемъ здѣсь войти ни въ какія подробности; полная оцѣнка дѣятельности кн. Константина Острожскаго и начертаніе его біографіи могли бы составить трудъ нѣсколькихъ лѣтъ для недюжиннаго таланта, мы же ограничиваемся по неволѣ лишь обобщеніемъ немногихъ готовыхъ о немъ свѣдѣній.

Сорокъ лѣтъ онъ стоялъ на стражѣ православія и народности русской, употребляя для того всѣ необходимыя и возможныя средства. Всѣми силами онъ противился соединенію Руси съ Польшею, когда-же протесты его и другихъ оказались безплодными, онъ всѣ усилія направилъ къ пробужденію въ русскомъ народѣ внутренней самодѣятельности путемъ просвѣщенія и науки. Главнѣйшими его дѣяніями въ семъ отношеніи были: учрежденіе въ 70 годахъ XVI ст. въ Острогѣ перваго училища, которое не только само дало многихъ знаменитыхъ въ послѣдствіи ученыхъ и достойныхъ пастырей и ревнителей отеческой вѣры, и въ числѣ этихъ славнаго гетмана Конашевича-Сагайдачнаго, но послужило разсадникомъ и прототипомъ многихъ другихъ училищъ, возникшихъ въ Львовѣ, Вильнѣ, Кіевѣ и другихъ городахъ, и учрежденіе въ томъ-же Острогѣ типографіи, которая дала намъ въ 1580 г. первую нашу библію, много богослужебныхъ, учительныхъ и полемическихъ книгъ, и послужила толчкомъ и образцомъ для другихъ такихъ заведеній и дѣлъ. Вообще-же князь Острожскій принималъ самое дѣятельное участіе въ судьбахъ церкви, зорко слѣдилъ за всѣмъ, что грозило ей опасностію, вредомъ или безчестіемъ, велъ переписку о ея нуждахъ и дѣлахъ съ королемъ, вельможами, митрополитомъ, епископами и другими духовными и свѣтскими лицами, внимательно наблюдалъ за проторгавшимися новыми религіозными ученіями и старался дать имъ отпоръ, заботился о разширеніи и поддержаніи, о возвышеніи и исправленіи духовенства, строилъ и поддерживалъ церкви и монастыри, школы и богадѣльни, покровительствовалъ ученымъ и

помогалъ имъ, приходилъ въ помощь во всякой нуждѣ и во всякомъ дѣлѣ, ободрялъ и утѣшалъ, обличалъ и наставлялъ. Величайшимъ его дѣломъ, утвердившимъ за нимъ имя защитника православія, было не признаніе церковной уніи, какъ задумана она была врагами церкви и народа русскаго. Надо было имѣть его мужество и твердость, его силу и вліяніе, чтобы такъ торжественно и рѣшительно противустать всѣмъ усиліямъ короля и правительства, представителей польско-католической церкви и общества, большинства русскихъ іерарховъ и согласныхъ съ ними духовныхъ и мірянъ и только съ двумя епископами отстаивать независимость и чистоту вѣры и отцевъ.

Приведемъ въ заключеніе нѣсколько словъ о кн. Константинѣ Острожскомъ изъ пространнаго отзыва о немъ современнаго южнорусскаго ученаго Захарія Копыстенскаго: „въ обоемъ высоце преславный—въ дѣльности и правовѣріи, первый межи княжаты Роскими, великій заступъ и потѣха всего народа Роского, муръ желѣзный на Украйнахъ, страхъ и трепетъ татарамъ, урода Гекторова, красота лица и особы Іосифа Прекрасного, постава вспанялая, мужъ обычаевъ царскихъ, ласкавости и цнотъ побожныхъ полный“.

Князь Константинъ Острожскій умеръ въ 1608 г., 15 февраля, и погребенъ въ острожской богоявленской церкви. У него были четыре сына: Иванъ, Константинъ, Осдоръ и Александръ. Первый изъ нихъ въ раннемъ возрастѣ огорчилъ отца своимъ вѣроотступничествомъ, два другіе умерли въ молодые годы, и послѣдній Александръ не пережилъ отца. Потомства мужескаго не осталось послѣ нихъ и знаменитый родъ князей Острожскихъ прекратился съ смертію самаго Константина Константиновича. Огромныя его имѣнія перешли то къ іезуитамъ, то къ польскимъ родамъ. Отъ его благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, отъ его собственнаго жилища не осталось и слѣда, и самая усыпальница его—церковь богоявленская лежитъ въ развалинахъ. Но неизгладились слѣды его апостольской ревности и насажденнаго имъ въ южной Руси просвѣщенія; они-то и будутъ служить вѣчнымъ, нерукотворнымъ памятникомъ этому великому дѣятелю нашей церкви и народа.

Прилагаемый портретъ отысканъ въ бывшей галлереѣ князей Вишневецкихъ, въ д. Новомъ Малинѣ, острожскаго уѣзда, волынской губерніи, однимъ изъ сотрудниковъ нашихъ, П. А. Кипицы-

нымъ, которому мы также обязаны доставленіемъ намъ возможности получить съ этого портрета точную фотографію и копію масляными красками. Подлинникъ портрета, судя по обгнившей надписи и внѣшнему его виду, несомнѣнно современный или весьма близкій ко времени лица, на немъ изображеннаго. Изъ того-же источника добытъ нами и портретъ жены князя Константина, урожденной графини Софіи Тарновской, который будетъ приложенъ къ декабрьской книжкѣ „Кіевской Старины“.